

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ, ТРУДОВОМ, СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ
В ГОСУДАРСТВАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ЕАЭС**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Минск, 17 декабря 2019 г.)

Минск
Академия МВД
2020

УДК 347 + 349.2 + 347.6(061.3)
ББК 67.404
Т11

Редакционная коллегия:

заведующий кафедрой гражданского и трудового права
Академии МВД Республики Беларусь кандидат юридических наук, доцент
Е.М. Ефременко (ответственный редактор);
заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права
Академии МВД Республики Беларусь кандидат юридических наук, доцент
М.А. Пашкев;
профессор кафедры гражданского и трудового права
Академии МВД Республики Беларусь кандидат юридических наук, доцент
А.А. Греченков;
адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии МВД Республики Беларусь магистр юридических наук
С.И. Красовский

Т11 Теория и практика реализации мер ответственности в гражданском, трудовом, семейном праве в государствах Таможенного союза ЕАЭС : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 17 дек. 2019 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: Е.М. Ефременко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2020. – 219, [1] с.
ISBN 978-985-576-255-4.

Тематика рассматриваемых материалов охватывает широкий спектр актуальных вопросов, связанных с совершенствованием законодательства и правоприменительной практики в сфере юридической ответственности в гражданском, трудовом и семейном праве в государствах Таможенного союза ЕАЭС.

Издание предназначено для лиц, обучающихся на юридических факультетах учреждений высшего образования, научных сотрудников и преподавателей.

УДК 347 + 349.2 + 347.6(061.3)
ББК 67.404

ISBN 978-985-576-255-4 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2020

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ И СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

УДК 341.51

Т.В. Авдеева

О ФУНКЦИЯХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Как известно, гражданско-правовая ответственность направлена на восстановление имущественного положения пострадавшего от правонарушения лица и реализуется по его усмотрению. Таким образом, акцент в проблематике гражданской ответственности смещен на компенсационную функцию, что составляет ее главную отраслевую особенность. Но функциональное назначение гражданской ответственности не может быть сведено к компенсации нарушенного интереса, т. е. защите лица после нарушения его права. Как любой другой вид юридической ответственности, гражданская ответственность призвана обеспечить соблюдение гражданских прав, а потому не менее важны такие ее функции, как превентивная и карательная.

Негативное отношение науки и практики последних десятилетий к санкционной составляющей гражданской ответственности во многом явилось реакцией на ту деформацию, которой данный вид ответственности подвергся в советский период, превратившись из средства защиты прав кредитора в инструмент командно-административного давления на должника. В условиях формирующегося рынка усилия исследователей сосредоточились на компенсационной функции гражданской ответственности, тогда как любые проявления сверхкомпенсации критиковались как несоответствующие эквивалентно-возмездному характеру гражданских отношений. Современный этап развития гражданских отношений со всей очевидностью демонстрирует опасность умаления значения штрафной и превентивной функций гражданской ответственности для обеспечения режима законности.

Превентивная и карательная функции, связанные с санкционным воздействием на правонарушителя, во многом предопределяются компенсационной функцией гражданской ответственности, ее содержанием и эффективной реализацией. Однако добиться надлежащей защиты гражданских прав до и после нарушения, не прибегая к мерам воздей-

ствия, выходящим за пределы компенсации, бывает достаточно сложно. В таких случаях превентивная и карательная функции реализуются в специальных мерах ответственности, обеспечивающих соблюдение гражданских прав в отрыве от функции компенсации.

Учитывая сказанное, можно выделить следующие тенденции развития института гражданской ответственности.

Во-первых, совершенствование мер компенсационного характера, без которых невозможно обеспечить восстановление имущественного положения потерпевшего от правонарушения лица и сопутствующее такому восстановлению санкционное воздействие на правонарушителя. Данное направление является приоритетным, так как связано с главным назначением гражданско-правовой ответственности – быть средством защиты лица, право которого нарушено. Определенные законодательные шаги в данном направлении уже сделаны, другие – запланированы в ближайшее время.

Так, за последние двадцать лет успешно зарекомендовала себя такая форма защиты прав кредитора в денежном обязательстве, как взыскание процентов за неправомерное пользование чужими денежными средствами. Доктринальное осмысление ряда проблем, возникающих при применении данной формы ответственности (несоответствие нормативного размера процентов экономическим потерям кредитора, отсутствие нормативного размера процентов применительно к обязательствам в иностранной валюте), позволяет надеяться на скорейшее их разрешение.

Нормы, призванные кардинально изменить практику взыскания убытков, заложены в проект Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Проект подчеркивает значение возмещения убытков как общего средства защиты, подлежащего применению независимо от использования иных средств защиты, сфера применения возмещения убытков расширяется за счет преддоговорного этапа отношений сторон, в целях либерализации процесса доказывания размера убытков вводится понятие «разумной степени достоверности», а при невозможности доказать размер убытков с разумной степенью достоверности справедливый размер убытков должен будет определить суд.

Указанные новеллы призваны раскрыть компенсационный потенциал гражданской ответственности, но далеко не исчерпывают его. В научной разработке с целью последующей законодательной реализации нуждаются правила, касающиеся пределов ответственности в форме возмещения убытков (предвидимость убытков, непредотвратимость убытков), заранее оцененных убытков, возмещения убытков на стадии предвидимого нарушения обязательства и некоторые др.

Во-вторых, использование санкционной составляющей гражданской ответственности в тех случаях, когда возмещение убытков нельзя считать оптимальной формой защиты гражданских прав до и после нарушения: возмещение убытков не является адекватным средством защиты нарушенного интереса (например, в обязательствах, лишенных экономического содержания), не способно оказать серьезного стимулирующего воздействия (например, в обязательствах, нарушение которых не сопровождается причинением серьезного имущественного ущерба), не может быть использовано стороной ввиду сложностей, возникающих при доказывании убытков, не позволяет бороться со злостными формами недобросовестного поведения участников гражданских отношений. Речь идет об имущественных санкциях, обеспечивающих режим законности в отрыве от компенсационной функции, понимаемой в смысле ст. 14 и ст. 364 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК).

Как известно, неустойка подлежит уплате независимо от наличия и размера убытков кредитора, из чего следует, что ее санкционная составляющая превалирует. Однако в условиях труднодоказуемости убытков значение неустойки изменилось – из средства стимулирования (превенции) и наказания неисправного должника неустойка превратилась в суррогат убытков, соответственно формировалась и практика уменьшения неустойки судом. Полагаем, что либерализация процесса взыскания убытков, с одной стороны, и правильное отношение к санкционной составляющей гражданской ответственности, с другой стороны, позволят восстановить основное назначение неустойки – стимулировать должника к надлежащему исполнению обязательства. Как следствие, неустойка с большим успехом будет применяться там, где защита посредством реализации функции компенсации невозможна или затруднена.

Штрафная составляющая гражданской ответственности многое проясняет в отношении взыскания так называемых «реституционных убытков» (ч. 2 п. 2 ст. 14 ГК). С теоретической и практической точки зрения важно понимать, что «реституционные убытки» ни в какой связи с реальными убытками потерпевшего от правонарушения лица не находятся и представляют собой самостоятельное средство защиты, карательная направленность которого находит обоснование в действии принципа добросовестности, а именно, в развивающемся данный принцип правиле «никто не может обогатиться за счет другого, действуя противоправно».

За нарушение исключительных прав на отдельные объекты интеллектуальной собственности законодательством предусмотрена такая мера ответственности, как компенсация. Полагаем, несмотря на название, данная мера носит скорее карательный, чем компенсационный ха-

ракти: компенсация взыскивается вместо убытков и при определении ее размера учитывается характер нарушения. В случае либерализации процесса взыскания убытков оснований считать компенсацию более простым способом возмещения имущественных потерь будет еще меньше.

В свете сказанного следует глубоко изучить и оценить на предмет возможного заимствования известный иностранным правовым порядком институт «карательных убытков», применяемый главным образом в сфере деликтного права, а также в некоторых случаях нарушения договорных обязательств. В Российской Федерации, например, можно встретить институты, близкие к идее «карательных убытков» (штраф в размере 50 % от суммы, присужденной судом в пользу потребителя, взыскиваемый с изготовителя (исполнителя, продавца), за неудовлетворение в добровольном порядке требований потребителя).

Итак, компенсационная функция гражданско-правовой ответственности имеет бесспорный приоритет, а возмещение убытков по-прежнему занимает главенствующее место среди мер гражданской ответственности. Вместе с тем признание относительной самостоятельности и значения превентивной и карательной функций позволит более эффективно использовать институт гражданско-правовой ответственности для защиты гражданских прав, соблюдение которых не может быть обеспечено посредством реализации функции компенсации и в ее пределах.

УДК 341.225

Н.Н. Акимов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ МОРСКИХ ПЕРЕВОЗОК ГРУЗОВ В ЛИНЕЙНОМ СООБЩЕНИИ

Морская перевозка грузов – необходимый элемент осуществления внешнеэкономического сотрудничества любого государства. В том числе и не имеющего выхода к морю. Массовые и крупногабаритные грузы, контейнеры доставляются, как правило, морским транспортом. Не исключение и Республика Беларусь.

Проблематика правового регулирования морской перевозки грузов освещается в той или иной степени в отечественной правовой литературе с 90-х гг. XX в. В Республике Беларусь процесс развития морского транспортного законодательства обозначился в 1999 г. с принятием Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь (КТМ). Безуслов-

но, его принятие – часть общего процесса изменения гражданского законодательства, в основе которого лежит принятие в 1998 г. Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК). Далее последовало принятие Кодекса внутреннего водного транспорта Республики Беларусь.

Однако за прошедшие 20 лет в белорусской правовой науке специальных исследований указанной проблематики не отмечено.

Торговое мореплавание исторически формировалось в двух формах – трамповое (нерегулярное) судоходство и линейное (регулярное) судоходство.

Трамповое судоходство основано на том, что оно не связано с обслуживанием определенных направлений и портов. Суть его – одиночные рейсы. Порты захода, прибытия и отправления определяются договором морской перевозки. В трамповых перевозках таким договором является чартер.

Регулярное, или линейное, сообщение организуется морскими перевозчиками на устойчивых географических направлениях. Особенностью линейного судоходства является закрепление судов на данном направлении и их регулярные заходы в определенные порты по заранее объявленному расписанию. Регулирование правоотношений института морских перевозок в линейном сообщении неразрывно с применением субинститута коносамента, который выполняет следующие функции:

- свидетельствует о заключении договора перевозки;
- является распиской в получении груза перевозчиком;
- является товарораспорядительным документом (ценной бумагой).

Причем коносамент – документ, который не олицетворяет собой договор морской перевозки груза, а только подтверждает его. В ст. 86 КТМ указывается: «Перевозчик вправе выдать не коносамент, а иной документ в подтверждение получения груза для морской перевозки. Такой документ является первостепенным доказательством заключения договора морской перевозки груза и приема его перевозчиком».

Законодательство Республики Беларусь особенности линейного судоходства специально не регулирует. В КТМ линейные перевозки отражены только в ч. 3 ст. 96 (Место погрузки), в которой говорится: «при перевозках в линейном сообщении место погрузки устанавливает перевозчик».

Рассмотрим договор морской перевозки в линейном сообщении. Договор является двухсторонне обязывающим. Так, согласно ст. 80 КТМ «перевозчик обязуется доставить», а «отправитель обязуется уплатить». Каждая из сторон договора, таким образом, обладает правомочием, корреспондирующим обязанности другой стороны.

Согласно ст. 80 и ст. 119 «перевозчик обязуется выдать груз уполномоченному на получение лицу», именно по предъявлении в порту назначения одного из экземпляров оригинала коносамента, либо получателю, указанному в ином, выданном вместо коносамента документе.

Договор морской перевозки груза в линейном сообщении является возмездным. «На морском транспорте цена транспортной продукции может быть выражена двумя формами – тарифом и фрахтом. Тариф – заранее установленная провозная плата, опубликованная для всеобщего сведения. Если перевозка осуществлена безвозмездно, то в соответствии со ст. 4 КТМ регулирование правоотношений будет осуществляться ГК.

Договор морской перевозки груза в линейном сообщении является срочным. Так, согласно ст. 116 КТМ «перевозчик обязан доставлять грузы в соответствии с указанными в договоре маршрутом и сроками, а при отсутствии такого указания – в соответствии с обычным маршрутом и в обычные сроки».

Что касается квалификации договора морской перевозки груза как реального, либо консенсуального, однозначного доктринального ответа здесь нет. Так, ГК в ст. 739 определяет договор перевозки груза (для всех видов транспорта) как реальный. «По договору перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его уполномоченному на получение груза лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груза установленную плату». То, что договор носит реальный характер, указывалось во всякой литературе по морским перевозкам грузов в советское время.

Однако существует иное мнение, основанное на современном опыте заключения и исполнения договоров морской перевозки грузов в линейном сообщении, – договор заключается до вручения груза перевозчику. Действительно, проецируя данную ситуацию на действия белорусского грузоотправителя, сложно предположить, что белорусский грузоотправитель, предварительно не согласовав все необходимые сведения для перевозки – количество мест, дату отправки, особенности упаковки и пр. (т. е. фактически заключив договор на перевозку), отправит груз в порт, тем более находящийся в другом государстве.

Относительно договора перевозки в линейном сообщении К.М. Шмит-гофф пишет: «...договор морской перевозки заключается до выдачи коносамента и что в последнем просто фиксируются условия договора, который уже частично исполнен». Далее он поясняет проект коносамента, отправленный отправителем перевозчику, часто является офертой, но сам договор перевозки считается заключенным только тогда, когда перевозчик акцептует оферту.

На наш взгляд, в споре о том, что договор, ранее признанный однозначно реальным, а в настоящее время признаваемый консенсуальным, просматривается эволюционное развитие, основанное прежде всего на модернизации и технологическом совершенствовании как процесса заключения самого договора, так и процесса перевозки груза. Современное развитие коммуникаций уже привело (и еще более приведет) к применению электронных средств связи. Таким образом, договор морской перевозки груза в линейном сообщении может быть заключен путем обращения грузоотправителя к перевозчику с просьбой о перевозке.

Подводя итог, отметим, что в Республике Беларусь отсутствует нормативная база для регистрации морских линий, а также нет международных соглашений о сотрудничестве с прибрежными морскими государствами в данной сфере. В случае возникновения возможности создания морской линии с участием белорусского перевозчика, необходимо предусмотреть заключение соглашения со страной-партнером. Считаем необходимым внести в КТМ понятие морской линии с последующим уточнением норм, регулирующих действия операторов линии.

Предлагаем дополнить ст. 2 КТМ определением морской линии следующего содержания: «морская линия – сообщение между морскими портами, при котором перевозки судами грузов и (или) пассажиров и их багажа осуществляются на регулярной основе по расписанию».

УДК 351.712

Ю.А. Амельчя

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЛИДАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» (далее – Закон) (в редакции от 17 июля 2018 г.) осуществление государственных закупок для приобретения товаров (работ, услуг) полностью или частично за счет бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов возлагается непосредственно на заказчика, которому требуются такие товары (работы, услуги).

Лица, относящиеся к заказчикам, определены в ст. 1 Закона: это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие государственную закупку, в том числе через обособленное подразделение юридического лица (включая филиал либо представительство), уполномоченное от имени этого юридического лица, и заказчик высту-

пает получателем бюджетных средств и (или) средств государственных внебюджетных фондов.

Получатель, в свою очередь, это бюджетная или иная организация, индивидуальный предприниматель, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств в соответствующем финансовом году и отвечающие за целевое и эффективное использование полученных бюджетных средств (подп. 1.44 п. 1 ст. 2 Бюджетного кодекса Республики Беларусь).

Правовой статус получателя регламентирован бюджетным законодательством.

Осуществление государственных закупок заказчиком предполагает выполнение им (уполномоченными им работниками, структурными подразделениями) функций, установленных законодательством о государственных закупках, т. е. речь о том, что заказчик самостоятельно осуществляет государственные закупки и несет все связанные с их осуществлением риски.

В то же время Закон предусматривает право нескольких заказчиков проводить так называемые совместные закупки. Так, два и более заказчика по письменному соглашению, определяющему их права, обязанности и ответственность, могут совместно проводить процедуры государственных закупок однородных товаров (работ, услуг). При этом договоры с поставщиками (подрядчиками, исполнителями), выбранными в результате совместно проведенных процедур государственных закупок, заключает каждый из заказчиков (п. 3 ст. 12 Закона).

Этот механизм позволяет сконцентрировать риски осуществления государственных закупок у одного из заказчиков или распределить их между несколькими или всеми участвующими в таком соглашении заказчиками.

Возможность проведения совместных закупок предусмотрена в законодательстве Российской Федерации. Так, согласно ст. 25 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Федеральный закон № 44-ФЗ) при осуществлении двумя и более заказчиками закупок одних и тех же товаров, работ, услуг такие заказчики вправе проводить совместные конкурсы или аукционы. Права, обязанности и ответственность заказчиков при проведении совместных конкурсов или аукционов определяются соглашением сторон, заключенным в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным законом № 44-ФЗ. Контракт с победителем либо победителями совместных конкурсов или аукциона заключается каждым заказчиком.

Тем самым для приобретения однородных товаров (работ, услуг) несколькими заказчиками отношения между ними регулируются гражданско-правовым договором, которым определяются полномочия каждого из заказчиков при проведении совместных процедур, равно как в таком соглашении может быть определен конкретный заказчик, который выполняет весь комплекс функций при организации совместных государственных закупок.

Полагаем, такой договор (соглашение) по своей правовой природе относится к организационным, «цель которого – подготовить заключение иного договора» [1].

«Позитивным правовым результатом процедуры государственной закупки и целью процедуры является заключение договора» [2, с. 32], соответственно, целью соглашения о совместных закупках является последующее проведение процедур государственных закупок и, как их результат, – заключение договора государственной закупки каждым из заказчиков, участвующих в таком соглашении.

Данный договор должен соответствовать общим правилам о договоре, включая согласование существенных условий. По общему правилу существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение (часть вторая п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК)). В качестве предмета выступают обязательства заказчиков по организации и проведению совместных процедур государственных закупок, распределение обязанностей, прав, в целом функций, осуществляется таким соглашением.

С момента заключения такого соглашения до момента заключения договора государственной закупки каждым из заказчиков обязательства в отношении проводимой процедуры принимают на себя все участвующие в соглашении заказчики, хотя функции может выполнять один из них, действуя при этом в интересах всех остальных заказчиков и себя как заказчика.

В этой связи можно говорить о многосторонности такого договора и, очевидно, о множественности лиц в обязательствах, возникающих при участии заказчиков как сторон соглашения о совместных закупках в отношениях с иными субъектами.

Права и обязанности относительно заключаемого по результатам проведения процедуры договора возникают у каждого из заказчиков – как по заключению такого договора, так и его исполнению. Собственно

для этого и норма предусматривает обязанность заключения договора каждым из заказчиков с выбранным по результатам процедуры поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

Закон устанавливает в качестве обязательного условие об ответственности заказчиков, умалчивая относительно того, перед кем она наступает. В этой связи полагаем, что такая ответственность касается самих участников соглашения между собой и перед третьими лицами при осуществлении государственных закупок (потенциальными поставщиками (подрядчиками, исполнителями), участниками и иными).

Ответственность для заказчиков как сторон соглашения обусловлена кругом выполняемых каждым из них функций, возникает только при неисполнении или ненадлежащем исполнении возложенных обязанностей на конкретного заказчика.

Однако полагаем, что проблематично рассматривать такую ответственность, как долевую, поскольку при необходимости возмещения причиненного вреда, убытков у кредиторов правомерно может возникнуть вопрос о том, кому из заказчиков – сторон соглашения в каком объеме (доле) предъявлять требования.

В этой связи гражданско-правовую ответственность сторон соглашения о совместных закупках по отношению к третьим лицам предлагаем считать солидарной.

Солидарная ответственность или солидарная обязанность представляет собой вид солидарных обязательств (пассивные солидарные обязательства), где имеет место множественность лиц на стороне должника.

При солидарной ответственности кредитор вправе требовать исполнения от всех должников или от каждого в отдельности, полностью или в части.

При этом по общему правилу, «если в основном обязательстве участвовало более двух солидарных должников, то исполнение обязанности одним из них порождает регрессное долевое обязательство между ним – кредитором в этом обязательстве, с одной стороны, и его бывшими содолжниками – с другой, в размере исполненного за вычетом доли, падающей на исполнившего должника». И если один из таких содолжников не исполнит свою долю обязательства в рамках регресса, то «подобного рода риск не может лежать исключительно на том субъекте, который участвовал в исполнении основного обязательства, а должен быть справедливо распределен между всеми дебиторами.

Последнее не может быть обеспечено посредством использования одной лишь конструкции долевого обязательства, поскольку она основывается на обособленности должников друг от друга и локализации

риска неисполнения каждым из них на кредиторе. Это обуславливает существование дополнительного правила, в соответствии с которым неуплаченное одним из солидарных должников должнику, исполнившему солидарную обязанность, падает в равной доле на этого должника и на остальных должников» [3, с. 34].

В соответствии с п. 1 ст. 303 ГК солидарная обязанность (ответственность) или солидарное требование возникают, если солидарность обязанности или требования предусмотрена договором или установлена законодательством, в частности при неделимости предмета обязательства.

Тем самым общее правило солидарной ответственности состоит в том, что она может быть установлена законодательством или договором.

Между тем действует презумпция для субъектов предпринимательской деятельности: обязанности нескольких должников по обязательству, связанному с предпринимательской деятельностью, равно как и требования нескольких кредиторов в таком обязательстве, являются солидарными, если законодательством или условиями обязательства не предусмотрено иное (п. 2 ст. 303 ГК).

Тем самым иной порядок распределения ответственности между указанными лицами может устанавливаться законодательством или условиями обязательства. И можно согласиться, что хотя общими основаниями возникновения солидарной ответственности принято считать закон и договор [4, с. 1181], тем не менее не исключается возникновение солидарной обязанности из нескольких договоров.

Солидарная ответственность как вид гражданско-правовой ответственности отличается наличием права у кредитора предъявить требование в полном объеме непосредственно к солидарным должникам [4, с. 1181]. В этой особенности состоит и ее отличие от долевой ответственности, где каждый из должников исполняет обязательство в своей доле.

При солидарной ответственности «право выбора должника обусловлено необходимостью предъявить требование к определенному лицу или лицам, которые с момента заключения договора и до его исполнения находятся в равном положении по отношению как к кредитору» [4, с. 1183].

Причем кредитор самостоятельно определяет объем требований [4, с. 1184], в то же время «выбор должника, объем требований обусловлен не только правом кредитора, но и содержанием обязательства» [4, с. 1185].

Для исполнившего должника у него возникают права требования к остальным, и «не исполнившие содолжники остаются в состоянии свя-

занности последствиями исполнения, и это оказывает влияние на то, как будут складываться отношения между ними» [4, с. 1185].

В этой связи по содержанию «в солидарных обязательствах возникают отношения между кредитором и должниками, между содолжниками либо кредиторами и должником, а также между сокредиторами» [4, с. 1183].

Солидарность ответственности для сторон соглашения о совместных закупках обусловлена тем, что, во-первых, множественностью лиц на стороне заказчика при осуществлении совместных закупок, во-вторых, единой целью участвующих в соглашении заказчиков (осуществление процедуры государственных закупок), в-третьих, обязательства при осуществлении процедуры возникают при наличии множественности лиц на стороне заказчика, хотя и фактически функции заказчика может выполнять один из них, в-четвертых, солидарность обязанностей заказчиков позволит кредиторам предъявлять требования любому из них. В дальнейшем у исполнившего заказчика появится регрессное требование к остальным заказчикам.

Список использованных источников

1. Королева, Н.В. Предварительный договор и условие о задатке: новое направление судебной практики [Электронный ресурс] / Н.В. Королева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Амелъчяня, Ю.А. Договор на государственную закупку в законодательстве Республики Беларусь / Ю.А. Амелъчяня. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 272 с.
3. Юрзин, П.Н. Субсидиарная ответственность солидарных содолжников в регрессном обязательстве / П.Н. Юрзин // Акад. юрид. журн. – 2017. – № 1 (67). – С. 33–37.
4. Потапков, А.А. К вопросу о природе солидарной ответственности / А.А. Потапков // Право и политика. – 2009. – № 5. – С. 1181–1187.

УДК 346.546

Н.Е. Бодяк

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

За последние десятилетия значение антимонопольного регулирования в Республике Беларусь, как и в мировом сообществе, значительно возросло. Это связано не только с развитием рыночных отношений в

рамках государства, но и с интеграционными процессами, в том числе, с образованием Евразийского экономического союза. Законодательство о противодействии монополистической деятельности и поддержании конкуренции претерпело ряд серьезных изменений, но продолжает развиваться и совершенствоваться. В Республике Беларусь, как и в других странах ЕАЭС, наиболее распространенным видом юридической ответственности за правонарушения в данной сфере является административная ответственность. Возмещение причиненных убытков в рамках гражданско-правовой ответственности применяется значительно реже в связи с необходимостью обоснования конкурентных отношений, установления причинной связи между действиями правонарушителя и причиненными убытками, а также сложностью установления размера убытков. Полагаем, что институт ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, равно как и правоприменительная практика по таким делам, требуют тщательного теоретического анализа и осмысления.

При выборе мер ответственности следует учитывать, что правонарушения в данной сфере имеют существенные различия. Так, монополистической деятельностью в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-3 «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) признается злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением, заключение соглашений или совершение согласованных действий, а также совершение иных действий (бездействие), направленных на недопущение, ограничение или устранение конкуренции и запрещенных актами антимонопольного законодательства.

Недобросовестная конкуренция – противоправное деяние, выраженное в активных действиях субъекта, поскольку из ст. 1 Закона следует, что бездействие, независимо от результата (приобретение преимуществ или выгод в предпринимательской деятельности), формально не относится к данному правонарушению, следовательно, бездействие не может считаться актом недобросовестной конкуренции. Такие действия субъекта должны противоречить антимонопольному законодательству или принципам добросовестности и разумности, закрепленным в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (в Законе не приводится толкования названных принципов).

Иными словами, монополистическая деятельность отличается от недобросовестной конкуренции: по субъектному составу – хозяйствующие субъекты, в том числе и не состоящие в конкурентных отношениях,

государственные органы, органы местного управления и самоуправления и их должностные лица; возможна путем активных действий или бездействия. Непосредственным объектом правонарушения выступает собственно конкуренция, причем в данном случае достаточно совершения определенных в законодательстве действий или бездействия с целью устранения или ограничения конкуренции, необходимости в возникновении неблагоприятных последствий, а значит, и установлении причинной связи нет. Существенным условием признания действия субъекта недобросовестной конкуренцией является направленность на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности по сравнению с конкурентами (получение прибыли в большем объеме, увеличение объемов реализации собственной продукции при сокращении объемов реализации продукции конкурента и т. п.). Следовательно, субъектами недобросовестной конкуренции могут признаваться только конкурирующие между собой в одной сфере хозяйственной деятельности субъекты, осуществляющие тождественные виды деятельности на одном товарном рынке. К тому же установление правовых последствий правонарушения является обязательным. Данный элемент относится к категории существенных вопросов при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции в судебном порядке, поскольку именно в суде может быть заявлено требование о возмещении причиненных убытков.

Относительно вины, как условия ответственности, единого мнения в юридической литературе не сложилось, однако согласно положениям п. 3 ст. 372 Гражданского кодекса Республики Беларусь и Закона отметим, что вина не рассматривается в качестве необходимого условия ответственности за недобросовестную конкуренцию.

Законом «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» на антимонопольные органы возложено выполнение репрессивной (осуществляется в виде предварительного и текущего контроля деятельности предпринимателей) и созидательной (контроль за экономической концентрацией) функций. Прогрессивным моментом в корректировке законодательства является применение «мягкого права», что выражается в установлении в ст. 16 Закона возможности для антимонопольного органа направить должностному лицу юридического лица, в том числе государственного органа, предостережение о недопустимости нарушения антимонопольного законодательства. Подобные меры направлены на содействие развитию культуры конкуренции и соответствуют программе смягчения экономической ответственности.

Таким образом, основными мерами реагирования на возможные нарушения антимонопольного законодательства являются:

предостережение антимонопольного органа, направляемое должностному лицу субъекта хозяйствования или уполномоченного государственного органа в целях недопущения возможного нарушения;

предупреждение, направляемое антимонопольным органом в адрес субъекта хозяйствования с целью устранения уже имеющегося нарушения;

предписание антимонопольного органа, выносимое в адрес субъекта в случае установления факта нарушения, если субъект не выполнил требования, изложенные в предупреждении;

привлечение к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства (ст. 11.24–11.26 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях);

признание судом по иску (заявлению) антимонопольного органа недействительными полностью или частично правовых актов государственных органов, не соответствующих антимонопольному законодательству; договоров, не соответствующих антимонопольному законодательству; закупок товаров; понуждение к заключению, изменению или расторжению договора (данные меры относятся к имущественной ответственности);

обращение с заявлением о нарушении в антимонопольный орган;

прекращение антиконкурентных действий, опубликование опровержения распространенных сведений, возмещение причиненных убытков по иску заинтересованной стороны в судебном порядке на основании ст. 1030 Гражданского кодекса Республики Беларусь;

решение суда о принудительном разделении хозяйствующих субъектов, принудительном выделении из состава такого субъекта одного или нескольких субъектов (по иску антимонопольного органа, если дважды в течение двух лет совершил нарушения антимонопольного законодательства).

Таким образом, неконкурентные действия могут пресекаться с помощью обращения в антимонопольный орган или в суд. Право на обращение в суд предоставлено как заинтересованной стороне, так и антимонопольному органу. Кроме того, суды вправе самостоятельно устанавливать факты недобросовестной конкуренции и пресекать их проявления. Пресечение недобросовестной конкуренции в судебном порядке и возмещение убытков не зависит от рассмотрения дела в антимонопольных органах. Защита нарушенного права возможна как на основании антимонопольного законодательства, так и в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности, однако антимонопольное законодательство позволяет более оперативно защитить широкий круг прав и интере-

сов, но не возместить причиненные убытки. Взыскание убытков возможно только в судебном порядке, но предполагает доказывание конкурентных отношений между спорящими сторонами.

УДК 347

Н.Л. Бондаренко, Ю.Г. Конаневич

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Ответственность в сфере осуществления хозяйственной деятельности, как правило, рассматривается с позиции гражданского права, что является, по нашему мнению, не вполне оправданным. Попытаемся спроецировать выделенные в цивилистической доктрине признаки гражданско-правовой ответственности на сферу хозяйственных отношений.

Так, в соответствии с утвердившимся в правовой доктрине мнением *гражданско-правовая ответственность имеет имущественное содержание*, а ее меры (гражданско-правовые санкции) носят имущественный характер. Цивилисты, ученые-хозяйственники используют термины «хозяйственно-правовая ответственность», «хозяйственные санкции (хозяйственная ответственность)», не ставя под сомнение, что это в основном «имущественные меры воздействия» в отношении субъекта хозяйственных правоотношений. Однако ответственность в сфере осуществления хозяйственной деятельности может носить иной, неимущественный характер. Так, например, в соответствии со ст. 228 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-3 «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» должник – индивидуальный предприниматель в случае ложной экономической несостоятельности (банкротства), преднамеренной экономической несостоятельности (банкротства) или сокрытия экономической несостоятельности (банкротства) в судебном порядке может быть ограничен в праве осуществления предпринимательской деятельности на срок до трех лет. Исходя из данной правовой нормы к индивидуальному предпринимателю – хозяйствующему субъекту никаких имущественных санкций не применяется, но он ограничивается в правосубъектности. Кроме того, следует учитывать и моральную ответственность субъекта хозяйственной деятельности, выражающуюся в подрыве его деловой репутации как нанимателя, работодателя, налогоплательщика, производителя товаров, работ и услуг.

Гражданско-правовая ответственность направлена на восстановление имущественного положения потерпевшей стороны, санкции – на взыскание в ее пользу, а не в доход государства. В случае осуществления хозяйственной деятельности с нарушением законодательства, взыскание может быть направлено в доход государства. В соответствии с п. 26 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования», государственная регистрация субъектов хозяйствования, осуществленная на основании заведомо ложных сведений, представленных в регистрирующие органы, может быть признана недействительной по решению суда, рассматривающего экономические дела, с учетом характера допущенных нарушений, в том числе умышленного представления заведомо ложных сведений, и наличия ущерба, причиненного государственным и (или) имущественным интересам, гражданам и (или) юридическим лицам, а также иных обстоятельств. Деятельность созданного юридического лица, в том числе в результате реорганизации в форме выделения, разделения либо слияния, индивидуального предпринимателя, государственная регистрация которых признана недействительной, является незаконной и запрещается, а доходы, полученные от такой деятельности, взыскиваются в судебном порядке в местные бюджеты. Следовательно, можно констатировать, что взыскание полученных от незаконной деятельности доходов не может быть квалифицировано как административное взыскание, поскольку не предусмотрено административно-деликтным законодательством, но может рассматриваться как мера финансовой ответственности, предполагающей изъятие фонда финансовых ресурсов или его части.

Гражданско-правовая ответственность применяется по требованию потерпевшей стороны, которая сама решает прибегать ей к мерам имущественного воздействия на должника или нет, в то время как в сфере хозяйственных отношений дела обстоят иначе. Так, изъятие предмета залога как способа обеспечения исполнения налогового обязательства или обязательства по уплате таможенных платежей осуществляется таможенным органом (ст. 50 Налогового кодекса Республики Беларусь).

В то же время ответственность в сфере хозяйственных отношений характеризуется собственными специфическими чертами, позволяющими констатировать не только ее отличие от гражданско-правовой, но и от иных видов юридической ответственности и свидетельствующими об ее особом комплексном характере.

Так, меры, которые могут квалифицироваться как санкции за ненадлежащее осуществление хозяйственной деятельности, в гражданском праве имеют совершенно иное значение. В соответствии со ст. 19 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» хозяйствующий субъект, злоупотребляющий доминирующим положением на рынке, может быть реорганизован. Таким образом, реорганизацию можно рассматривать как санкцию за нарушение установленного порядка осуществления хозяйственной деятельности. В то же время согласно ст. 53 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) реорганизация является одной из форм прекращения деятельности юридического лица.

Гражданско-правовая ответственность имеет преимущественно частноправовую природу, в то время как ответственность в сфере осуществления хозяйственной деятельности – публично-правовую в силу того, что институты хозяйственного права в большинстве своем являются публично-правовыми (экономическая несостоятельность и банкротство; техническое нормирование и стандартизация; антимонопольное регулирование; финансовый и хозяйственный учет и др.).

Не имеет гражданско-правовой природы внутрихозяйственная ответственность, в частности, ответственность коллегиальных органов управления корпоративных организаций за результаты хозяйственной деятельности. В соответствии с нормами ГК, Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-ХП «О хозяйственных обществах» (ст. 5), Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-3 «О бухгалтерском учете и отчетности» привлечь к гражданско-правовой ответственности можно лишь лицо, осуществляющее полномочия единоличного исполнительного органа хозяйственного общества либо возглавляющее коллегиальный исполнительный орган хозяйственного общества. В то время как механизм привлечения к ответственности членов коллегиальных органов в гражданском законодательстве отсутствует.

Государство как участник гражданских правоотношений является субъектом гражданско-правовой ответственности. В то же время государство осуществляет хозяйственную деятельность публичного характера в части управления экономикой в целом и ее государственным сектором. И ответственность за результаты этой хозяйственной деятельности, которую оно несет перед обществом, имеет черты политической, юридической и экономической ответственности (ответственность за результаты макроэкономической деятельности). Экономическая ответственность выражается в определении состояния кредитоспособности государства в соответствии с методиками международных рейтинговых агентств, влия-

ющего на кредитоспособность Республики Беларусь при осуществлении внешних заимствований и белорусских организаций при использовании ими инструментов международного рынка инвестиций.

Таким образом, под *ответственностью в сфере осуществления хозяйственной деятельности* следует понимать претерпевание субъектом хозяйственной деятельности неблагоприятных экономических, политических, моральных, а также правовых последствий ненадлежащей организации и порядка осуществления хозяйственной деятельности.

УДК 346.546

А.В. Василевский

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС

Способы и механизмы применения (наступления) неблагоприятных последствий как результат нарушения норм антимонопольного законодательства закреплены в виде соответствующих способов реагирования в различных нормативных правовых актах как на национальном уровне, так и наднациональном – в рамках договорной правовой базы Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз).

В зависимости от источника нормативного закрепления и, соответственно, методов применяемого регулирующего воздействия, ответственность в обозначенной сфере общественных отношений традиционно можно классифицировать на административную, уголовную и гражданско-правовую.

В доктрине конкурентного права сложилась позиция, согласно которой совокупность всех установленных законом мер ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в широком смысле принято именовать антимонопольной ответственностью. Вместе с тем в науке распространено также понимание обозначенной категории и в узком смысле. А. Рынженков выделяет антимонопольную ответственность, основываясь на положении о том, что «наряду с «классическими» видами ответственности (уголовной, административной, гражданско-правовой, дисциплинарной) практически в каждой отрасли права формируется свой особый вид». Специфика указанной ответственности, по мнению автора, заключается в том, что «она не предусмотрена нормами никаких других отраслей права, кроме антимонопольного». Обособление отраслевой антимонопольной ответственности, как представляет-

ся весьма условно, поскольку исходя из данной логики рассуждения в каждой отрасли законодательства можно обосновать необходимость отдельного самостоятельного вида ответственности, при этом не происходит формирование нового регулирующего метода воздействия, что как раз-таки и может свидетельствовать в пользу выделения той либо иной ответственности.

По праву Союза и национальному сегменту законодательства государств – членов ЕАЭС за нарушение антимонопольных требований и запретов наиболее распространена административная ответственность. Правовое регулирование деликтов в рассматриваемой сфере общественных отношений, совершенных на трансграничном рынке государств – членов ЕАЭС, закреплено в п. 16 Протокола об общих принципах и правилах конкуренции, содержащимся в приложении № 19 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. В свою очередь, национальное регулирование членов Союза представлено в нормах статей Кодекса об административных правонарушениях: в Республике Армения – ст. 171.1–171.11; в Республике Беларусь – ст. 11.24–11.26; в Республике Казахстан – ст. 158–167; в Кыргызской Республике – ст. 311–314, 321–324; в Российской Федерации – ст. 14.9, 14.31–14.33, 14.40, 19.5.

Административные взыскания по указанным правонарушениям носят имущественный характер и установлены в виде штрафа (в Республике Армения санкции рассмотренных статей также содержат такой вид взыскания, как предупреждение). Размер штрафов дифференцируется в зависимости от тяжести совершенного правонарушения и ранжируется по его субъектному составу, для физических лиц нормативно закреплен меньший размер штрафных санкций, чем для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, последние из которых несут наибольшую имущественную нагрузку за совершенное правонарушение. Наряду с этим также следует отметить, что размер штрафных санкций за аналогичные либо сходные по объективной стороне составы административных правонарушений варьируется в государствах – членах ЕАЭС, что, как представляется, связано с различным уровнем экономического развития членов Союза.

По ряду наиболее общественно опасных деяний в сфере антимонопольного регулирования в национальном законодательстве государств – членов ЕАЭС предусмотрена уголовная ответственность. Так, регламентирующие ее нормы содержатся в положениях Уголовного кодекса: в Республике Армения – ст. 195; в Республике Беларусь – ст. 245; в Республике Казахстан – ст. 221; в Кыргызской Республике – ст. 188; в Российской Федерации – ст. 178.

Объективная сторона вышеназванных составов правонарушений и преступлений описана с помощью признаков-понятий, в которых непосредственно заключена связь Кодекса об административных правонарушениях и Уголовного кодекса со специальным антимонопольным законодательством, к которому следует обращаться для уяснения указанных признаков. В Республике Беларусь – это Закон от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон № 94-З). Такой способ построения административно-правовой, уголовно-правовой нормы предполагает детализацию признаков состава правонарушения или преступления с помощью нормативных предписаний антимонопольного законодательства.

Нарушение антимонопольного законодательства затрагивает как публичные интересы, так и субъективные гражданские права лиц, вступающих в гражданско-правовые отношения, которые подлежат защите посредством частноправовых методов воздействия.

В Республике Беларусь возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности регламентирована в положениях п. 2 ст. 1030 Гражданского кодекса Республики Беларусь, согласно которой, лицо, потерпевшее от недобросовестной конкуренции, вправе требовать от недобросовестного конкурента возмещения причиненных убытков. Иных нормативных предписаний по данному вопросу в законодательстве Республики Беларусь не установлено. Учитывая, что положения Закона № 94-З разделяют понятие, признаки и критерии недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности, в настоящее время при буквальном и узком толковании норм Гражданского кодекса Республики Беларусь и Закона № 94-З можно прийти к выводу, что гражданско-правовая ответственность за осуществление монополистической деятельности в республике не установлена. В то же время у наших коллег по региональной экономической интеграции частноправовая ответственность урегулирована в специальных антимонопольных актах законодательства и устанавливает неблагоприятные последствия как за недобросовестную конкуренцию, так и за осуществление монополистической деятельности. В частности, данные положения закреплены в п. 3 ст. 37 Федерального закона Российской Федерации от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», ст. 38 Закона Республики Армения от 6 ноября 2000 г. «О защите экономической конкуренции», подп. 2 п. 2 ст. 226 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан.

Таким образом, проанализировав законодательство государств – членов ЕАЭС, а также право Союза на предмет регулирования ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, целесообразно сделать следующие выводы:

1. В настоящих условиях экономического развития Беларуси и экономико-интеграционных процессов в рамках Союза – нормативное регулирование публично-правовой ответственности в республике является необходимым и достаточным. Наблюдаемая разница в величине штрафных санкций за нарушение антимонопольного законодательства по праву Союза и между национальным законодательством государств-членов вызвана объективной оценкой тяжести и масштабов нарушения антимонопольного законодательства на трансграничном и национальном рынке, а также различным уровнем экономического развития государств – членов ЕАЭС;

2. Требуется нормативный пересмотр гражданско-правовой (частно-правовой) ответственности в Республике Беларусь в целях устранения правовой неопределенности относительно предмета правового регулирования (распространение сферы частноправовой ответственности и на запрещенную законом монополистическую деятельность).

УДК 351.51

В.А. Витушко

О ПОНЯТИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В XIX в. в истории общественных наук и цивилистики произошли революционные изменения представлений об окружающем мире, обществе и праве. Была осознана и доказана недопустимость абсолютизации представлений об окружающей природной и социальной действительности и объективность относительности представлений человека. В частности, европейские и российские правоведы (К.Д. Кавелин) доказали порочность древнеримской догмы Ульпиана об абсолютизации деления права на частное и публичное, а в рамках гражданского права было доказано (Е.В. Пассек), что имущественные и личные неимущественные отношения неразрывно взаимосвязаны. Со временем эти новые идеи релятивизма, неразрывной взаимосвязи правовых явлений, их взаимных переходах (транзитивности) стали функционировать в мышлении правоведов на подсознательном уровне. Примером тому является факт закрепления в 1994 г. в ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации и в 1998 г. в ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь взаимосвязи институциональных и иных имущественных и личных неимущественных отношений. Однако, «поразмыслив», некоторые белорусские коллеги стали заявлять, что предмет гражданского права размыт и надо вновь разделить имущественные и неимущественные

отношения на абсолютно самостоятельные группы, как в Гражданском кодексе БССР 1964 г. Правда, законодатель Беларуси этих сомнений пока не воспринял и по ложному пути не пошел. Российские коллеги решили вернуться к древним представлениям, изменили редакцию ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, убрав указание на связь имущественных и неимущественных отношений, тем самым вновь их абсолютно разделив. При этом неотчуждаемые права и свободы человека и другие «нематериальные» блага вовсе выведены за пределы предмета гражданского права. Соответственным образом стали определяться все институциональные гражданско-правовые явления.

Так, понятие гражданско-правовой ответственности в современных учебных курсах на постсоветском пространстве практически повсюду определяется и доносится до молодых юристов как мера сугубо имущественного воздействия на правонарушителя, что имеет множество негативных последствий. Во-первых, лица, заведомо предполагающие возможность применения к ним таких имущественных мер всяческими легальными способами избавляются от наличия у них имущества, особенно это касается предпринимателей. Они «переписывают» все нажитое имущество на своих родственников и друзей. Во-вторых, современное общество в своем гуманизме допускает возможность путем процедуры банкротства легально избавиться от имущественных долгов перед кредиторами. Как следствие, от этого не компенсируются имущественные потери кредиторов, в особенности рядовых граждан, а других легальных мер к должникам нельзя применять. Соответственно, кредиторы вынуждены прибегать к мерам нелегального воздействия на должников. В-третьих, отсутствие параллельных имущественным мерам мер личного неимущественного воздействия на потенциальных и реальных правонарушителей сказывается на их психике и культуре, а также психике и культуре окружающих их лиц, в особенности детей, формирует осознание безнаказанности, безответственности и правовой нигилизм у правонарушителей, а также у кредиторов и третьих лиц. Как следствие – разложение всего общества.

Абсолютное разделение имущественных и личных неимущественных отношений и отрицание неимущественного воздействия на правонарушителей в гражданском праве делает неестественным такой способ защиты гражданских прав и форму гражданско-правовой ответственности, как компенсация морального вреда. Если правонарушитель в гражданских правоотношениях должен компенсировать сугубо имущественные потери кредитора, то моральный вред это не имущественные потери, а физические и нравственные страдания кредитора, а значит,

моральному вреду не место в системе институтов гражданского права. Но если в гражданских правоотношениях имущественные и личные неимущественные отношения связаны, тогда физические и нравственные страдания должны ложиться на правонарушителя, коль скоро его действия или бездействия повлекли такие страдания для контрагентов правоотношений, кредиторов.

Для социальной среды, в особенности для гражданских правоотношений, характерными признаками являются баланс, паритет и эквивалентность отношений между равноправными лицами, поэтому моральный вред кредитора должен зеркально отражаться на моральном и нравственном состоянии правонарушителя.

Ограничение ответственности правонарушителя, имущественной, денежной компенсацией, даже в крупном размере, не погашает страданий потерпевшего навсегда и полностью. Они сохраняются, возможно, на всю жизнь. Соответственно, такой же равноценный и длительный характер, в пределах разумного, должны носить и меры неимущественного воздействия на правонарушителя. Такие неимущественные меры особо необходимы, когда правонарушитель по указанным выше причинам смог избежать имущественных обременений.

Существующие меры сугубо имущественного характера носят дискретный, разовый, прерывный, а значит урезанный и неполноценный характер. Неимущественный вред в должной мере не возмещается при существующем порядке вещей. Потерпевший остается внутренне не удовлетворенным от современной практики восстановления его физического и нравственного благополучия. В свою очередь, должник, причинивший вред, убытки, как правило, всегда находится в более выгодном положении, как с психологической, так и с имущественной точек зрения. Определение и легализация понятия гражданско-правовой ответственности как системы мер имущественного и неимущественного воздействия кредитора на правонарушителя и иного должника, имеющих длящийся характер, в пределах разумного, обозначит адекватность понимания гражданско-правовой ответственности законодателем и правоприменителем. При этом особо важно понимать связь и социальную ценность индивидуального подхода к таким мерам.

Еще одним недостатком господствующего понятия гражданско-правовой ответственности является ее определение как меры государственно-властного воздействия на правонарушителей, что также негативно сказывается на общественном сознании и правопорядке. Во-первых, не получая компенсации имущественных потерь по указанным выше причинам кредиторы вправе, при такой формулировке гражданско-правовой ответственности, считать виновником всех своих бед госу-

дарство, которое своими законодательными, правоохранительными и судебными средствами не может защитить их от правонарушителей. Во-вторых, указанная формулировка «грешит» неадекватностью понимания реальной действительности, поскольку инициативные меры по возмещению имущественных потерь в условиях свободного гражданского оборота являются прежде всего частным вопросом кредиторов, которые могут и простить долги (ст. 385 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Государству, по общему правилу, вовсе незачем вмешиваться в эти отношения. В-третьих, когда кредиторы совершают действия по возмещению своих потерь, то они могут обратиться за защитой своих прав не только к государственным, но и к третейским судам, арбитражам ad hoc, иным легальным частным структурам, взыскивающим убытки и неустойку, так как принцип полного возмещения убытков не всегда реализуется в государственных судах.

УДК 347.121

А.В. Войтюль, А.П. Грицко

ЗАЩИТА ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В настоящее время личные неимущественные права являются значимой составляющей системы объектов гражданско-правовой защиты, а их правовое регулирование и обеспечение неприкосновенности предусмотрено положениями многочисленных нормативных правовых актов, в том числе обладающих высшей юридической силой.

Личные неимущественные права находят свое отражение в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), ст. 2 которой провозглашает, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Отдельные разновидности личных неимущественных прав закреплены в самостоятельных нормах Конституции: ст. 24 регламентирует право человека на жизнь – основное неимущественное право, без реализации которого немислимы и все прочие права, как имущественного, так и неимущественного характера; ст. 25 провозглашает наличие у каждого человека таких неимущественных прав, как свобода, неприкосновенность и достоинство личности; в ст. 28 закреплено положение о том, что каждый имеет право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательства на тайну корреспонденции, телефонных и иных сообщений, честь и достоинство.

Основная роль в регулировании личных неимущественных прав отводится гражданскому законодательству. Ключевое положение, концептуально определяющее правовое регулирование личных неимущественных прав, содержится в п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), в соответствии с которым личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными, регулируются гражданским законодательством, поскольку иное не вытекает из существа этих отношений. Формальная значимость приведенной дефиниции проявляется в том, что в ней четко прослеживается логика законодателя, определившего, что нормы ГК нацелены не только на защиту, но и на регулирование возникающих личных неимущественных отношений.

Самостоятельные нормы ГК посвящены правовому регулированию отдельных личных неимущественных прав. Так, положениями ст. 18 ГК регулируется право человека на имя. При этом определено, что с соблюдением установленного порядка гражданин вправе изменить собственные фамилию, имя и отчество. Основные правила, касающиеся порядка защиты чести, достоинства и деловой репутации, составляют содержание ст. 153 ГК. Специальные нормы, закрепляющие данное право и устанавливающие порядок опровержения порочащих сведений, содержатся в ст. 42–43 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. «О средствах массовой информации».

Источником правового регулирования личных неимущественных прав, в число которых входит право на честь и достоинство личности, являются постановления высших судебных органов Республики Беларусь. Так, нормами постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 1999 г. № 15 детализируется порядок применения законодательных установлений при рассмотрении судами дел о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан.

Отдельные личные неимущественные права регламентированы нормами семейного законодательства. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (КоБС) включает в себя специальную главу, посвященную регулированию личных неимущественных прав в семье. В соответствии со ст. 68 КоБС личными неимущественными правами родителей названы право на определение фамилии, имени и отчества детей, право на определение гражданства ребенка, право на определение места жительства детей, право (являющееся одновременно и обязанностью) на воспитание детей, представление их интересов и обеспечение личных прав и обязанностей, принадлежащих непосредственно детям. Социальные права детей закреплены в ст. 184–190 КоБС (право на жизнь в семье, право на отдых и досуг, право на защиту), а также в Законе Республики

Беларусь от 19 ноября 1993 г. «О правах ребенка», где установлено, что с рождения ребенок имеет право на жизнь, право на охрану и укрепление здоровья, право на достойный уровень жизни, на неприкосновенность личности, на определение отношения к религии, свободное выражение собственных мыслей, взглядов, защиту от насилия и т. д.

Помимо регулирования отношений между родителями и детьми КоБС также закрепляет отдельные положения, касающиеся личных неимущественных прав супругов. Так, нормами указанного нормативного правового акта устанавливается право супругов на выбор фамилии, выбор занятий и профессии, выбор места жительства и др. Наиболее важной нормой в этом отношении является ст. 1 КоБС, декларирующая на уровне принципа право супруга на уважение и помощь со стороны других членов семьи.

Нельзя не упомянуть такие личные неимущественные права, как право на труд и право на отдых. Их детальная регламентация осуществляется нормами трудового законодательства Республики Беларусь. В частности, ст. 11 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК), закрепляющая основные права работника, провозглашает, что каждый имеет право на труд. При этом данное право является многоплановым и включает в себя такие правомочия, как право на выбор профессии и рода занятий, право на здоровые и безопасные условия труда. Кроме того, нормами трудового законодательства регламентируется право на отдых, на объединение в профессиональные союзы, на забастовку. Право на труд предполагает такую важную составляющую, как запрет принудительного труда, что прямо закреплено в ст. 13 ТК. Ограничение в трудовых правах (прямо либо опосредованно, через предоставление отдельным работникам некоторых преимуществ) признается дискриминацией в сфере трудовых отношений и запрещается в соответствии со ст. 14 ТК. Тем самым законодатель устанавливает специальные гарантии личных неимущественных прав в сфере труда, закрепляя, что дискриминационные условия коллективных договоров, соглашений являются недействительными.

Весомым личным неимущественным правом выступает право человека на благоприятную окружающую среду. В Республике Беларусь принят комплекс нормативных правовых актов, образующих экологическое законодательство. Ведущая роль среди них отведена Закону Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды», в ст. 14 которого закреплено, что «право на благоприятную окружающую среду принадлежит гражданину от рождения и подлежит защите как личное неимущественное право, не связанное с имущественным, в порядке, установленном законодательством».

Как видим, перечень нормативных правовых актов, регламентирующих личные неимущественные права граждан, отличается значительным разнообразием, что не способствует их комплексному изучению и практическому применению. В связи с этим целесообразно провести соответствующую работу по консолидации правовых норм, устанавливающих, по меньшей мере, совокупность таких прав и общие положения об их реализации в едином нормативном правовом акте.

Достаточно перспективным представляется опыт украинского законодателя. Гражданский кодекс Украины (ГК Украины) включает отдельную книгу (Книга вторая), именуемую «Личные неимущественные права физического лица» и содержащую нормы, посвященные основам регулирования и защиты данных прав. Так, в ст. 269 ГК Украины нашли свое законодательное отражение общие признаки личных неимущественных прав и условия их применения, закреплено, что такие права принадлежат каждому от рождения или по закону, а их владение продолжается на протяжении всей жизни человека. Содержание личного неимущественного права определяется как возможность физического лица свободно, на собственное усмотрение определять свое поведение в сфере частной жизни.

Для примера можно отметить ст. 281 ГК Украины, регламентирующую право человека на жизнь. Данная норма аккумулирует в себе положения о недопустимости произвольного лишения человека жизни, проведения медицинских опытов и экспериментов, а также стерилизации без согласия человека. Здесь содержится общий запрет производства эвтаназии. Отдельные нормы посвящены вопросам регулирования прав на здоровье, личную неприкосновенность, свободу, семью, опеку и попечительство, безопасную окружающую среду. При этом на законодательном уровне предпринята попытка классификации личных неимущественных прав через выделение таких подгрупп, как права, обеспечивающие естественное существование физического лица, а также права, обеспечивающие его социальное бытие.

Таким образом, анализ зарубежного законодательства позволяет выявить положительный опыт регламентации личных неимущественных прав, заключающийся в их комплексном и компактном нормативном закреплении. При этом подчеркивается приоритет гражданско-правовой защиты: личные неимущественные права проходят первичную систематизацию в кодифицированном законодательном акте, а дальнейшее регулирование порядка осуществления и защиты данных прав производится уже на уровне иных нормативных правовых актов. Следует признать подобный опыт перспективным и рассмотреть возможность его применения в законодательстве Республики Беларусь.

УДК 349.6

Т.В. Гашикова

О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО В СВЯЗИ С НЕГАТИВНЫМ ВОЗДЕЙСТВИЕМ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Статьей 102 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» предусматривается возмещение в полном объеме вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу граждан, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате воздействия на окружающую среду лицом, причинившим вред, в соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь.

Вместе с тем, гражданское законодательство не предусматривает особенностей определения размера и возмещения указанного вреда, несмотря на его специфический характер. В научных публикациях указывается на неразвитость правового регулирования данного вопроса, исследуются возможные направления совершенствования законодательства для наиболее полной реализации экологических прав граждан.

К случаям экологического вреда могут быть применены, в частности, ст. 948 и 954 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), касающиеся ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, а также объема и характера возмещения вреда, причиненного здоровью.

В соответствии со ст. 948 ГК юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной, связанной с нею деятельности, и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Согласно ст. 954 ГК при причинении гражданину увечья или иного повреждения здоровья возмещению подлежат утраченный потерпевшим заработок (доход), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенные расходы, вызванные повреждением здоровья, в том числе расходы на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарственных средств, протезирование, посторонний уход, санаторно-курортное лечение, приобретение технических средств социальной реабилитации, подготовку к другой профессии, если установлено, что потерпевший нуждается в этих видах помощи и ухода и не имеет прав на их бесплатное получение.

Механизм возмещения вреда, причиненного здоровью, если потерпевшим не утрачен заработок (доход), не предусмотрен, поэтому возможность получить возмещение вреда, причиненного здоровью, в иных случаях, по сути, отсутствует.

Вместе с тем, например, под действием загрязняющих веществ в атмосферном воздухе в организме человека могут развиваться мутагенные, канцерогенные и другие эффекты в зависимости от концентрации загрязняющего вещества в атмосферном воздухе и длительности воздействия, что позволяет говорить о причинении вреда здоровью, который в течение определенного промежутка времени может быть не сопряжен с утратой заработка (дохода). Повышенные шумовые воздействия влияют на здоровье человека, вызывая заболевания органов слуха, эндокринной, нервной, сердечно-сосудистой систем, снижают работоспособность. В данном случае вред здоровью также может возникать, но не до степени утраты заработка (дохода).

Сравнивая правовые подходы к возмещению вреда, причиненного окружающей среде, и к возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью человека, можно отметить, что законодатель использовал разные подходы.

Если нарушаются экологические нормативы, связанные с предельно допустимым и допустимым воздействием на окружающую среду, в ряде случаев вред окружающей среде считается причиненным и подлежит безусловному возмещению. Это следует, помимо прочего, из Положения о порядке исчисления размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и составления акта об установлении факта причинения вреда окружающей среде, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 1042.

Сходные нормы, когда для констатации факта причинения вреда жизни и здоровью человека достаточно наличия факта нарушения экологических нормативов, отсутствуют.

Представляется, что использование применительно к возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью человека, механизма, сходного с правовым механизмом возмещения вреда, причиненного окружающей среде, может быть рассмотрено как одно из возможных обоснованных направлений развития законодательства в части возмещения экологического вреда, причиненного человеку.

Констатация факта причинения вреда здоровью (по аналогии с констатацией факта причинения вреда окружающей среде) могла бы осуществляться, в частности, во взаимосвязи с установленными фактами нарушения нормативов качества окружающей среды по тем веществам, воздействие которых представляет опасность для здоровья, что подтверждается имеющимися научными данными.

УДК 347.5

Е.В. Ермоленко

О ФОРМАХ, ОБЪЕМЕ И СПОСОБАХ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА В ДЕЛИКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Основы правового регулирования обязательств вследствие причинения вреда содержатся в гл. 58 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), где в ст. 933 закреплено понятие генерального деликта, по которому причиненный вред должен быть возмещен в полном объеме, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Кроме того, гражданское законодательство предусматривает ряд специальных деликтов, в основу выделения которых были положены специфика нарушаемого субъективного права, особенности субъектного состава обязательств вследствие причинения вреда и условий наступления деликтной ответственности.

1. Форма гражданско-правовой ответственности будет зависеть от типа гражданско-правовых обязательств: договорного и внедоговорного. В юридической литературе более подробно раскрываются формы договорной ответственности, такие как убытки, неустойка, моральный вред. В свою очередь, исследователи деликтной ответственности больше внимания уделяют самой категории «вред», нежели формам его возмещения.

По общему правилу категория «вред» как обязательное условие наступления гражданско-правовой ответственности подразумевает нарушение или умаление имущественного, личного неимущественного права или нематериального блага субъекта гражданского правоотношения. В теории гражданского права выделяются две разновидности вреда: имущественный и неимущественный. В свою очередь, экономическая составляющая имущественного вреда реализована в закреплённой законодательно категории «убытки». Понятие убытков, зафиксированное в ст. 14 ГК, раскрывается через понятия «фактические расходы», которые потерпевшая сторона должна будет понести для восстановления нарушенного права, и «упущенная выгода» (неполученные доходы). При этом если для договорной ответственности такая форма возмещения вреда вполне достаточна, то при определении форм возмещения вреда в рамках деликтной ответственности – нет. Поскольку вред в последнем случае может также выражаться в полной или частичной утрате трудоспособности; дополнительных расходах, понесенных в связи с повреждением здоровья; смерти кормильца; расходах на погребение. Кроме того, законодателем четко не определена допустимость возме-

ния такой составляющей «убытков», как «упущенная выгода». Нормы гл. 58 ГК вообще не оперируют такой категорией, как убытки, а если она и называется, например, в ст. 951 ГК, ст. 957 ГК, то используется соответственно названным статьям, либо в значении «способ возмещения вреда», либо не в полном объеме (используется только категория «ущерб»). В свою очередь, нормами гл. 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) более четко определен объем возмещаемого вреда, причиненного физическому или юридическому лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс. Так, ч. 4 ст. 460 УПК определено, что, в рамках возмещения потерпевшим имущественного вреда, упущенная выгода возмещению не подлежит. В ст. 939 ГК тождественной нормы не содержится, говорится только о необходимости возмещения причиненного вреда. Более того, возникает вопрос: если категория «убытки» и будет применяться, то в каком объеме и применительно к каким из составов специальных деликтов? Полагаем, что такая форма деликтной ответственности в зависимости от категории специального деликта будет определяться по-разному и должна быть определена в нормах ГК.

Неимущественный вред в теории гражданского права может иметь две формы: вред моральный, под которым понимаются нравственные и физические страдания физического лица; вред репутационный, причиненный деловой репутации как физического, так и юридического лица.

2. Вред как обязательное условие наступления деликтной ответственности должен быть возмещен по общему правилу в полном объеме, что предусмотрено п. 1 ст. 933 ГК. Однако, на наш взгляд, данное требование является отражением желаемого результата, а не действительной его оценки, поскольку невозможно объективно оценить ту степень умаления имущественного, личного неимущественного права или нематериального блага, которые причинены потерпевшему. Как можно в действительности оценить объем возмещаемого вреда в связи с потерей кормильца? В данном случае законодателем предусмотрен такой порядок определения объема возмещения вреда, которым наиболее полно защищаются права и законные интересы лиц, признанных понесшими ущерб в результате смерти кормильца.

ГК предусматривает особенности возмещения вреда в зависимости от наличия или отсутствия вины потерпевшего и имущественного положения причинителя вреда и потерпевшего. Так, причинитель вреда может быть освобожден судом от возмещения вреда как частично, так и в полном объеме. Нормы ст. 952 ГК, на первый взгляд, четко определяют объем возмещаемого вреда в названных случаях, однако возникает

вопрос: к каким случаям они применимы? К специальным деликтам или к генеральному? Представляется, что такая общая норма должна иметь место и содержаться в ст. 933 ГК, и устанавливать правила определения объема возмещаемого вреда.

3. Категория «способ» возмещения вреда некорректно используется законодателем в названии ст. 951 ГК. Так, содержание нормы говорит нам не только о таком способе возмещения причиненного вреда, как возмещение его в натуре, но и о такой форме деликтной ответственности, как убытки. Полагаем, в название и содержание ст. 951 ГК необходимо внести изменения и дополнения, предусмотрев иные, помимо «убытков», формы деликтной ответственности.

Способ возмещения вреда будет зависеть от формы деликтной ответственности. Так, если говорить о способах возмещения неимущественного вреда, то они будут следующими: компенсация морального вреда, которая осуществляется в денежной форме по правилам ч. 1 ст. 152 ГК, п. 1 ст. 970 ГК и ч. 2 ст. 465 УПК, а также может выражаться принесением физическому лицу официальных извинений за причиненный вред и направлением по требованию физического лица, его законного представителя (наследника) в срок до десяти дней сообщения об отмене незаконных решений по месту его работы, службы, учебы или жительства; возмещение репутационного вреда путем опубликования опровержения порочащих физическое или юридическое лицо сведений в средствах массовой информации, если такие сведения были опубликованы в ходе досудебного или судебного производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 466 УПК).

Способы возмещения имущественного вреда могут быть следующими. Убытки могут возмещаться в натуре (предоставить вещь того же рода и качества, исправить поврежденную вещь и т. п.) или в денежной форме, когда восстановить вещь в натуре не представляется возможным; вред, причиненный здоровью физического лица, возмещается путем взыскания с причинителя утраченного заработка в порядке, предусмотренном ст. 956–964 ГК, расходы на восстановление здоровья – в денежной форме в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 964 ГК, вред, причиненный смертью кормильца, – в размере той доли заработка (дохода) умершего, которую лица, признанные понесшими ущерб в результате смерти кормильца, имели при его жизни, определяемой по правилам ст. 955 ГК и ст. 958 ГК, расходы на погребение – в денежной форме в порядке, предусмотренном ст. 963 ГК.

В заключение стоит отметить следующее. Анализ норм гл. 58 ГК позволил сделать вывод о том, что нормативные положения о деликтных

обязательствах не отличаются четкой структурой, не отражают устоявшегося, признанного доктринального подхода о системе генерального деликта, в свою очередь, наука гражданского права должна четко определить специфику возмещения вреда в деликтных обязательствах. В настоящее время требуется внесение изменений и дополнений в гл. 58 ГК относительно форм, объема и способов возмещения вреда в деликтных обязательствах.

УДК 351.51

Е.М. Ефременко

О НЕПОИМЕНОВАННЫХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПРИНЦИПАХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Принципам гражданско-правовой ответственности посвящено значительное количество научных исследований. Это представляется оправданным, поскольку в информационном обществе вряд ли удастся избежать пробелов в законодательстве в силу постоянных и быстрых социальных трансформаций, например, появления новых цифровых объектов гражданских прав. Как известно, в случае обнаружения пробелов одним из возможных способов их преодоления выступает использование института аналогии права, при этом принципы правового регулирования общественных отношений выступают в качестве его источников.

Дополнительного научного внимания требуют те основные начала, которые не закреплены нормативно в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), но в то же время имеют важное значение для выявления смысла и духа гражданско-правового регулирования общественных отношений, в первую очередь, в контексте реализации мер государственного принуждения.

В качестве таковых целесообразно рассмотреть принципы соразмерности и правовой определенности.

1. В отечественном гражданском праве отсутствует единая терминология в правовом закреплении соразмерности как основного начала гражданско-правового регулирования общественных отношений. Используемые наряду с соразмерностью понятия «пропорциональность», «соотносимость», «справедливость» позволяют расширить объем правоприменительного усмотрения, что не всегда согласуется с сущностью и содержанием гражданско-правового регулирования.

Соразмерность и пропорциональность в частном праве (в отличие от публичного) не должны рассматриваться в качестве синонимов. Тре-

бование недискриминации и равенства участников частноправовых отношений в ряде случаев предполагает отказ от пропорциональной зависимости, например, в случае защиты прав и законных интересов слабой стороны договора. Меры принуждения, применяемые в отношении виновной стороны, не всегда будут пропорциональны причиненному вреду противной стороне, тогда как требование соразмерности должно быть выполнено в контексте реализации принципа справедливости.

В рамках реализации принципа соразмерности следует также обратить внимание на следующие проблемы, требующие совершенствования актов гражданского законодательства в силу их несоответствия смыслу и духу гражданско-правового регулирования отношений.

Как уже неоднократно подчеркивалось в ряде исследований, недопустимость возложения на гражданина, за которым по вине государственного органа, органа местного управления и самоуправления, а также их должностных лиц ошибочно признано то или иное право, всей полноты неблагоприятных последствий, связанных с установлением такой ошибки, и необходимость обеспечения надлежащих гарантий защиты его прав и законных интересов с учетом характера ошибки, срока, прошедшего с момента приобретения права, значимости получения конкретных благ для уровня жизни конкретных субъектов. Следует подчеркнуть, что важность данного принципа для гражданского права заключается в выборе и реализации мер правомерного (в том числе государственного) принуждения, оправданности принудительного прекращения права собственности и иных вещных прав и т. д.

2. Исследование реализации принципа правовой определенности в гражданском законодательстве Республики Беларусь с позиций системного анализа требует также обратить внимание на следующие проблемы. В соответствии с п. 5 ст. 2 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» к законодательным актам относятся Конституция Республики Беларусь и иные законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь. Вместе с тем, как представляется, в ГК термины «законодательные акты» и «акты законодательства» не всегда используются обоснованно.

Особое значение данная проблема приобретает в случае реализации мер гражданско-правового принуждения, прежде всего гражданско-правовой ответственности. Аксиоматично, что ее недостаточно определенная правовая регламентация способствует ослаблению правопорядка и содействует неисполнению либо ненадлежащему исполнению обязательств. Вместе с тем приходится констатировать, что требование правовой определенности не обеспечивается в полном объеме. Так, в соответствии с п. 1 ст. 371 ГК по отдельным видам обязательств и по

обязательствам, связанным с определенным родом деятельности, *законодательством* может быть ограничено право на полное возмещение убытков (ограниченная ответственность). Значимость ограничения ответственности в гражданско-правовом регулировании общественных отношений бесспорна, вместе с тем в вышеуказанной статье использованный термин «законодательство» предполагает возможность ограничения гражданско-правовой ответственности любым актом гражданского законодательства, что вряд ли оправдано. Представляется, что возможность такого ограничения должна быть предусмотрена только законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь, а не актами министерств и ведомств. В связи с этим указанную норму п. 1 ст. 371 ГК необходимо изложить в следующей редакции «1. По отдельным видам обязательств и по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности, *законодательными актами* может быть ограничено право на полное возмещение убытков (ограниченная ответственность)», что более полно будет соответствовать реализации принципа правовой определенности в гражданском законодательстве Республики Беларусь. Еще одним иллюстрационным примером может служить норма, изложенная в ч. 1 п. 1 ст. 372 ГК, в соответствии с которой лицо, не исполнившее обязательство либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда *законодательством* или договором предусмотрены иные основания ответственности. Аналогичная аргументация приводит к выводу о том, что использованный термин «законодательство» должен быть заменен термином «законодательные акты». Вследствие такого подхода к правовой регламентации общих положений обязательственного права в гражданско-правовом регулировании отдельных видов обязательств в части ответственности за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение закономерно прослеживается тот же подход законодателя, который требует совершенствования.

УДК 351.746.2

И.С. Жалнерович

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Охранная деятельность входит в число видов деятельности, лицензирование которых осуществляется в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты прав и свобод граждан.

Предметом исследования являются причины возникновения жалоб в лицензионных правоотношениях в сфере охранной деятельности, также роль руководителя органов внутренних дел в процессе их минимизации и поддержании имиджа контролирующего органа; совершенствование норм законодательства Республики Беларусь; изучение научных разработок в сфере правовых отношений, складывающихся в связи с регулированием порядка лицензионной деятельности, юридическая ответственность сторон названной деятельности.

Жалобы, как явление в сфере лицензионных правоотношений, в своем большинстве представлены:

на действия (бездействия) лицензирующего органа в рамках реализации контрольных функций (в вышестоящий орган, вышестоящему должностному лицу, в прокуратуру, путем подачи жалобы в суд);

применение лицензирующим органом к лицензиатам мер воздействия (приостановление действия, аннулирование лицензии);

действия (бездействия) лицензиата (жалобы со стороны заказчика услуг лицензиата, юридического лица-конкурента);

действия физического лица, индивидуального предпринимателя, юридического лица, нарушающего законодательство в сфере лицензирования;

обжалование (опротестование) постановлений по делам об административных правонарушениях (нарушение условий и правил охранной деятельности, незаконная предпринимательская деятельность);

надзорная жалоба на судебные постановления по делам об административных правонарушениях.

С 1 октября 2019 г. вступили в силу положения Указа Президента Республики Беларусь от 2 сентября 2019 г. № 326 «О совершенствовании лицензирования». Вследствие изменений не подлежат лицензированию два из трех видов охранной деятельности: охрана юридическим лицом своих работников; охрана юридическим лицом принадлежащих ему объектов (имущества).

Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2017 г. № 376 «О мерах по совершенствованию контрольной (надзорной) деятельности» (далее – Указ № 376) предусматривает смещение акцента в деятельности контролирующих органов с проверки на профилактику, вводит применение вместо проверок мероприятий технического (технологического, поверочного) характера.

Указом № 376 введены новые принципы контроля:

незаконное вмешательство в деятельность проверяемого субъекта запрещается и влечет привлечение должностных лиц контролирующих

(надзорных) органов к установленной законодательными актами ответственности;

в случае неясности или нечеткости предписаний акта законодательства решения должны приниматься в пользу проверяемого субъекта.

Вместе с тем в настоящее время практически не урегулирован правовой механизм осуществления мероприятий технического (технологического, поверочного) характера, заменивших проверки в рамках лицензионного контроля. Отсутствуют четкие основания для проведения такого рода мероприятий.

Это обстоятельство дает основания предполагать, что в дальнейшем в ходе оценки соблюдения организациями, их обособленными подразделениями условий и правил осуществления охранной деятельности, будут иметь место спорные ситуации.

С 1 октября 2019 г. утратили силу отдельные нормативные правовые акты, определяющие порядок учета юридических лиц, осуществляющих охрану своих работников либо принадлежащих ему объектов (имущества), а также необходимые требования к охранникам, что также существенно осложняет предупреждение правонарушений со стороны юридических лиц, процесс доказывания нарушений и повышает вероятность обжалования принятых решений в рамках осуществления вышеназванных мероприятий.

В этой связи лицензионно-контрольным подразделением Минской области внедрена система мероприятий, направленная на предупреждение нарушений в сфере охранной деятельности, повышение уровня подготовки работников лицензиатов, разрабатываются предложения по совершенствованию законодательства, в том числе по видам охранной деятельности, исключенным из лицензионного контроля, что в последующем сократит количество правовых коллизий и претензий участников лицензионных правоотношений.

Лицензионно-контрольным подразделением Департамента охраны Минской области при содействии Главного управления по образованию Минского областного исполнительного комитета в декабре 2018 г. реализован первый в республике проект в программе обучающего консалтинга по вопросам, связанным с организацией охранной деятельности в учреждениях образования Минской области. Реализация проекта на территории области продолжена в 2019 г.

Развитие новых технологий влечет предложение на рынке новых видов охранных услуг. Некоторые направления в настоящий момент невозможно контролировать ввиду отсутствия точных формулировок предмета контроля в законодательстве.

Так, в частности, отсутствует однозначное мнение по распространению действия лицензионного законодательства в отношении

оказания услуг по оборудованию лифтов, входных групп многоквартирных домов системами видеонаблюдения.

В интересах руководителей лицензирующего органа осуществлять также взаимодействие с руководителями иных служб и ведомств. Участие специалистов Департамента охраны не всегда предусмотрено механизмами реализации программ, напрямую затрагивающих интересы контролирующего органа. Вместе с тем это влияет на обоснованное возникновение претензий заказчика охранной услуги к должностным лицам органов внутренних дел.

На основании предложений, внесенных руководством Минского областного управления Департамента охраны, в 2019 г. УВД Миноблсполкома рассмотрен вопрос об участии сотрудников в приемке объектов юридических лиц в рамках программы установки Единой республиканской системы видеонаблюдения. Имелись прецеденты установки исполнителем (лицензиатом) заказчику оборудования изначально не соответствующего требованиям для подключения к Единой республиканской системе видеонаблюдения.

Новым направлением, требующим детального рассмотрения в целях предупреждения жалоб, является разработка методики подготовки материалов для привлечения субъектов к уголовной ответственности (по материалам лицензионно-контрольного подразделения Минской области в 2019 г. возбуждено три уголовных дела по ч. 2 ст. 233 УК Республики Беларусь – осуществление незаконной предпринимательской деятельности, ранее такая практика в Департаменте охраны отсутствовала).

Приведенными выше обстоятельствами обусловлена необходимость комплексной разработки теоретических и правовых мер регулирования лицензионных и связанных с ними иных правоотношений при осуществлении субъектами хозяйствования потенциально опасных видов предпринимательской деятельности, для осуществления которых требуется наличие лицензии.

УДК 347.463

Е.В. Иванова, Н.В. Семенова

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН ПО ДОГОВОРУ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Транспортная сфера – важнейшая отрасль современной экономики, а также фактор интеграции международных торгово-экономических отношений. Транспорт выполняет роль артерий в регулировании пассажиропотока, а также перевозке грузов. Перевозка грузов – договор-

ные отношения, регулируемые нормами как гражданского права, так и транспортного. Современное российское транспортное законодательство содержит немало обязательных для участников таких договоров предписаний, содержание и практика исполнения которых далеки от исчерпывающего освещения в текущей цивилистической литературе. В практике судов также существуют проблемы применения норм об ответственности сторон.

В связи с этим представляется актуальным изучение практики применения договорных обязательств по перевозке грузов автомобильным транспортом и гражданско-правовой ответственности сторон по данному договору.

В процессе перевозки грузов также задействованы грузоотправитель, грузополучатель, перевозчик и экспедитор. Каждое из названных лиц в определенной степени несет ответственность за сохранность груза [1–4].

В настоящее время в соответствии с п. 1 ст. 793 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) ответственность может быть установлена ГК РФ, транспортными уставами, кодексами и другими законами, а также по соглашению.

В силу п. 1 ст. 796 ГК РФ перевозчик несет ответственность за сохранность груза. Избежать ее он сможет, только если докажет, что утрата, недостача или повреждение груза либо багажа произошли по независящим от него обстоятельствам. Пункт 2 ст. 794 ГК РФ устанавливает примерный перечень обстоятельств, при наступлении которых перевозчик освобождается от ответственности. Перечень этих обстоятельств рассматривается как исчерпывающий. Все иные, не попавшие в него обстоятельства, хотя бы их наступление и не зависело от сторон, не освобождают перевозчика от ответственности за несовершение действий по организации перевозок. Например, стороны заключили договор на перевозку грузов автомобильным транспортом в международном и внутрироссийском сообщении и транспортно-экспедиционное обслуживание. Ответчик доставил часть товара истцу. В связи с задержкой в передаче груза истцом направлена в адрес ответчика претензия, в ответ на которую сообщено об отсутствии возможности передать истцу груз вследствие хищения товара. Суд посчитал, что хищение груза не может расцениваться как обстоятельство, избежать которого экспедитор не мог и последствия которого не могли быть предотвращены, не относится к перечню событий, вследствие которых экспедитор подлежит освобождению от ответственности [13].

Под обстоятельствами, освобождающими перевозчика от ответственности, Верховный Суд Российской Федерации (ВС РФ) предлагает

понимать некие объективные обстоятельства (в том числе, обусловленность причиненного вреда действиями третьих лиц), повлиять на которые перевозчик был лишен возможности [7]. Так, ВС РФ посчитал, что перевозчик должен ответить за сохранность груза, поскольку причины повреждений не обладают признаками непреодолимой силы или перевозчик должен был их предвидеть. При этом наличие либо отсутствие вины не имеет значения [6]. А.И. Хаснутдинов высказывает мнение о необходимости включения в перечень объективных обстоятельств, приведенные в транспортных уставах и кодексах, характеризующие отсутствием причинной связи этих обстоятельств с поведением перевозчика [16].

Одним из признаков ответственности в обязательствах по перевозке грузов является ее ограниченный характер. Во многих случаях ответственность исчерпывается уплатой неустойки (штрафа) [15]. Кроме того, транспортным законодательством могут быть установлены дополнительные виды штрафов, связанных с организацией перевозочного процесса, применяемых к отправителям, получателям и другим субъектам данных правоотношений. Так, если договором определены дополнительные расходы, подлежащие возмещению организацией, осуществляющей транспортную перевозку, то именно на ней лежит обязанность по оплате дополнительных расходов. Например, в связи с повреждением груза в результате ДТП или уплатой штрафа в связи с превышением транспортным средством, перевозившим груз, установленных ограничений по общей массе и нагрузке на ось [10; 14].

Если грузоотправитель (грузополучатель) заключил договор транспортной экспедиции, в соответствии с которым экспедитор обязан перевезти груз самостоятельно либо организовать его перевозку посредством транспортной компании, ответственность перед клиентом в виде возмещения ущерба за утрату, недостачу или повреждение (порчу) груза возникает у экспедитора после принятия груза и до его выдачи получателю.

В судебно-арбитражной практике возникает вопрос касательно доказательств, подтверждающих вину грузоотправителей/грузополучателей, связанных с невыполнением (недовыполнением) своих обязанностей по договору. Так, при рассмотрении судами дел о взыскании убытков принимается во внимание наличие/отсутствие доказательств у экспедитора, подтверждающие/не подтверждающие наличие объективных обстоятельств, являющихся основанием для освобождения/привлечения его от/к ответственности за неисполнение обязательств по сохранности груза в ходе его перевозки [12].

В судебной практике проблемными являются споры, связанные с установлением ответственности между сторонами договора перевозки груза автомобильным транспортом, при заключении между ними договора страхования имущественных интересов застрахованных лиц. Заявление страховщика о ничтожности договора страхования ответственности перевозчика и экспедитора не имеет правового значения, если страховщик действует недобросовестно. Например, если его поведение давало основание страхователю полагаться на действительность договора [7].

В ст. 932 ГК РФ установлен запрет на страхование договорной ответственности, за исключением случаев, предусмотренных законом. Долгое время, чтобы застраховать ответственность перевозчика или экспедитора, использовали комплексные договоры, и ВАС РФ признавал это правомерным. В настоящее время ВС РФ выразил свою твердую позицию о том, что запрет на страхование договорной ответственности остается в силе, но страховщик не может отказать в выплате страхового возмещения по этому основанию. Причина в том, что на момент наступления страхового случая страховая премия выплачена (иначе договор не действует), т. е. страхователь может считать его действительным [8].

Например, при осуществлении истцом международной перевозки груза произошел страховой случай – гибель груза. Страховщик в выплате страхового возмещения отказал на основании того, что страхованием не покрывается ответственность, возникшая в результате поломки (выхода из строя) любых узлов, механизмов или агрегатов осуществляющего перевозку транспортного средства старше 12 лет. Однако суд удовлетворил требование, так как подписанный сторонами аддендум установил возраст используемых при перевозках транспортных средств – 13 лет [11].

Водитель может быть признан стороной договора об организации перевозок грузов автомобильным транспортом. Но есть случаи, когда суд не признает водителя таковым, следовательно, придерживается позиции, что он не является лицом, ответственным за причиненные убытки по страховому случаю. Так, если груз, поврежденный при перевозке, был получен экспедитором, а не лично водителем, то последний не является стороной договора об организации перевозок грузов автомобильным транспортом и не является лицом, ответственным за причиненные убытки по страховому случаю [9].

В Уставе автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта установлены штрафы за различные нарушения со стороны перевозчика и со стороны грузоотправителя и грузополучателя [2]. По многим из этих штрафов в договоре можно установить более вы-

годные условия, например, изменить размеры санкций за простой транспортных средств или за несвоевременную подачу транспорта и др.

Таким образом, в большинстве случаев ответственным за перевозку товара является перевозчик, ответственность которого может быть ограничена только в случаях, предусмотренных транспортным уставом. Если в соглашении и будут подобные условия, суд признает их ничтожными [5].

Существующие нормативные правовые акты Российской Федерации (ГК РФ, Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта и др.), международные соглашения по перевозке грузов автомобильным транспортом устанавливают ответственность сторон по договору перевозки грузов автомобильным транспортом, подробно регламентируя основания наступления такой ответственности. Однако существующие противоречия и неточности в законодательстве, наличие единообразной судебной практики и позиций ВС РФ свидетельствуют о необходимости дальнейшей работы по устранению недостатков в законодательстве.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : 26 янв. 1996 г., № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019 г.). – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).
2. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта : Федер. закон, 8 нояб. 2007 г., № 259-ФЗ (ред. от 30.10.2018 г.). – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).
3. О транспортно-экспедиционной деятельности : Федер. закон, 30 июня 2003 г., № 87-ФЗ (ред. от 06.07.2016 г.). – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).
4. Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом : постановление Правительства Рос. Федерации, 15 апр. 2011 г., № 272 (ред. от 12.12.2017 г.). – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).
5. О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 26 июня 2018 г., № 26. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 20.03.2012 № 14316/11 по делу № А50-21608/2010. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).
7. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017) // Бюллетень Верхов. Суда РФ. – 2018. – № 10. – Окт.
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2015 № 307-ЭС15-1642 по делу № А21-10221/2013. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.10.2017 № Ф10-4261/2017 по делу № А48-6779/2016. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

10. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.03.2017 № Ф01-565/2017 по делу № А79-4333/2016. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.02.2018 № Ф05-18144/2017 по делу № А40-212588/16. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.05.2019 № Ф10-1435/2019 по делу № А62-1524/2018. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.05.2019 № Ф05-5663/2019 по делу № А41-66222/2018. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

14. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.06.2019 № Ф08-4403/2019 по делу № А32-11708/2018. – URL: consultant.ru (дата обращения: 12.10.2019).

15. Бабкин, А.И. Некоторые вопросы правового регулирования отношений, возникающих из договора перевозки грузов автомобильным транспортом / А.И. Бабкин // Рос. судья. – 2019. – № 1. – С. 3–10.

16. Хаснутдинов, А.И. Об ответственности перевозчика по договору перевозки груза / А.И. Хаснутдинов // Акад. юрид. журн. – 2018. – № 4 (74). – С. 36.

УДК 347.12.021(476)

А.А. Капитанова

О ЗАЩИТЕ ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Современное гражданское законодательство Республики Беларусь широко использует правовую категорию «преимущественные права». Под преимущественным правом следует понимать предусмотренную законом возможность управомоченного лица осуществлять свое право в первоочередном порядке перед третьими лицами. В настоящее время такие права обладают признаками, позволяющими выделять их в самостоятельную группу гражданских правоотношений. Одним из таких признаков является специфический и нигде более не встречающийся способ их правовой защиты, представляющий собой возможность заинтересованного лица требовать судебного перевода на себя прав и обязанностей покупателя, возникших у него при нарушении преимущественного права. Названный способ относится с позиций ст. 11 Гражданского кодекса

Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) к «иным способам защиты, предусмотренным законодательством». Наиболее ярким примером его установления является ст. 253 ГК Республики Беларусь, где указано, что «при продаже доли с нарушением преимущественного права покупки любой другой участник долевого собственности имеет право в течение трех месяцев требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя». Вместе с тем перевод прав и обязанностей на управомоченное лицо является формой ответственности для покупателя доли.

Следует отметить, что в настоящее время этот способ защиты преимущественных прав вызывает много споров среди ученых-цивилистов. Так, дискуссионным является вопрос по поводу того, целесообразно ли вообще его установление и существуют ли иные способы защиты преимущественных прав? На наш взгляд, возможность установления такого специфического способа защиты в виде права заинтересованного лица в судебном порядке требовать перевода прав и обязанностей по договору на себя продиктована «особым характером, привилегированностью» тех прав, которым он присущ. Ценность преимущественных прав заключается прежде всего в их осуществлении, в получении по ним исполнения в натуре, причем в том виде и состоянии, в котором они изначально существовали. На наш взгляд, установление рассматриваемого нами способа защиты вполне целесообразно, так как позволяет восстановить права и законные интересы лица, которое заинтересовано в защите своего нарушенного права. Такая заинтересованность основана прежде всего на непосредственном, личном участии таких субъектов в тех правоотношениях, в которых возникают преимущественные права. По мнению В.А. Белова, «возможность судебного перевода прав и обязанностей, возникших из нарушения преимущественного права, должна рассматриваться в качестве способа реализации охраняемых законом интересов, возникающих при нарушении любых преимущественных прав». Вместе с тем Л.Ю. Леонова отмечает, что «предъявление требования о судебном переводе прав и обязанностей, возникших из нарушенного преимущественного права, не всегда возможно». В подтверждение этому в арендных правоотношениях белорусский законодатель закрепляет вместе с исследуемым нами способом защиты нарушенного преимущественного права, и иной, такой как возмещение убытков, тем самым оставив выбор способа защиты самому управомоченному лицу. Думается, возможность предоставления такого альтернативного способа защиты обусловлена тем, что у лица, обладающего преимущественным правом на заключение договора аренды на новый срок, и чье право было нарушено, в силу каких-либо обстоятельств может отпасть заин-

тересованность в заключении такого договора, и поэтому единственным возможным способом защиты его нарушенного права является возмещение убытков.

Спорным является вопрос по поводу нормативно установленного трехмесячного срока для предъявления требований о переводе прав и обязанностей по договору, заключенному в нарушение преимущественного права. В частности, среди ученых-цивилистов нет единого мнения по поводу правовой природы такого срока. Это, в свою очередь, порождает проблемы, связанные с определением момента начала течения такого срока, с возможностью его приостановления и восстановления по уважительным причинам. Н.В. Зубарева считает, что «такой срок следует признать сроком исковой давности». На наш взгляд, следует согласиться с названным автором, так как этот срок предоставлен управомоченному лицу для обращения к компетентным органам за защитой своего нарушенного права. Полагаем, установленный законом срок для судебной защиты нарушенного преимущественного права необходимо оценивать как сокращенный срок исковой давности и применять к нему нормы гл. 12 ГК Республики Беларусь. Как справедливо отмечает А.П. Черных: «если мы признаем указанный срок пресекательным и соответственно отсчет его ведем с момента нарушения права без возможности его приостановления и восстановления по уважительным причинам, то тем самым мы существенно ограничим возможности субъекта преимущественного права на защиту, открывая простые пути для обхода преимущественного права». Следовательно, такой срок начинает течь с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Так, в ст. 73 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» четко определен момент начала течения данного срока: «...любой акционер общества и (или) само общество вправе в течение трех месяцев с момента, когда акционер или общество узнали либо должны были узнать о таком нарушении, потребовать в судебном порядке перевода на них прав и обязанностей покупателя». Безусловно, установление момента начала течения такого срока принципиально важно, так как от этого зависит эффективность и своевременность правовой защиты добросовестного лица, чье преимущественное право нарушено. Не совсем понятно, почему законодатель незаслуженно обошел стороной преимущественное право участника общей долевой собственности, не закрепив момент начала течения срока для защиты его нарушенного преимущественного права, как это предусмотрено, например, для участников корпоративных правоотношений. По нашему мнению, необходимо внести изменения в ст. 253 ГК Республики Беларусь

и изложить ее в следующей редакции: «при продаже доли с нарушением преимущественного права покупки любой другой участник долевой собственности имеет право в течение трех месяцев с момента, когда он узнал или должен был узнать о таком нарушении, потребовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя».

Перевод прав и обязанностей покупателя на управомоченное лицо реализуется путем подачи таким лицом иска в суд. В цивилистической литературе нет единого мнения по поводу направленности такого иска. По нашему мнению, покупатель несет ответственность перед лицом, чье преимущественное право нарушено, поэтому иск о переводе прав и обязанностей по договору направляется против покупателя, а не против продавца доли. В то же время последний также должен привлекаться к участию в деле. На наш взгляд, предъявленный иск основывается на действительной сделке, а значит, не затрагивает интересов продавца, поскольку на момент принятия судом такого иска продавец произвел отчуждение доли и получил за нее соответствующую плату, так как принятый по делу судебный акт не влияет на права и обязанности продавца, с процессуальной точки зрения его вполне можно считать третьим лицом, не заявляющим самостоятельного требования относительно предмета спора.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можем отметить, что практика применения такого способа защиты нарушенного преимущественного права, как возможность управомоченного лица требовать судебного перевода на себя прав и обязанностей покупателя, сопряжена с рядом трудностей и неопределенностей. Такое положение приводит к тому, что белорусский законодатель, к сожалению, не в состоянии обеспечить обладателей преимущественных прав надежным механизмом правовой защиты, что, в свою очередь, свидетельствует о необходимости совершенствования гражданского законодательства Республики Беларусь.

УДК 346.543(476)

Д.А. Колбасин, А.А. Вишневский

ИНВЕСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящее время понятия «безопасность государства», «национальная безопасность», «экономическая безопасность» и другие виды безопасности прочно вошли в жизнь современного общества. Если в недавнем прошлом смысл понятия «безопасность государства» сводился к защите страны от военных угроз, то сегодня для всех стало очевидным,

что проблема обеспечения суверенного существования и развития любого государства заключается в способности национальной экономики обеспечить нейтрализацию возникающих рисков и угроз.

Одним из путей модернизации экономики является привлечение иностранных инвестиций. Любое современное государство крайне заинтересовано в привлечении денег в форме инвестиционного капитала, причем приоритет отдается прямым иностранным инвестициям. В п. 50 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, отмечено, что «необходимым условием нейтрализации внутренних источников угроз национальной безопасности в экономической сфере является поддержание долгосрочной макроэкономической стабильности посредством структурной перестройки экономики Республики Беларусь на основе прямых иностранных инвестиций». Свое развитие данная норма получила в Указе Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы». В названном документе отмечается низкая отдача от инвестиций в основной капитал, а также недостаточный объем привлечения прямых иностранных инвестиций. В связи с этим стратегической целью инвестиционной политики на современном этапе является привлечение инвестиций в инновации, производства с высокой добавленной стоимостью, сферы, призванные обеспечить экологическую и социально-экономическую безопасность страны.

На наш взгляд, основными факторами, сдерживающими приток прямых иностранных инвестиций в Беларусь, являются правовая нестабильность, сопровождающаяся частыми изменениями нормативных правовых актов, а также сложные для понимания иностранных инвесторов налоговое администрирование и административные процедуры. Вместе с тем говорить об инвестиционной непривлекательности Беларуси нельзя. Беларусь – страна, являющаяся членом ЕАЭС, обладает выгодным географическим положением, развитой системой транспортных коммуникаций и достаточно квалифицированной рабочей силой. В этой связи возникает вопрос, почему основными источниками инвестиций в настоящее время выступают средства государственного бюджета и населения? При этом на протяжении последних лет их доля в общем объеме имеет тенденцию к постоянному увеличению. Например, если в 2004 г. доля средств государственного бюджета и населения в общем объеме инвестиций составляла 34,3 %, в 2011 г. снизилась до 25,1 %, то в 2017 г. она составила 41,1 %.

На основании вышеизложенного можем сделать вывод, что приход иностранных инвесторов обусловлен не столько внешними, сколько внутренними факторами. Международный опыт свидетельствует, что возможно привлечение значительного объема иностранных инвестиций при условиях: если сформировано устойчивое национальное законодательство, согласованное с международными стандартами; снижен уровень коррупции; функционирует независимая судебная система; созданы свободные экономические зоны.

Ратуя за привлечение прямых иностранных инвестиций, необходимо не забывать об обеспечении экономической безопасности нашего государства. Так, согласно ст. 11 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. «Об инвестициях» после уплаты установленных законодательством Республики Беларусь платежей иностранным инвесторам гарантируется беспрепятственный перевод за пределы Республики Беларусь прибыли (доходов) и иных правомерно полученных денежных средств, связанных с осуществлением инвестиций на территории Республики Беларусь, а также платежей, производимых в пользу иностранного инвестора и связанных с осуществлением инвестиций. На наш взгляд, в целях реализации положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и одновременного обеспечения экономической безопасности нашего государства в Закон Республики Беларусь «Об инвестициях», по примеру ряда иностранных государств, следует ввести норму, ограничивающую на законодательном уровне вывоз доходов, полученных от прямых иностранных инвестиций, вводя требование об обязательном реинвестировании определенной их доли.

Таким образом, полагаем, что экономические интересы Беларуси и их обеспечение в сфере инвестиционной деятельности во многом будут зависеть от способности современного государства как можно безболезненнее разрешать возникающие противоречия между национальными экономическими интересами и интересами иностранных инвесторов.

УДК 347.403

Д.А. Колбасин, Е.С. Ковалевский

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ПРИ НЕОСНОВАТЕЛЬНОМ БОГАЩЕНИИ

В гл. 59 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) помещены нормы, регулирующие обязательства, возникающие из неосновательного обогащения. Эти обязательства относят к числу охранительных и

называют еще кондикционными (лат. *condictiones sine causa* – обязательства без основания). Законодатель в определенных им нормах, помещенных в данной главе, строго придерживается правила о недопустимости получения имущественной выгоды без надлежащего правового основания, что, в частности, и следует из ст. 977 ГК. В этой статье законодатель учитывает и ситуацию, когда неосновательное обогащение возникло и на стороне потерпевшего. Такое возможно в случае произведенных приобретателем за счет собственного имущества необходимых затрат на содержание и сохранение имущества, подлежащего возврату как неосновательно приобретенного (сбереженного). Возникновение таких обстоятельств указывает на то, что затраты приобретателя становятся для него убытком, а для потерпевшего – возрастанием не должного.

Требование приобретателя о возмещении убытка, связанного с произведенными затратами, подлежит удовлетворению при доказанности определенных обстоятельств, предусмотренных ст. 977 ГК, а именно: возмещению подлежат только затраты, понесенные с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения, т. е. узнал (должен был узнать) о существовании истинного собственника имущества, который обязан нести бремя содержания имущества; затраты возмещаются при условии возврата потерпевшему имущества (или возмещения его стоимости при несохранности имущества в натуре); затраты возмещаются, если приобретатель не умышленно удерживал имущество, подлежащее возврату. Необходимо также иметь в виду, что у добросовестного приобретателя, имеющего право на возмещение затрат, есть право удержания подлежащей возврату неосновательно полученной вещи (п. 1 ст. 340 ГК), если потерпевший возникшие, так называемые необходимые, затраты не возмещает.

На основании анализа различных суждений ученых-правоведов следует полагать, что под необходимыми затратами на содержание и сохранение имущества понимаются не только издержки, направленные на поддержание имущества в том состоянии, в котором оно поступило к приобретателю, но и вообще любые расходы, имеющие разумный, экономически обоснованный характер, в том числе и те, которые улучшают имущество, повышают его качество и доходность. В тех случаях, когда приобретатель имеет право на возмещение необходимых затрат, размер возмещения может быть уменьшен путем зачета полученных приобретателем имущественных выгод (дохода) от использования имущества. В большинстве случаев суды исходят из того, что в ст. 977 ГК речь идет о зачете встречных односторонних требований.

Статьей 366 ГК предусмотрена имущественная ответственность должника за неисполнение или просрочку исполнения денежного обязатель-

ства в виде процентной неустойки за каждый день просрочки возврата денежных средств. Думается, нет никаких препятствий для применения положений ст. 366 ГК к приобретателю неосновательного обогащения в денежной форме (наличной или безналичной), который знал или должен был знать, что неосновательно получил или сберег чужие денежные средства. Право потерпевшего на применение такой имущественной санкции подтверждает п. 2 ст. 976 ГК. При неосновательном обогащении проценты подлежат уплате за пользование чужими денежными средствами. Это означает, что истец (потерпевший) должен доказать не только факт неправомерного владения, но и факт неправомерного пользования ответчиком (приобретателем) чужими денежными средствами. В суде должна быть установлена возможность извлечения ответчиком (приобретателем) дохода или иного блага из удерживаемых сумм. Если у приобретателя отсутствует возможность пользоваться неосновательно полученными денежными средствами, то применять ст. 366 ГК нельзя. Начисление процентов за пользование денежным неосновательным обогащением (чужими денежными средствами) возможно, согласно п. 2 ст. 976 ГК, с момента, когда приобретатель считается осведомленным (знал или должен был знать) о неосновательности своего денежного обогащения. В судебной практике встречаются иски о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами по ст. 366 ГК, когда ответчик не исполнил решение суда о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами (в качестве ответственности за просрочку исполнения денежного обязательства) и, таким образом, неосновательно пользуется этими денежными средствами. В данном случае требование о начислении процентов на незаконно сбереженные средства не подлежит удовлетворению.

Требования по обязательствам из неосновательного обогащения могут предъявляться как самостоятельно, так и субсидиарно (дополнительно) к другим гражданско-правовым требованиям о возврате имущества, что следует из смысла ст. 972 ГК. Правило о субсидиарном предъявлении кондикционных требований (при обращении в суд – это уже кондикционный иск) является диспозитивным, так как в ст. 972 ГК сделана оговорка, что иной порядок может быть установлен действующим законодательством, другим законом, ином нормативном правовом акте или следовать из существа соответствующих отношений. В связи с расширением сферы применения правил о кондикционных требованиях кондикционные обязательства в научной литературе стали именовать универсальным институтом защиты имущественных прав.

Ученые-правоведы неоднократно сравнивали кондикционные требования (притязания) и виндикационные требования (притязания) и отме-

тили, что они исключают друг друга. Виндикационное требование связано с истребованием вещи ее собственником из незаконного владения несобственника. Виндикация используется как вещно-правовой способ защиты титульным собственником. В тех случаях, когда собственник вещи лишился титула собственника (например, незаконный владелец отчуждает вещь другому приобретателю; собственник распорядился своим правом собственности на вещь путем лишения правового основания передачи вещи в собственность другому лицу), у него нет права на виндикационное требование. Бывший собственник может использовать только обязательно-правовой способ защиты – кондикционное требование, вытекающее из обязательства вследствие неосновательного обогащения.

Таким образом, обязательством, вытекающим из неосновательного обогащения, является такое гражданско-правовое обязательство, когда лицо, которое без установленных законодательством или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество за счет другого лица, обязано возвратить неосновательно приобретенное или сбереженное имущество, кроме случаев, установленных законом. Целью данного обязательства является восстановление первоначального имущественного положения потерпевшего за счет приобретателя. Неосновательно приобретенное имущество должно быть возвращено в натуре, а если это невозможно, должна быть возвращена его действительная стоимость, а также убытки, вызванные последующим изменением стоимости имущества. Исходя из вышеназванного определения, полагаем, приведенные исследования могут помочь на практике более обстоятельно решать споры вследствие неосновательного обогащения.

УДК 347.132.6 + 347.441.8

М.П. Короткевич

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ И НЕЗАКЛЮЧЕННЫЙ ДОГОВОР: О ВЗЫСКАНИИ УБЫТКОВ И НЕУСТОЙКИ

Договор, являясь соглашением двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, является наиболее часто совершаемой сделкой. В отличие от односторонних сделок для заключения договора и, соответственно, признания такой сделки совершенной, необходимо выражение согласованной воли (действий) двух сторон либо трех или более сторон. Гражданский кодекс Республики Беларусь (ГК) регламентирует понятие, формы и виды всех

сделок, устанавливает основания недействительности любых сделок. Для договоров, которые являются двухсторонними или многосторонними сделками, ГК устанавливает специальные правила о необходимости соблюдения определенных требований для того, чтобы договор считался заключенным. ГК определяет также момент заключения договора, с которым связывается момент вступления договора в силу и обязательности договора для его сторон. ГК, допуская как недействительность, так и незаключенность договора, не содержит четких критериев различия данных юридических конструкций. О разграничении конструкции незаключенный и недействительный договор свидетельствует п. 14 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. № 26 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок» (далее – постановление № 26), в котором определено, что незаключенными договорами следует признавать договоры, в которых «отсутствуют установленные законодательством условия, необходимые для их заключения (например, отсутствует соглашение по всем существенным условиям, указанным в законодательстве; не получен акцепт стороной, направившей оферту; не передано имущество, если в соответствии с законодательством для заключения договора требуется его передача (статьи 402, 403 ГК)».

Исходя из ГК вопрос о судьбе имущества сторон недействительного и незаключенного договора возникает в случаях, когда такой договор был частично или полностью исполнен.

Общие положения о последствиях недействительности сделок в виде двухсторонней реституции определены в п. 2 ст. 168 ГК. Последствием признания сделки недействительной может быть также односторонняя реституция либо недопущение реституции (ст. 170, 180 ГК). Дополнительными последствиями недействительности сделок являются возможность взыскания реального ущерба (ст. 172, 173, 176, 177, 178, 179, 180 ГК) (в отличие от российского законодателя, установившего требования полного возмещения убытков, в частности в составах недействительных сделок, совершенных под влиянием существенного заблуждения, обмана, насилия, угрозы или неблагоприятных обстоятельств) и взыскания неосновательного обогащения.

Возможность применения при недействительной сделке правил о реституции является основным отличием недействительной сделки от незаключенного договора (несостоявшейся сделки). Реституция – специфическое правовое средство, рассчитанное только на случаи недействительных сделок. Последствия недействительности сделки к незаключенному договору не применяются (п. 14 постановления № 26).

В ситуации, когда по незаключенному договору было произведено исполнение, то ввиду отсутствия установленных законодательством или сделкой оснований лицо, которое приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение) по правилам гл. 59 ГК.

Кроме того, в некоторых случаях, если договор не был заключен и даже если ни одна из сторон не произвела исполнение (частично или полностью), для одной из сторон могут наступать неблагоприятные последствия. Например, согласно п. 2 ст. 477 ГК сторона, получившая предложение по соответствующим условиям договора поставки, но не принявшая мер по согласованию условий договора и не уведомившая другую сторону об отказе от его заключения в течение определенного срока, обязана возместить убытки, вызванные уклонением от согласования условий договора. В данном случае последствия для стороны наступают не из-за того, что договор признан незаключенным, а вследствие бездействия одной из сторон (п. 2 ст. 477 ГК).

Таким образом и при недействительности, и при незаключенности договора применимы нормы гл. 59 ГК, в том числе, касающиеся возможности взыскания убытков в установленных случаях (например, п. 1 ст. 974 ГК).

Предложений по дополнению и изменению норм ГК, затрагивающих вопросы ответственности сторон недействительного и незаключенного договоров, содержатся в подготовленном во исполнение п. 11 плана подготовки законопроектов на 2018 г., утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2018 г. № 9, проекте Закона «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – Проект Закона). В частности, Проект Закона содержит предложения по включению в ГК норм, устанавливающих возможность конвалидации (исцеления, санации) некоторых условий незаключенных или недействительных договоров. Так предлагается дополнить ГК ст. 401² «Заверение об обстоятельствах», предусматривающую обязанность стороны, которая при заключении договора предоставила другой стороне недостоверные заверения в обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения, возместить другой стороне по ее требованию реальный ущерб, причиненный недостоверностью таких заверений, и выплатить неустойку, если такая предусмотрена договором. При этом данную обязанность указанная сторона договора обязана исполнить даже в случае признания договора незаключенным или недействительным и при установлении факта его ничтожности.

Полагаем, возможность действия отдельных условий недействительного или незаключенного договора не соответствует доктринальному учению о сделках, правовым категориям незаключенного и недействительного договора, положения которых не должны иметь правовой силы, в том числе об ответственности сторон. Считаем, что при включении предложенного заимствования в ГК данный факт будет учтен, а возможность взыскания неустойки, предусмотренной недействительным или незаключенным договором, исключена.

Обратим внимание, что в Проекте Закона также имеются предложения по дополнению ГК ст. 309¹, закрепляющей обязанности для сторон, осуществляющих предпринимательскую деятельность, по возмещению имущественных потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств. Полагаем, право стороны требовать возмещения имущественных потерь в предлагаемой редакции ст. 309¹ ГК неприменимо при незаключенности или недействительности договора (так как прямо возможность его распространения не закреплена в предлагаемой редакции ст. 309¹ ГК), в отличие от действующей нормы ст. 406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой аналогичное право требовать возмещение имущественных потерь законодатель распространяет и на случаи признания договора незаключенным или недействительным (если иное не предусмотрено соглашением сторон).

УДК 347.51

С.И. Красовский

О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ЗА НЕЗАКОННЫЙ СБОР, ОБРАБОТКУ, ХРАНЕНИЕ И ПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИЕЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Статья 28 Конституции Республики Беларусь закрепляет право на защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь. В развитие положений Основного Закона были разработаны и другие нормы, содержащиеся в других нормативных правовых актах, касающиеся неприкосновенности частной жизни. К ним относятся, в частности, положения Закона Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации», ст. 179 УК Республики Беларусь «Незаконные собрания либо распространение информации о частной жизни», ст. 22.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП Республики Беларусь). При этом ст. 179 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за

незаконные собирание либо распространение сведений о частной жизни, в свою очередь, ст. 22.6 КоАП Республики Беларусь устанавливает ответственность за несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты.

Право на компенсацию морального вреда, причиненного физическому лицу, нарушением его субъективных прав, гарантируется ст. 60 Конституции Республики Беларусь, а также закреплено в ст. 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь «Компенсация морального вреда» и вытекает из нарушения личного неимущественного права. Правовой основой компенсации морального вреда является также постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» (далее – постановление Пленума Верховного Суда № 7), так как именно на его основании решается вопрос о восстановлении нарушенного права, раскрывается понятие морального вреда, физических и нравственных страданий.

Несмотря на наличие указанных положений нормативных правовых актов, касающихся защиты неприкосновенности частной жизни, в настоящее время в законодательных актах Республики Беларусь отсутствует четкая регламентация критериев, позволяющих разумно и справедливо определить размер причиненного морального вреда, и, как следствие, возникают проблемные ситуации в правоприменительной практике. Нет единого подхода в решении данной проблемы и в научной литературе.

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие составов правонарушений из уголовного и административного законодательства, возмещение морального вреда за незаконный сбор, обработку, хранение и пользование информацией о частной жизни физического лица может быть осуществлено как в рамках административного либо уголовного процесса, а также в рамках искового производства в гражданском процессе (что влечет дополнительные процессуальные и материальные издержки).

Определение размера компенсации морального вреда за незаконный сбор, обработку, хранение и пользование информацией о частной жизни физического лица остается одной из актуальнейших проблем гражданского права. Суть ее состоит в объективной невозможности определения точной стоимостной оценки причиненного морального вреда, поскольку моральный вред не имеет своего имущественного содержания. Принцип эквивалентного возмещения, присущий гражданскому праву,

в данном случае неприменим, так как речь идет о нарушении личных неимущественных прав и других нематериальных благ.

При определении размера компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие анализа обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред.

Обычно при судебном рассмотрении данной категории дел доказательством факта причинения морального вреда являются утверждения истца о переносимых им физических или нравственных страданиях. По мнению М.А. Эрделевского, заявление истца о том, что он претерпел физические или нравственные страдания, является прямым доказательством факта причинения морального вреда. Научные знания в области психологии позволяют отметить, что к описанию истцом своих страданий следует относиться как к гипотезе: оно может полностью соответствовать действительности, соответствовать частично или совершенно от нее отличаться. Именно поэтому в медицине сложилась традиция отдельно фиксировать жалобы больного и объективный медицинский диагноз. Конечно, оспорить утверждение человека о переживаемом им страдании трудно, поскольку переживания являются тем субъективным опытом, которым располагает только сам индивид. Вместе с тем современные методы психодиагностики позволяют определить особенности психических переживаний и объективировать субъективные высказывания о них истца.

Результаты анализа судебной практики и современных точек зрения о порядке исчисления суммы компенсации морального вреда свидетельствуют о необходимости введения критериев, позволяющих разумно и справедливо определить его размер. Степень тяжести морального вреда находится в прямой зависимости от последствий незаконного собирания и использования информации о частной жизни физического лица: от характера физических и нравственных страданий, а также продолжительности времени, в течение которого претерпевались неблагоприятные последствия. В настоящее время в соответствии с национальным законодательством за судом сохраняется право на свободу усмотрения при определении суммы возмещения морального вреда.

Предоставляя суду свободу усмотрения при определении суммы морального вреда без каких-либо аргументированных критериев и пределов, закрепляется право субъективной судебной оценки, что противоречит объективности судопроизводства. Таким образом, очевидной является необходимость закрепления минимального размера компенсации морального вреда за вышеуказанные правонарушения.

По нашему мнению, для надлежащего правового регулирования возмещения морального вреда за незаконный сбор, обработку, хранение и пользование информацией о частной жизни физического лица, в постановлении Пленума Верховного Суда № 7 необходимо закрепить положение о том, что минимальный размер компенсации морального вреда по ст. 179 УК Республики Беларусь должен составлять 10 базовых величин, по ст. 22.6 КоАП Республики Беларусь – в размере пяти базовых величин в связи с меньшей общественной опасностью деяния.

Кроме того, размер компенсации морального вреда должен напрямую зависеть от размера санкции, применяемой по отношению к наказуемому, так как при назначении наказания суд уже учитывает все смягчающие и отягчающие вину обстоятельства. Для учета необходимо использовать такое наказание, как лишение свободы, которое выражается в месяцах. При таком методе один месяц наказания в виде лишения свободы, ареста оценивать суммой в десять базовых величин. Если наказанием является уголовный штраф, то размер компенсации следует рассчитывать в половину от его суммы. В случае избрания наказания в виде исправительных работ, предоставить суду право назначить минимальный размер компенсации – десять базовых величин. В целях более объективного учета физических и нравственных страданий при определении судом размера компенсации морального вреда также считаем обоснованным в обязательном порядке проводить медико-психологическую экспертизу в отношении потерпевшего. По результатам ее проведения на основании заключения эксперта о степени страданий потерпевшего суду из следующих коэффициентов: 0,5; 1; 2 (в зависимости от тяжести перенесенных страданий) выбирать соответствующий и множить его на вышеупомянутое количество базовых величин, связанное с назначенным наказанием.

УДК 351.74

А.А. Кусмерик

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
ИНСТИТУТА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЮ
СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Отраслевая принадлежность института причинения вреда – предмет дискуссий. Ученые высказывают мнения как о гражданской правовой, уголовно-правовой или межотраслевой (комплексной) правовой природе данного института. Предполагается, что институт возмещения вре-

да, причиненного жизни и здоровью, выступает как межотраслевой или комплексный правовой институт, поскольку в его рамках нормы гражданского права тесно взаимодействуют с нормами иных отраслей права – уголовно-процессуального, уголовного, административного и др.

Нормотворческая деятельность государства в сфере возмещения вреда (и вреда жизни и здоровью в частности) направлена и на то, чтобы предупреждать посягательства (как умышленные, так и неосторожные) на нематериальные права (блага) различных субъектов, и гарантировать каждому гражданину получение возмещения в случае причинения вреда здоровью.

Наиболее полно понятие нематериальных благ регламентировано в гражданском праве, где правоотношения в сфере их защиты составляют большую группу объектов.

К таким нематериальным благам законодательство относит жизнь и здоровье, личную неприкосновенность, честь, достоинство, деловую репутацию, личную и семейную тайну, а также иные объекты. Этот перечень является относительно определенным.

При этом личные неимущественные блага можно разделить на регулируемые и защищаемые. Жизнь и здоровье являются неотчуждаемыми благами и поэтому они не регулируются, а защищаются законом. Личные неимущественные отношения, объекты которых связаны с имущественными отношениями, не защищаются, а регулируются правовыми нормами.

При несоблюдении и нарушении прав граждан, причинении им имущественного или иного вреда у нарушителя возникает обязанность возместить причиненный вред. Чтобы загладить вредоносные последствия необходимо взаимодействие различных правовых средств, одним из которых можно назвать обязательство из причинения вреда («деликтные обязательства»).

В случае нарушения права гражданина на жизнь и здоровье законодательство предусматривает возмещение причиненного вреда причинителем, а в определенных случаях – государством и иными лицами, например, страховыми организациями либо организациями, в которых причинитель вреда работает, владельцами источников повышенной опасности и др.

Так, лица, несущие службу в органах внутренних дел Республики Беларусь, выполняют конституционно значимые функции, в том числе сопряженные со значительным риском для жизни или здоровья, чем обуславливается как их особый правовой статус, так и характер обязанностей государства по отношению к ним. Государство гарантирует им материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда жизни или здоровью при прохождении службы.

Статья 24 Конституции Республики Беларусь декларирует, что каждый имеет право на жизнь, а государство защищает жизнь человека от любых противоправных посягательств.

Уголовная ответственность предполагает наказание за причинение вреда жизни и здоровью вплоть до пожизненного лишения свободы и высшей меры наказания – смертной казни.

В то же время в случаях причинения вреда вредоносные последствия обычно не могут быть устранены с помощью какого-то одного правового института. Для достижения максимального социального эффекта требуется взаимодействие самых различных правовых средств, в числе которых важнейшее место принадлежит обязательствам из причинения вреда.

Один из возможных вариантов такой компенсации предусмотрен гл. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, предоставляющий возможность рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе. По своей сущности иск, предъявленный в рамках уголовного процесса, остается гражданско-правовым иском. Такой иск всегда носит характер восстановительный, так как направлен на восстановление нарушенного права.

Нормы гражданского законодательства о возмещении вреда являются фундаментом, на котором основываются специальные нормы о возмещении вреда, причиненного и сотрудникам органов внутренних дел. Любые вопросы, не урегулированные специальными нормами, будут регулироваться нормами гл. 58 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Так, в соответствии со ст. 953 Гражданского кодекса Республики Беларусь вред, причиненный жизни или здоровью гражданина при исполнении договорных обязательств, а также при исполнении обязанностей военной службы, службы в органах внутренних дел и других соответствующих обязанностей, возмещается по правилам, предусмотренным настоящей главой, если законодательством или договором не предусмотрен более высокий размер ответственности.

В связи с причинением вреда жизни или здоровью сотрудники органов внутренних дел, как и иные граждане, также имеют право на компенсацию морального вреда. Указанное возмещение может быть взыскано с виновного лица в гражданско-правовом порядке, что регулируется ст. 152, 970 ГК.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» содержит основную норму об обязательном государственном страховании сотрудников органов внутренних дел за счет средств республиканского бюджета, а также иных источников, предусмотренных законодательством Республики Беларусь.

Статьей 40 названного закона детально регламентированы основания, виды и размеры страхового возмещения, выплачиваемого при различных видах полученного вреда, – гибели сотрудника в связи с осуществлением им служебной деятельности, получения тяжкого либо менее тяжкого, а также легкого телесного повреждения, установления инвалидности.

При этом законодатель дифференцирует размер этих выплат.

Так, в случае смерти сотрудника при совершении прямого посягательства на его жизнь или здоровье, семье погибшего выплачивается единовременная страховая сумма в размере 10-летней суммы оклада денежного содержания и надбавки за выслугу лет погибшего, а за смерть сотрудника при осуществлении им служебной деятельности – 250 базовых величин, что эквивалентно годовой сумме оклада денежного содержания и надбавки за выслугу лет погибшего.

Очевидно, что сотрудник органов внутренних дел осуществляет правоохранительную функцию не только в момент принятия им мер по предотвращению (пресечению) преступления. Перманентная угроза жизни или здоровью сотрудника при исполнении им своих служебных обязанностей присутствует всегда и поэтому такое разграничение является темой для дискуссии. Разрешение спорных случаев возможно только в рамках искового производства в качестве единственно возможного способа возмещения всех видов вреда.

Таким образом, применение института гражданско-правовой ответственности в настоящее время является наиболее эффективным способом возмещения вреда и позволяет гарантировать сотрудникам органов внутренних дел возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью в связи с исполнением ими служебных обязанностей, в объеме, позволяющем в максимальной степени компенсировать последствия изменения их материального и (или) социального статуса.

УДК 343.137.5 + 347.157.1

А.А. Ляшко

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ПРАВЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Субъектный состав общественных правоотношений условно можно подразделить на три категории: государство, юридические лица и физические лица. Последняя категория сегодня представлена гражданами,

иностранцами гражданами и лицами без гражданства. Наряду со взрослыми участниками правоотношений, в том числе в области гражданского и уголовного права, принято выделять и лиц, не достигших 18 лет, которые всегда выделялись в отдельную категорию субъектов, начиная с развития римского права.

Актуальность и необходимость исследований в данной области обусловлена прежде всего реформированием современного зарубежного законодательства, в том числе и норм, регламентирующих правовое положение несовершеннолетних, в связи с изменениями социально-экономической обстановки, развитием и усложнением общественных отношений под влиянием глобализации, мировой интеграции и цифровизации. Именно поэтому целью настоящего исследования является выявление на основании анализа норм зарубежного и национального законодательства тенденции развития зарубежного и национального права в сфере регулирования ответственности несовершеннолетних в гражданских и уголовных правоотношениях.

Рассматривая ответственность несовершеннолетних в рамках правовых актов национального законодательства, обратим внимание, что гражданско-правовая ответственность указанной категории субъектов устанавливается нормами Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь). Так, ст. 942 и 945 ГК установлено, что ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним в возрасте до 14 лет и недееспособным гражданином, несут законные представители и опекун соответственно (Российская Федерация, Украина, Казахстан). Ответственность на общих основаниях возникает только у лиц с 14 лет (Российская Федерация, Украина, Казахстан), при этом вред в недостающей части возмещается также законными представителями несовершеннолетнего. При этом обратим внимание, что подобный подход сегодня применяется также в Российской Федерации, Республике Казахстан, Республике Кыргызстан, Украине. Однако следует отметить, прогрессивную, на наш взгляд, норму украинского гражданского законодательства, закрепляющую личную ответственность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет за нарушение договора, заключенного ими самостоятельно и по согласию законных представителей. В случае отсутствия достаточного имущества у несовершеннолетнего для возмещения убытков, законные представители несут дополнительную ответственность.

Уголовное законодательство Республики Беларусь по общему правилу признает деликтоспособными лиц, достигших 16 лет. В исключительных случаях, предусмотренных ст. 27 Уголовного кодекса (УК)

Республики Беларусь, уголовная ответственность наступает с 14 лет или в ряде случаев только с 18 лет, например, состав ст. 168 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста». Аналогичный подход сегодня выработан и в Российской Федерации, Армении, Азербайджане.

Во многих европейских странах возраст уголовной ответственности установлен на рубеже 15 лет (Швеция, Чехия, Финляндия, Исландия, Норвегия, Дания). В Бельгии, Нидерландах и Шотландии уголовная ответственность наступает при достижении 12 лет. При этом самый минимальный возраст для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности установлен правовыми актами Англии, Уэльса и Северной Ирландии – десять лет.

Интересным представляется опыт Финляндии. Так, возраст уголовной ответственности здесь установлен на рубеже 15 лет, однако суды имеют право отказаться от наказания за преступление, совершенное лицом, не достигшим 18-летнего возраста, когда «действие считается результатом безрассудства или неосторожности несовершеннолетнего, а не его невнимания либо незнания».

В Греции, например, дети в возрасте от 8 до 15 лет на момент совершения преступного деяния могут быть подвергнуты только образовательным, исправительным или терапевтическим мерам, а вот несовершеннолетний в возрасте от 15 до 18 лет уже может быть приговорен к наказанию, включая лишение свободы.

Весьма строгим представляется уголовное законодательство Франции. Здесь не существует абсолютного минимального возраста, в котором несовершеннолетнее лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Однако лица в возрасте от 13 до 18 лет могут быть приговорены к уголовной ответственности, в том числе к тюремному заключению, а несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет при определенных обстоятельствах могут быть приговорены к тюремному заключению.

Таким образом, можно сделать вывод, что возраст привлечения лица к гражданско-правовой и к уголовной ответственности в большинстве стран является одинаковым, что обусловлено, на наш взгляд, частым соединением, например, гражданского иска в уголовном процессе.

В рамках исследования норм, регламентирующих гражданско-правовую ответственность несовершеннолетних, следует отметить необходимость закрепления в национальном законодательстве личной ответственности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет за нарушение договора, заключенного ими самостоятельно и по согласию законных представителей.

Проведенный анализ позволил выявить в европейских странах тенденцию к привлечению несовершеннолетних к уголовной ответственности, как правило, с 14-летнего либо с 15-летнего возраста. Положительным, на наш взгляд, является использование по отношению к несовершеннолетним в возрасте до 15 лет образовательных, исправительных или терапевтических мер, а не уголовного наказания.

Кроме того, анализ уголовного законодательства Республики Казахстан, Украины, Республики Молдова, Российской Федерации позволил сделать вывод, что существует необходимость расширения границ деликтоспособности несовершеннолетних в части возрастного критерия путем внесения изменений в нормы, регламентирующие привлечение к уголовной ответственности лиц, достигших 14 лет. Так, целесообразно в перечень преступлений, предусмотренных ст. 27 УК Республики Беларусь, внести такие составы, как акт терроризма, в том числе публичные призывы к совершению терроризма; бандитизм; надругательство над местами захоронения; шантаж; мошенничество; незаконный оборот наркотиков; участие в массовых беспорядках; самовольная остановка поезда без надобности. При таком подходе ответственность лиц, достигших 14-летнего возраста, будет возникать по наиболее опасным преступлениям, с учетом способности современной молодежи по достижении 14-летнего возраста трезво осознавать общественную опасность. По нашему мнению, это может также способствовать повышению эффективности профилактики правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних.

УДК 347.51:719

И.Э. Мартыненко

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА БЕСХОЗЯЙСТВЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Памятники истории и культуры сторают, их разрушают, расхищают, длительное время не реставрируют, используют не по функциональному назначению, часто даже не охраняют. В результате утрачиваются качества объекта, которые позволяют относить его к историко-культурным ценностям – памятникам. Учитывая эти обстоятельства, законодатель еще в советский период определил, что бесхозяйственное содержание культурных ценностей признается гражданско-правовым нарушением. Как следствие, изъятие бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, основание и порядок совершения которых установлена в ст. 241 Гражданского кодек-

са Республики Беларусь (ГК), является санкцией, которая носит исключительно возмездный характер.

Согласно требованиям данной нормы в случаях, когда собственник культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законодательством к особо ценным и охраняемым государством, бесхозяйственно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, такие ценности по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов.

Однако данная норма ГК не имеет точного соответствия положениям Кодекса Республики Беларусь о культуре (далее – Кодекс о культуре).

Во-первых, все состоящие на государственном учете памятники, а именно их имел в виду законодатель, устанавливая запрет на бесхозяйственное использование, поименованы в Кодексе о культуре как *историко-культурные ценности*. Культурные ценности, которые формально указаны в диспозиции ст. 241 ГК, не имеют количественного ограничения и являются собирательным понятием (т. е. историко-культурные ценности – культурные ценности, принятые на государственный учет и охраняемые как памятники соответствующего вида).

В Кодексе о культуре, вступившем в силу 3 февраля 2017 г., корреспондирующая положениям ст. 241 ГК норма об изъятии бесхозяйственно содержимых культурных ценностей содержится в п. 4 ст. 75, в силу которой в случае, если собственник материальной историко-культурной ценности бесхозяйственно содержит эту историко-культурную ценность, что может привести к потере ее отличительных духовных, художественных и (или) документальных достоинств, такая историко-культурная ценность по решению суда может быть изъята у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов. Как видно, законодатель прямо указывает именно *историко-культурные ценности*, а не культурные ценности как предмет правонарушения.

Во-вторых, как представляется, нет необходимости в ст. 241 ГК указывать на то, что эти ценности являются «охраняемыми государством», что собственно подразумевается из смысла включения их в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь – своеобразный охранный реестр. Другими словами, все историко-культурные ценности и так охраняются государством по факту включения их в государственный список; специальной оговорки, как это сделано в ст. 241 ГК, по нашему мнению, в данном случае не требуется.

Положения данной нормы соответствуют ст. 54 Конституции Республики Беларусь, согласно которой каждый гражданин обязан беречь историко-культурное наследие и другие ценности. Из этого следует,

что бесхозяйственное содержание культурных (историко-культурных ценностей) является злоупотреблением правом. Соответственно, надлежащим содержанием вещей, относящихся к культурным ценностям, являются: обеспечение их физической сохранности, недопущение порчи (потери ими своих качеств); осуществление в случае необходимости мероприятий по их ремонту (реставрации) и реконструкции; принятие мер по недопущению их хищения; недопущение передачи культурных ценностей лицу, не способному обеспечить их надлежащее содержание.

На практике кроме противоправности необходимо установить наличие вреда, причинную связь между вредом и противоправным поведением, а также вину правонарушителя. Объективную сторону данного правонарушения составляет такое поведение субъекта права собственности, которое непосредственно ведет к порче или гибели историко-культурных ценностей в их натурально-вещественном виде вследствие несоблюдения правил их использования и хранения.

В какой-то степени сходный механизм выкупа бесхозяйственно содержимых культурных ценностей предусмотрен и законодательством многих государств. Так, например, в Российской Федерации в соответствии со ст. 240 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) случаях, когда собственник культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к *особо ценным и охраняемым государством* (выделено нами. – *И. М.*), бесхозяйственно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, такие ценности по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов. Ранее уже обращали внимание, что принципиальная разница состоит в том, что в Российской Федерации сформирован Список (перечень) особо ценных объектов культурного наследия (в Республике Беларусь такого специального списка нет, имеется только градация памятников по степени культурной значимости), что позволяет говорить о большей согласованности норм ГК РФ и специального Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», чего не отмечается в законодательстве Беларуси.

Согласно положениям ст. 352 Гражданского кодекса Украины, если в результате действий или бездействия собственника памятника ему угрожает повреждение или уничтожение, соответствующий орган охраны культурного наследия делает собственнику памятника соответствующее *предупреждение* (выделено нами. – *И. М.*). Если собственник памятника не примет меры по его сохранению, в частности, в связи с невозможно-

стью создания необходимых для этого условий, суд по иску соответствующего органа охраны культурного наследия может принять решение о его выкупе. В то же время в случае неотложной необходимости обеспечения условий для сохранности памятника культурного наследия, иск о его выкупе может быть предъявлен и без предупреждения. Таким образом, допускается возможность на предъявление иска о выкупе памятника даже без предупреждения собственника памятника.

И в России, и в Украине в законе определен круг субъектов, которые могут предъявить иск о прекращении права собственности на бесхозяйственно содержимые культурные ценности, что не указано в Кодексе о культуре.

Первый опыт применения данной ст. 241 ГК (речь идет о деле об изъятии на основании решения экономического суда Гродненской области от 30 ноября 2016 г. по иску прокурора историко-культурной ценности «Комплекс пивоваренного завода» в г. Гродно) выявил еще одну проблему, на которую обратили внимание судьи и органы принудительного исполнения: отсутствует предусмотренный законодательством специальный механизм реализации изъятых судом у собственника историко-культурных ценностей на публичных торгах с передачей бывшему собственнику такой ценности вырученной от ее продажи суммы за вычетом расходов на проведение торгов.

Анализ указанных выше обстоятельств позволил прийти к следующему заключению. С учетом необходимости формирования единого научно-понятийного аппарата, обеспечения согласованности норм Кодекса о культуре и ГК предлагаем распространить действия ст. 241 ГК на все (а не только на особо ценные, как установлено в настоящее время) принятые на государственный учет историко-культурные ценности Республики Беларусь и изменить диспозиции ст. 241 ГК.

В инициативном варианте редакция данной нормы может быть изложена следующим образом:

«В случаях, когда собственник историко-культурных ценностей бесхозяйственно содержит эти ценности, что грозит утратой ими своего значения, такие ценности по решению суда могут быть изъяты у собственника путем выкупа государством или продажи с публичных торгов.»

При выкупе историко-культурных ценностей собственнику возмещается их стоимость в размере, установленном соглашением сторон, а в случае спора – судом. При продаже с публичных торгов собственнику передается вырученная от продажи сумма за вычетом расходов на проведение торгов, а также стоимости восстановительных работ в

отношении историко-культурной ценности, или стоимости мероприятий, необходимых для сохранения археологического объекта».

Такая гармонизация, полагаем, будет способствовать единству практики применения законодательства.

УДК 347.454.3

Р.Н. Машаров

ДОГОВОР СОЗДАНИЯ ОБЪЕКТА ДОЛЕВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КАК СПОСОБ УЛУЧШЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ В СИСТЕМЕ ЖИЛИЩНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ

С 2006 г. в развитие законодательства о долевом строительстве были приняты три Указа Республики Беларусь, в которые в общей сложности вносились изменения 11 раз, не считая изменений в правила заключения договоров и акты в области ценообразования в строительстве. Сегодня действует Указ Президента Республики Беларусь от 10 декабря 2018 г. № 473 «О долевом строительстве» (далее – Указ № 473), пока без изменений.

Анализ изменений законодательства об участии в долевом строительстве позволяет сделать вывод о постепенном усилении публично-правового регулирования в указанной сфере, ее последовательном «сударствлении». Наиболее незащищенной категорией с точки зрения частноправового регулирования являются граждане – участники долевого строительства.

Полагаем, что причиной постоянного изменения законодательства является очевидная «пирамидальность» долевого финансирования строительства. При этом белорусские исследователи еще в начале 2000-х отмечали, что долевое строительство коммерческой недвижимости появилось как временный метод организации строительства в условиях острого дефицита финансовых средств и высокой стоимости кредитных ресурсов¹. Однако этот институт все еще на пике популярности.

Совершенно необоснованной выглядит позиция, согласно которой последний вариант проекта белорусского закона о жилищных строительных сбережениях предполагает заключение договора долевого строительства по окончании периода накопления как единственного способа улучшения жилищных условий. К сожалению, обоснование подобному предложению в открытых источниках найти не удалось.

¹ Материалы заседания круглого стола на тему «Долевое строительство ждет специального закона» / В.Н. Рябцев [и др.] // Вестн. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. – 2010. – № 9. – С. 31–43.

Выбор разработчиков проекта закона еще более неоднозначен, поскольку договор участия в долевом строительстве – крайне неопределенная правовая конструкция в системе договоров. Споры о правовой природе продолжаются в науке на протяжении всего времени существования этого вида договора.

В гражданско-правовой науке идет дискуссия о том, является ли анализируемый договор публичным. Полагаем, что предложение о формировании фактически специального правового режима договора создания объекта долевого строительства для включения его в систему жилищных строительных сбережений выглядит неоправданным, так как договор создания объекта долевого строительства может быть заменен классическими гражданско-правовыми конструкциями приобретения жилья.

Еще одним дискуссионным вопросом при определении правовой сущности договора участия в долевом строительстве является вопрос о возможности признания данного вида договора договором **присоединения**. Исследователи не рассматривают фактическое неравенство как квалифицирующий признак договор присоединения, а констатируют наличие закрепленных в законодательстве возможности дольщика по поводу согласования существенных условий. Такая ситуация вновь подталкивает к выводу о необходимости формирования специального правового режима, что, как указано выше, вряд ли оправданно.

Более того, как указывают исследователи, не до конца ясен вопрос относительно предмета рассматриваемого договора¹. **В момент заключения договора у застройщика фактически отсутствует жилое помещение, являющееся предметом договора.** *Очевидно, что риски в такой конструкции на стороне дольщика, поскольку обязательства застройщика перед дольщиком фактически обеспечиваются самим дольщиком (денежными средствами, вынесенными другими дольщиками).*

Однако, учитывая, что под объектом строительства понимается один жилой дом либо *несколько жилых домов* (п. 1.25 Указа № 473), то законодательством вновь фиксируется схема, согласно которой **денежные средства, привлеченные от новых участников долевого строительства, фактически расходуются на строительство других объектов** (пусть даже в границах соответствующего элемента планировочной структуры). В этой связи норму п. 1.25 Указа № 473 вряд ли можно назвать эффективной.

К сожалению, в очередной раз также закреплён механизм изменения цены договора (цены объекта долевого строительства), позволяющий

¹ Статья «Правовое регулирование долевого строительства жилья и практические рекомендации его участникам» (О.В.Шелков) (по состоянию на 30.01.2017).

недобросовестным застройщикам понуждать дольщиков на подписание дополнительного соглашения об изменении его цены – фактическое одностороннее изменение цены.

Таким образом, национальное законодательство не позволяет обеспечить интерес дольщика в ситуации возникновения спора по поводу изменения цены строительства.

Учитывая, что право на односторонний отказ от договора является дополнительным средством защиты более слабой стороны в правоотношении¹, то оказывается, что слабой стороной в договоре создания объектов долевого строительства является застройщик.

При этом п. 14 Положения о порядке заключения, исполнения и расторжения договоров создания объектов долевого строительства, условиях привлечения денежных средств при осуществлении долевого строительства² для этих случаев устанавливает специальное правило, согласно которому дольщик не несет ответственности за несвоевременное перечисление платежей, составляющих государственную поддержку. Однако односторонний отказ (требование досрочного расторжения договора) застройщика от договора не является формой гражданско-правовой ответственности дольщика, что исключает действие упомянутого пункта в случае предъявления застройщиком требования досрочного расторжения договора при просрочке платежа из средств государственной поддержки.

В этой связи предложение исследователей установить правило о цене в следующей редакции: «Если стороной договора является гражданин, заключивший договор участия в долевом строительстве без цели предпринимательской деятельности, цена договора не может быть увеличена», не избавляет дольщика от необоснованных рисков.

Искажение статуса слабой стороны – дольщика нашло отражение также в правилах о **защите прав потребителя**. Так, исследователи указывают, что граждане, приобретающие объект долевого строительства для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, имеют двойной

¹ Опыты цивилистического исследования : сб. ст. Вып. 2 / рук. авт. кол. и отв. ред. А.М. Ширвиндт, Н.Б. Щербаков (Статут, 2018) // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

² О мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 10 декабря 2018 г. № 473 (вместе с Положением о порядке заключения, исполнения и расторжения договоров создания объектов долевого строительства, условиях привлечения денежных средств при осуществлении долевого строительства) : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 марта 2019 г., № 156 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

правовой статус (участник долевого строительства и потребитель), поскольку могут возложить на застройщика ответственность не только на основании норм Указа № 473, но и законодательства о защите прав потребителей.

УДК 347

М.В. Мещанова

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РАМКАХ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Если проследить общую статистику внесения изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь (ГК) за прошедшие с момента его принятия 20 лет, можно констатировать, что разд. VII «Международное частное право» подвергался наименьшему реформированию. По значимым моментам положения гл. 74 и 75 ГК отражают подходы, которые были предусмотрены еще Основами гражданского законодательства 1991 г. Далее они получили некоторое развитие в Модельном Гражданском кодексе для государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г., положения которого, в части коллизионного регулирования, были практически в неизменном виде перенесены в ГК. Вместе с тем за прошедшие годы общемировые подходы к коллизионному регулированию частно-правовых отношений существенно изменились. Только с 2010 до 2014 г. новые нормативные правовые акты в сфере международного частного права были приняты в 16 государствах, с 2015 по 2019 г. продолжился процесс внесения изменений в действующие нормативные правовые акты по вопросам международного частного права (ресистематизация), а также разработка проектов и принятие новых актов. Процесс совершенствования норм международного частного права затронул и государства – члены Евразийского экономического союза. В 2013 г. была принята новая редакция разд. VI Гражданского кодекса Российской Федерации.

В 2018 г. была создана рабочая группа по подготовке проекта масштабных изменений ГК, по результатам деятельности которой подготовлен проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» (далее – проект изменений ГК).

Объективными основаниями для внесения предложений по реформированию разд. VII ГК послужили следующие факты: коллизионное регулирование Республики Беларусь по целому ряду моментов является устаревшим и не позволяет суду или арбитражу выбрать право, отражаю-

щее объективную локализацию соответствующего отношения; поскольку коллизионные нормы существуют не изолированно, а служат целям разрешения коллизий между материально-правовыми предписаниями, важное значение имеет анализ тенденций изменения белорусского и зарубежного гражданского законодательства. При подготовке проекта изменений ГК учитывалась модернизация материально-правового регулирования (в том числе предполагаемая) для поддержания необходимого соответствия между материальной и коллизионной регламентацией.

Предлагаемые дополнения и изменения разд. VII ГК направлены на решение следующих основных задач:

расширение круга отношений, прямо регулируемых новыми коллизионными нормами, с исключением необходимости решения вопроса об определении применимого права на базе общего резервного критерия тесной связи (п. 3 ст. 1093 ГК), ввиду известной сложности его использования в правоприменительной практике и очевидной непредсказуемости конечного результата в части определения применимого права;

коррекция некоторых коллизионных норм для достижения большей адекватности регулирования (за счет использования новых, более современных коллизионных привязок);

совершенствование ряда положений с точки зрения юридической техники с тем, чтобы способствовать их правильному толкованию судами и иными правоприменителями.

При этом необходимо учитывать, что разд. VII ГК относительно небольшой по объему, но весьма емкий по содержанию. Практически каждая из его норм так или иначе затрагивает довольно широкий круг правоотношений.

Проект изменений ГК затрагивает главным образом вопросы определения личного закона юридического лица, а также права, применимого к договорам. Эти области коллизионного регулирования, на наш взгляд, являются наиболее чувствительными с точки зрения обеспечения внешнеэкономической деятельности белорусских субъектов хозяйствования.

Так, предлагается легально закрепить сферу действия личного закона юридического лица, что обеспечит правовую определенность для участников гражданского оборота в части соотношения сферы действия личного закона юридического лица со сферами действия иных статутов, в том числе обязательственного (ст. 1112 проекта изменений ГК).

Внесена новая редакция ст. 1116 ГК. Согласно изменениям коллизионное регулирование в определении права, применимого к форме сделки, отказывается от формулы прикрепления к месту совершения сделки и переходит к использованию права, применимого к самой сделке. Однако сделка не может быть признана недействительной вследствие

несоблюдения формы, если соблюдены требования права страны места совершения сделки. Если стороной сделки выступает лицо, чьим личным законом является право Республики Беларусь, и сделка совершена за границей, она может быть признана действительной, даже если при ее заключении не соблюдены требования к форме, как по праву, применимому к самой сделке, так и по месту ее совершения, но при этом соблюдены требования, предусмотренные белорусским законодательством. Указанное положение имеет целью защитить интересы субъектов, чьим личным законом является право Республики Беларусь. Кроме того, положение действующей редакции п. 2 ст. 1116 ГК об обязательной письменной форме внешнеэкономических сделок с участием субъектов Республики Беларусь исключается.

Проектом изменений ГК корректируется перечень сторон и, соответственно, договоров, для которых возможно сформулировать жесткие коллизионные привязки (п. 1 ст. 1125 ГК). В настоящее время этот перечень включает в себя 15 договоров. Проектом изменений ГК в него дополнительно включается ряд договорных конструкций, для которых целесообразно определять применимое право по месту жительства или основному месту деятельности одной из сторон, расширяя его, таким образом, до 21 договора. Пункт 2 ст. 1125 ГК исключается, при этом ГК дополняется отдельной статьей, содержащей коллизионное регулирование договоров в отношении недвижимого имущества.

В п. 5 ст. 1125 ГК предлагается сохранить доктрину характерного исполнения в качестве резервного способа определения применимого права. Обоснованна также целесообразность использования принципа наиболее тесной связи в том случае, если невозможно определить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. В п. 6 предусматривается корректирующая оговорка, которая позволяет учесть наличие чрезвычайных ситуаций, когда определение применимого права на основании п. 1–5 данной статьи приводит к выбору той правовой системы, которая не имеет с рассматриваемым отношением тесной связи. Указанный пункт подлежит применению при возникновении спорных ситуаций относительно применимого права в суде или арбитраже.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует самостоятельное коллизионное регулирование договоров, содержащих элементы нескольких договоров (смешанных договоров). Современное международное частное право стоит на позициях необходимости отдельного коллизионного регулирования указанных отношений, для обеспечения защиты прав их участников. Соответствующая норма предусматривается п. 7 новой редакции ст. 1125 ГК.

В отношении договоров, предусматривающих передачу прав на объекты интеллектуальной собственности, в том числе договора франчайзинга, предлагается сформулировать специальные коллизионные правила, учитывающие территориальный характер действия этих прав (ст. 1126 проекта изменений ГК).

Современное детализированное коллизионное регулирование договорных обязательств создаст необходимые предпосылки для обращения контрагентов по международным коммерческим сделкам за разрешением споров в суды (арбитражи) Республики Беларусь, а также обеспечит обоснованный выбор права, применимого к спорной ситуации.

УДК 347.63

Н.В. Мисаревич

СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ САНКЦИИ В ОТНОШЕНИИ РОДИТЕЛЕЙ КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ И КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Одной из характеристик правового государства является гарантированность защиты прав тех слоев населения, которые в силу физической беспомощности не могут отстаивать свои законные интересы. В контексте семейных правоотношений это, в первую очередь, несовершеннолетние дети. Родительские права признаются государством, но при этом родители обязаны заботиться о своих детях, воспитывая их надлежащим образом. Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, несут ответственность в установленном законом порядке. Эти обстоятельства диктуют необходимость более тщательного и глубокого анализа тех проблем, которые возникают при применении семейно-правовых санкций к родителям.

Правоприменительная практика свидетельствует о растущей тенденции в области злоупотребления родительскими правами либо неисполнения родительских обязанностей. Отсюда появляются проблемы в применении к родителям, ненадлежаще исполняющим родительские обязанности, не только санкций в виде лишения родительских прав, но и в виде немедленного отобрания ребенка у родителей (без судебного решения). Именно последняя мера, возможно, впоследствии поможет сохранить для ребенка семью.

В семейно-правовой науке высказано мнение, что санкции в семейном праве выступают прежде всего как способ обеспечения защиты прав и интересов детей (например, Н.С. Шерстнева). Принято считать,

что в санкциях семейно-правовых норм, предусматривающих юридическую ответственность, закреплены различные меры семейно-правовой ответственности, применяемые к лицу, нарушившему норму права (например, лишение родительских прав, отобрание ребенка, отмена усыновления).

Участники семейных отношений несут личные и имущественные обязанности. Но где есть обязанности, там должны быть предусмотренны и санкции за неправомерное поведение членов семьи, которые будут побуждать субъектов семейных правоотношений к надлежащему их исполнению. Санкциями устанавливаются меры защиты и меры ответственности, из чего следует, что семейно-правовые санкции классифицируются на санкции, устанавливающие меры защиты, и санкции, устанавливающие меры семейно-правовой ответственности.

Санкцию, как меру семейно-правовой ответственности, применяемую к родителям в семейном праве, можно определить как предусмотренную семейным законодательством меру личного воздействия на правонарушителя, призванную обеспечить надлежащее исполнение возложенных на родителей обязанностей, предусмотренных законом.

Лишение родительских прав представляет собой исключительную меру семейно-правовой ответственности, влекущую за собою серьезные правовые последствия как для родителя, так и для его ребенка. Это означает, что лишение родительских прав допускается: во-первых, когда изменить поведение родителей либо одного из них в лучшую сторону уже невозможно; во-вторых, только судом; в-третьих, при наличии вины родителя. Лишение родительских прав применяется только в тех ситуациях, когда суд придет к выводу о том, что другие меры не позволяют должным образом защитить интересы ребенка.

Лишение родительских прав представляет собой санкцию за неправомерное поведение родителей в отношении их детей, направленную на защиту интересов детей и перевоспитание родителей. Лишение родительских прав – кардинальная карательная мера, которой присущи следующие черты: индивидуальный характер; осуществляется только в отношении несовершеннолетнего ребенка; носит исключительный характер; ей присущ неспороворотный характер; применяется только за правонарушения; имеет бессрочный характер; перечень оснований лишения родительских прав является исчерпывающим.

В соответствии с законодательством Республики Беларусь отобрание детей без лишения родительских прав, как мера их государственной защиты, производится по решению комиссии по делам несовершеннолетних местного исполнительного и распорядительного органа, местной администрации, которая при вынесении решения выполняет функции

органа опеки и попечительства. В шестимесячный срок после вынесения решения об отобрании ребенка соответствующая комиссия принимает решение о возвращении ребенка родителям, если отпали причины, послужившие основанием для отобрания ребенка, либо об обращении в суд с иском о лишении родителей родительских прав.

Но в любом случае отобрание детей у родителей как по решению суда, так и на основании акта органа опеки и попечительства служит, с одной стороны, способом защиты ребенка от опасности, исходящей от родителей, а с другой – является мерой ответственности родителей за создание в семье опасной для несовершеннолетнего обстановки.

Таким образом, лишение родительских прав можно рассматривать как крайнюю, но не единственную меру, что может быть применена к родителям, которые своим поведением, образом жизни, отношением к ребенку ставят ребенка в условия, опасные для его жизни и здоровья. В случаях, когда оставление ребенка у родителей или иных лиц, на воспитании которых он фактически находится, опасно для него, законодатель предусмотрел возможность отобрания ребенка у родителей без лишения родительских прав. В данном случае речь идет о так называемом ограничении родительских прав. Отобрание ребенка без лишения родительских прав является прежде всего мерой защиты прав и законных интересов ребенка, выступая одновременно и мерой семейно-правовой ответственности, при которой родитель ограничивается в родительских правах.

УДК 351.746 (476)

А.В. Новик

ДЕПАРТАМЕНТ ОХРАНЫ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о сохранности имущества во все времена стоял очень остро перед человечеством. Физические и юридические лица используют различные способы для обеспечения сохранности принадлежащего им имущества на законном основании. В настоящее время органом, способствующим сохранению материальных ценностей и безопасности граждан, является Департамент охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь (далее – Департамент охраны).

Департамент охраны – структурное подразделение Министерства внутренних дел с правами юридического лица, уполномоченное осу-

ществлять функции в сфере охранной деятельности, и имеет самостоятельный баланс, счета в банках, печать с изображением Государственного герба Республики Беларусь, с собственным наименованием [1]. Данное подразделение МВД в своей деятельности руководствуется Конституцией Республики Беларусь, Положением о Департаменте охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 4 июня 2004 г. № 268 «О некоторых вопросах органов внутренних дел Республики Беларусь», постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 28 марта 2016 г. № 71 «Об утверждении Инструкции о порядке организации работы по оказанию (выполнению) охранных услуг (работ) Департаментом охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в том числе по обследованию объектов», постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь и Министерства экономики Республики Беларусь от 4 января 2008 г. № 1/3 «Об утверждении Инструкции о порядке формирования, согласования и утверждения тарифов на услуги подразделений Департамента охраны Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

К основным задачам Департамента охраны следует отнести осуществление охранной деятельности; осуществление охраны общественного порядка на охраняемых объектах, в зонах постов и маршрутов патрулирования; обеспечение соблюдения технических требований в области проектирования и производства средств и систем охраны, осуществление контроля за их внедрением и эксплуатацией; осуществление контроля за охранной деятельностью организаций [2].

Департамент охраны на договорной основе оказывает услуги по охране физических лиц, имущества юридических и физических лиц; услуги по охране общественного порядка; приему и передаче сигналов тревоги систем тревожной сигнализации; перевозке и охране перемещаемого имущества; сопровождению товаров и транспортных средств; проектированию, монтажу, наладке и техническому обслуживанию средств и систем охраны; дрессировке служебных животных для использования в охранной деятельности [2].

Законодательством Республики Беларусь в определенных случаях устанавливается обязанность юридического либо физического лица передать принадлежащее ему имущество под охрану Департаменту охраны. Так, подлежат обязательной охране объекты особо важные, повышенной опасности и жизнеобеспечения, противоправные действия на которых крупному экономическому или социальному ущербу государству, обществу, предприятию, экологии или иному владельцу имущества. К таким объектам относятся помещения, здания судов, органов

прокуратуры, Следственного комитета Республики Беларусь, главные управления по областям, специализированное управление, центральное хранилище, расчетный центр Национального банка Республики Беларусь, хранилища ценностей ОАО «Сберсберегательный банк «Беларусбанк», здания банков и др.

В соответствии с законодательством обязательному сопровождению подлежат отдельные категории товаров (грузов, имущества), перемещаемые автомобильным транспортом, в частности: алкогольная, спиртосодержащая и табачная продукция, оружие и боеприпасы, опасные грузы и т. д.

Охранную деятельность в Республике Беларусь стоит рассматривать исключительно как готовность выполнения подразделениями охраны стоящих перед ними задач. В тарифы на услуги охраны входят только затраты на исполнение договорных обязательств (включая заработную плату, транспортные расходы, услуги связи и т. п.).

Оказание охранных услуг физическим лицам носит социальный характер, т. е. подразделения охраны не получают никакой прибыли. Так, например, охрана квартиры в месяц для физического лица обойдется в сумму менее половины базовой величины. В то время как фактические затраты могут достигать суммы в пять базовых величин.

Исходя из изложенного в соответствии с оказываемыми Департаментом охраны услугами различаются формы типовых договоров для физических и юридических лиц, определяющие различные требования к объектам, условия и стоимость оказания охранных услуг.

Типовые формы договоров об оказании Департаментом охраны охранных услуг утверждены постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 июля 2012 г. № 632 «О некоторых мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 6 января 2012 г. № 17». Стоит отметить, что договор охраны является типичным видом смешанного договора, содержащим в себе элементы договора возмездного оказания услуг, который направлен на охрану объекта, и договора подряда, который призван выполнять работы по обеспечению безопасности.

Договор возмездного оказания охранных услуг является консенсуальным, двухсторонним и возмездным.

Следует отметить, что в настоящее время наиболее частым способом нарушения права собственности на вещь является кража. Например, это кражи из гаражей и частных домов, квартир и иных помещений. Не редкость и кражи из дачных домов. К примеру, в зимний период дачные участки остаются без присмотра хозяев, что является отличным условием для злоумышленников. По статистике, только в одном районе каж-

дого областного центра, каждые сутки происходит до трех краж. Часто половина совершенных таких преступлений так и остаются нераскрытыми. Во многих случаях граждане прибегают к заключению договора охранных услуг только после того, как у них пропадает имущество.

Обеспечение личной и имущественной безопасности граждан всегда было и остается одним из приоритетных направлений в деятельности Департамента охраны. Самым эффективным и надежным способом противостояния злоумышленникам является оборудование помещений средствами охранной сигнализации. Однако практика показывает, что услуги Департамента охраны среди населения Республики Беларусь недостаточно популярны, что способствует снижению эффективности профилактики краж. Современные металлические двери – лишь временная преграда на пути злоумышленников. Большую часть краж преступники совершают взламывая, отжимая двери либо подбирая ключи. Как правило, такие преступления совершают в дневное время или в выходные дни, когда хозяев квартиры нет дома, либо во время отпусков, когда граждане выезжают на отдых [2].

Обращение с заявлением в подразделения Департамента охраны своего района – самый простой и надежный способ защиты имущества.

Список использованных источников

1. О некоторых вопросах органов внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 июня 2004 г., № 268 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 21.11.2018 г. № 457 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 25.02.2019.

УДК 347.73

В.В. Паращенко

ВОЗМЕЩЕНИЕ ИНВЕТОРОМ РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ СУММ ЛЬГОТ И (ИЛИ) ПРЕФЕРЕНЦИЙ КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОНЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ЛИБО НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ЕГО УСЛОВИЙ

В Республике Беларусь осуществление инвестиций на основании инвестиционных договоров реализуется в рамках так называемого преференциального режима инвестирования (от лат. *praeferentia* – предпо-

чение, преимущество, льгота), наряду с осуществлением инвестиций в свободных экономических зонах (СЭЗ), Парке высоких технологий, Китайско-Белорусском индустриальном парке «Великий камень» и др.

Такой режим предполагает создание благоприятного инвестиционного климата через наделение инвесторов определенным комплексом преимуществ перед другими субъектами предпринимательской деятельности для поддержки важного для государства направления экономической деятельности и носит строго адресный характер.

Так, инвестор, согласно п. 3 Декрета Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» (далее – Декрет № 10), вправе претендовать:

на предоставление без проведения аукциона на право заключения договора аренды земельного участка, аукциона с условиями на право проектирования и строительства капитальных строений (зданий, сооружений) и аукциона по продаже земельных участков в частную собственность;

строительство объектов, предусмотренных инвестиционным договором, с правом удаления объектов растительного мира без осуществления компенсационных выплат стоимости удаляемых объектов растительного мира;

освобождение от ввозных таможенных пошлин (с учетом международных обязательств Республики Беларусь) и налога на добавленную стоимость, взимаемых таможенными органами, при ввозе на территорию Республики Беларусь технологического оборудования, комплектующих и запасных частей к нему для исключительного использования на территории Республики Беларусь в целях реализации инвестиционного проекта и др.

Таким образом, названные, а также иные условия инвестиционного договора способствуют созданию благоприятной атмосферы для деятельности инвесторов, установлению дополнительных гарантий защиты инвестируемого капитала, получению соответствующих льгот и преференций.

Вместе с тем анализ поводов и оснований расторжения инвестиционных договоров с Республикой Беларусь позволяет говорить о том, что отдельные инвесторы преследовали цель исключительно получения предусмотренных законодательством льгот и преференций без намерения надлежащего исполнения инвестиционного договора и реализации инвестиционного проекта. Это свидетельствует о том, что такие инвесторы злоупотребляют предусмотренными для них льготами и преференциями и используют их в ущерб государственных интересов для собственного обогащения без намерения реализовать инвестиционный проект.

В этой связи полагаем, что мотивирующей основой возникновения прав инвестора по инвестиционному договору должны быть не разнообразные льготы и преференции, а именно механизм предоставления государством гарантий стабильности ведения его бизнеса и неизменности условий договора.

Инвестор по заключенному инвестиционному договору помимо широкого перечня прав наделен и рядом обязанностей, среди которых следует выделить обязанность возместить Республике Беларусь и ее административно-территориальным единицам суммы льгот и (или) преференций в случае прекращения инвестиционного договора по основаниям иным, чем исполнение инвестором (инвесторами) и (или) организацией своих обязательств по инвестиционному договору (суммы налогов, сборов (пошлин) и иных обязательных платежей в республиканский и (или) местные бюджеты и бюджеты государственных внебюджетных фондов, в том числе платы за право заключения договора аренды земельного участка, арендной платы за земельный участок, не уплаченные (не полностью уплаченные) инвестором (инвесторами) и (или) организацией ввиду использования ими льгот и (или) преференций, предоставленных в связи с заключением инвестиционного договора) и др.

Этой обязанности инвестора корреспондирует право другой стороны инвестиционного договора (Республики Беларусь) – в случае прекращения инвестиционного договора по основаниям иным, чем исполнение инвестором (инвесторами) и (или) организацией своих обязательств по инвестиционному договору, Республика Беларусь вправе требовать компенсации сумм льгот и (или) преференций в порядке и сроки, установленные Советом Министров Республики Беларусь, а также уплаты неустойки (штрафа, пени), предусмотренной инвестиционным договором, и др.

В п. 2.1 Декрета № 10 определен перечень обязательных условий инвестиционного договора, к таковым, среди прочих, закон относит условие об ответственности сторон инвестиционного договора.

Говоря о соблюдении законности при реализации инвестиционных договоров, А.В. Конюк и М.А. Семенихин обращают внимание на следующее обстоятельство: «установлены факты отсутствия в инвестиционных договорах условия об ответственности инвестора. Распространены случаи, когда при наличии на то оснований штрафные санкции не взыскиваются. Установлены факты необоснованного увеличения сроков реализации инвестиционных договоров путем заключения дополнительных соглашений, что делает невозможным применение мер гражданско-правовой ответственности». Это свидетельствует о низкой договорной дисциплине сторон инвестиционного договора.

В Республике Беларусь сложилась определенная судебная практика по разрешению споров, вытекающих из инвестиционных договоров. Анализ рассмотренных судами экономических дел подтверждает необходимость корректировки отдельных положений инвестиционного законодательства. Так, в частности, по мнению А.В. Плотникова, «в целях единообразного применения условий инвестиционного договора и выработки общего подхода к применению штрафных санкций предлагается установить единый максимальный размер неустойки с закреплением права государственного органа и исполкома на изменение ее размера – право на установление в инвестиционном договоре неустойки в меньшем размере. Предлагается определить открытый перечень обстоятельств непреодолимой силы путем обязательного закрепления в инвестиционном договоре нормы о форс-мажорных обстоятельствах, определить условия дополнительного регулирования порядка освобождения от ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, ввозимых в рамках реализации инвестиционного проекта».

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

ответственность сторон инвестиционного договора является его существенным условием, она наступает при наличии таких условий: противоправность поведения стороны; наличие вреда (важно отметить, что это условие не является обязательным для наступления ответственности); причинная связь между действиями причинителя и наступившим вредом; наличие вины;

в качестве самостоятельной меры ответственности сторон за неисполнение либо ненадлежащее исполнение условий инвестиционного договора, помимо традиционных убытков и неустойки, следует выделить *возмещение инвестором Республике Беларусь сумм льгот и (или) преференций* (суммы налогов, сборов, пошлин и иных обязательных платежей в бюджет). Посредством реализации указанной меры проявляется компенсационная функция гражданско-правовой ответственности.

УДК 347.6 (476)

В.И. Пенкрат

МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СЕМЕЙНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Особая роль семьи в общественном развитии и формировании каждого человека признается мировым сообществом.

Нормы международного права о защите семьи нашли свое закрепление и в новых конституциях стран – участниц Таможенного союза ЕАЭС. Например, ст. 38 Конституции Российской Федерации провозглашает, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. В ст. 32 Конституции Республики Армения указано, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства. В ст. 2 Конституции Республики Беларусь закреплено, что человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства.

Цель государственной семейной политики нашего государства состоит в обеспечении улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности семьи для выполнения ею репродуктивной, экономической и воспитательной функций, а также укреплении нравственных основ семьи, повышении ее престижа в обществе.

Одним из важнейших правовых институтов, способствующих стабилизации общественных отношений, является юридическая ответственность.

Семейно-правовая ответственность представляет собой применение к правонарушителю принудительных мер, оказывающих дополнительное негативное воздействие на его личную или имущественную сферу в виде лишения его определенных семейных прав или возложения на него дополнительных обязанностей.

По утверждению таких ученых-правоведов, как Е.М. Ворожейкин, Н.С. Малеин, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина, юридическая ответственность всегда влечет для правонарушителя определенные лишения имущественного или неимущественного характера. Такое понимание ответственности побуждает участников правовых отношений к надлежащему поведению.

Специфика семейно-правовой ответственности заключается в следующем:

семейно-правовая ответственность применяется к членам семьи и должностным лицам, нарушившим семейное законодательство;

члены семьи могут сами устанавливать меры своей ответственности в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения их обязанностей по заключаемым ими договорам (Брачным договором, Соглашением о детях, Соглашением об уплате алиментов);

в ряде случаев меры семейно-правовой ответственности применяются только по желанию заинтересованного лица (так, получатель алиментов вправе взыскать с плательщика алиментов все убытки, причиненные получателю несвоевременной уплатой алиментов плательщиком, не покрытые неустойкой);

для наступления семейно-правовой ответственности требуется наличие следующих условий:

причинение вреда (морального или имущественного);

противоправное поведение субъекта (оно заключается в совершении действия (бездействия), нарушающего требования норм семейного права);

причинно-следственная связь между противоправным поведением субъекта и наступившим вредом (это условие применения мер семейно-правовой ответственности является необходимым в случаях, когда вред или угроза его причинения входят в число условий их применения);

вина лица (психическое отношение лица к своему противоправному поведению и его результату);

в некоторых случаях для наступления семейно-правовой ответственности не обязательно наличие вины лица (например, малолетние дети и недееспособные совершеннолетние, которые не могут осознавать свои действия, не могут быть освобождены от семейно-правовой ответственности);

к семейно-правовой ответственности не могут быть привлечены третьи лица, не участвующие в данном правоотношении.

Любой вид юридической ответственности выполняет превентивную функцию, т. е. способствует предотвращению правонарушений в будущем.

Кодексом Республики Беларусь о браке и семье (КоБС) семейно-правовая ответственность предусмотрена в следующих случаях:

1. *Ответственность супругов за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми.*

2. *Ответственность родителей за осуществление родительских прав в ущерб правам и интересам детей.*

Основания, по которым родители или один из них могут быть лишены родительских прав, указаны в ст. 80 КоБС.

Помимо лишения родительских прав ст. 85, 85¹ КоБС предусматривают в качестве самостоятельной формы защиты прав и законных интересов ребенка «ограничение родительских прав». Основанием для ограничения родительских прав может являться опасная для ребенка обстановка, возникшая не по вине родителей, а по не зависящим от них обстоятельствам.

3. *Ответственность должностных лиц и иных граждан за несообщение по неважной причине сведений о перемене места работы или жительства плательщиком алиментов судебному исполнителю.*

4. *Ответственность плательщика алиментов по задолженности в их уплате, которая реализуется путем обращения взыскания на де-*

нежные средства плательщика алиментов в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством.

5. *Ответственность руководителей учреждений, в которых находятся дети, за непредставление достоверных сведений, а также за иные действия, направленные на сокрытие ребенка от передачи на воспитание в семью.*

6. *Ответственность лиц за разглашение тайны об усыновлении против воли его усыновителей.*

Меры ответственности за совершение семейно-правового нарушения – это предусмотренные нормами семейного законодательства средства принудительного воздействия на лицо, виновное в совершении семейно-правового нарушения, выражающиеся в лишении его субъективного семейного права, а также в применении к нему иных неблагоприятных последствий имущественного и неимущественного характера.

К формам семейно-правовой ответственности относятся:

возмещение убытков, которые включают в себя только реальный ущерб;

уплата неустойки;

денежная компенсация морального вреда;

возмещение материального вреда в натуре.

Основания освобождения от семейно-правовой ответственности не предусмотрены семейным правом Республики Беларусь, однако они могут быть заимствованы из гражданского законодательства. Эти основания следующие:

правонарушитель может быть освобожден от семейно-правовой ответственности при отсутствии одного или нескольких условий привлечения к ней, если эти условия указаны в законе;

основания освобождения от семейно-правовой ответственности для конкретных случаев могут быть предусмотрены законом или договором.

Типичными основаниями освобождения от семейно-правовой ответственности являются:

случай – обстоятельство, свидетельствующее об отсутствии вины причинителя вреда из-за невозможности предвидеть наступившие последствия;

непреодолимая сила – чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство.

Таким образом, мерой семейно-правовой ответственности при нарушении личных неимущественных прав участников семейных правоотношений является пресечение действий, нарушающих субъективные права лица или создающих угрозу их нарушения. Для правонарушений, посягающих на имущественные правоотношения в семье, в законе предусмотрены имущественные санкции.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОБЯЗАННОСТЬ ПРЕТЕРПЕВАНИЯ

Правовая обязанность претерпевания означает условную юридическую необходимость независимо от воли обязанного лица определенно-го изменения состояния.

Ее содержание не сводится к переживанию, хотя выражение «обязанность претерпевать» на такую мысль наводит. Эта обязанность не исполняется, а осуществляется. Ее нельзя нарушить, потому она не тождественна запрету.

Независимость обязанности претерпевания от воли обязанного лица не лишает ее способности к регулированию волевого поведения. Лицо, принимая и осознавая такую обязанность, будет вести себя сообразно возможности и вероятности наступления фактов, приводящих ее в действие.

Обязанность претерпевания позволяет объяснить феномен гражданско-правовой ответственности, давно вызывающий дискуссии в юридической науке.

По мнению О.С. Иоффе, ответственность в гражданском праве является санкцией за нарушение гражданских законов, обеспеченной убеждением и государственным принуждением или его возможностью. Она устанавливает отрицательные последствия для правонарушителя и направлена на восстановление нарушенных отношений. «Имущественная ответственность, – считает Н.С. Малеин, – это правоотношение, возникающее из нарушения обязанности, ... выражающееся в форме невыгодных для правонарушителя... имущественных последствий, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения». На взгляд В.П. Грибанова, «гражданско-правовая ответственность есть такое возложение невыгодных имущественных последствий на нарушителя гражданских прав и обязанностей, которое связано с применением санкций». По мнению С.Н. Братуся, «юридическая ответственность – это исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения». «Ответственность, – добавляет он, – это не обязанность претерпевания последствий, проистекающих из правонарушения, а самое их претерпевание в состоянии принуждения независимо от того, какие последствия наступают – будь то исполнение новых обязанностей, поражающих имущественные и личные блага обязанного лица, или только исполнение ранее существовавшей обязанности».

Названная проблема не остается без научного внимания цивилистов и теоретиков права нашего времени, о чем свидетельствуют докторские диссертации последних десятилетий. Так, В.А. Хохлов определяет гражданско-правовую ответственность как «особое правовое состояние, возникающее в результате нарушения прав участников гражданских правоотношений и характеризующееся юридической возможностью обеспечить восстановление этих прав с помощью специальных санкций...». А.А. Лукьянцев представляет ее через возникновение и реализацию требования кредитора (потерпевшего) на предмет применения к правонарушителю мер, имеющих целью восстановление утраченного кредитором (потерпевшим) гражданского блага либо получение им компенсации за утрату (уменьшение) этого блага. С точки зрения Д.А. Липинского, «юридическая ответственность – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация». Г.А. Прокопович видит в ней специфическую обязанность правонарушителя претерпевать лишения личного или материального характера за совершенное правонарушение в соответствии с санкцией нарушенной нормы права.

Анализ законодательства показывает, что в основе гражданско-правовой ответственности всегда лежит неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства, причинение вреда, иное гражданское правонарушение. Оно вызывает обязанность нарушителя возместить убытки (вред), уплатить неустойку или проценты, а также другие юридические последствия. В соответствии с принципом обеспечения восстановления нарушенных прав, их реализация направлена на восстановление нарушенных прав кредитора (потерпевшего).

С совершением гражданского правонарушения изменяется не только правовое состояние нарушителя (возникает обязанность предоставить кредитору (потерпевшему) деньги), но и имущественное (появляется денежный долг). Разумеется, нарушитель этого не желает: исполнение обязанности (осуществление долга) приведет к уменьшению количества денег без какого-либо встречного удовлетворения. Доказав определенные обстоятельства (отсутствие вины, непреодолимую силу и т. д.), можно избежать исполнения упомянутой обязанности, но ее возникновение от воли нарушителя не зависит.

Следовательно, гражданско-правовая ответственность есть основанное на гражданском правонарушении и независимое от воли нарушителя негативное изменение его юридического (имущественного) состояния, выражающееся в возникновении обязанности, исполнение которой направлено на восстановление нарушенных прав кредитора (потерпевшего). Значит, ответственность в гражданском праве, впрочем, как любая юридическая ответственность, состоит в осуществлении обязанности претерпевания, обусловленной правонарушением юридической необходимости независимого от воли обязанного лица определенного изменения его состояния.

Мы определили ответственность за совершенное (прошрое) правонарушение, но «юридическая ответственность...», – пишет Д. А. Липинский, – «едина и включает в себя как ответственность за будущее поведение (позитивную, добровольную), так и ответственность за прошлое противоправное поведение (негативную, государственно-принудительную ответственность)». Таким образом, ее можно представить в виде обязанности претерпевания (позитивной ответственности). С совершением правонарушения (осуществлением обязанности претерпевания) она становится негативной.

УДК 347.6

Т.Н. Пуцько

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Отношения в семье между ее членами в силу их лично-доверительного характера относятся к числу таких, где существенно ограничивается применение норм права. Они определяются главным образом не законом, а нравственными, моральными правилами. Издавая соответствующие законы, государство стремится по возможности не вмешиваться в сугубо личные отношения граждан, ограничиваясь установлением лишь таких обязательных правил (норм), которые необходимы для укрепления семьи, осуществления и защиты прав и законных интересов ее членов. Справедливой и современной остается и позиция классика русской цивилистики Г.Ф. Шершеневича, который отмечал, что физический и нравственный склад семьи создается помимо права, введение юридического элемента в личные отношения членов семьи представляется не всегда удачным и чаще всего не достигает своей цели. Тем большее значение для граждан приобретает возможность урегулировать внутрисемейные отношения по своему усмотрению, заключив соответ-

ствующий договор. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (КоБС) предоставляет права участникам семейных отношений заключать Брачный договор, Соглашение об уплате алиментов, договор суррогатного материнства, Соглашение о детях и об имуществе.

Введение договорного регулирования брачно-семейных правоотношений, безусловно, указывает на расширение границ диспозитивности в семейном праве. Вместе с тем следует отметить главную особенность договоров в семейном праве – недопустимость ухудшения положения участников Соглашения или других лиц, в части прав и гарантий, предусмотренных законодательством о браке и семье.

Договорная свобода ограничивается, в частности, установленным законодательством размером алиментов на несовершеннолетних детей, основаниями возникновения права на содержание нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей и супругов. Так, ст. 103⁴ КоБС предусматривает специальное основание для признания Соглашения об уплате алиментов недействительным. Соглашение может быть оспорено, если содержащиеся в нем условия предоставления содержания несовершеннолетнему ребенку и (или) нуждающемуся в помощи нетрудоспособному совершеннолетнему ребенку существенно нарушают их права и законные интересы на момент заключения Соглашения, в том числе в случае несоблюдения требований о размере алиментов на несовершеннолетних детей, установленных ч.1 ст. 92 КоБС. Брачный договор также не должен содержать условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства, а также нарушают права и законные интересы других лиц (ч. 7 ст. 13 КоБС). Данные ограничения являются, по нашему мнению, достаточно существенными для регулирования имущественных правоотношений супругов.

Таким образом, можно говорить только об относительной диспозитивности, что в первую очередь обусловлено неравенством субъектов семейных отношений и задачами семейного права, такими как укрепление семьи как естественной и основной ячейки общества, приоритетная охрана и защита прав ребенка, охрана материнства и отцовства.

Брачно-семейное законодательство Республики Беларусь закрепляет ряд других особенностей семейно-правового договора по предмету, форме, субъектному составу. В первую очередь это личный, безвозмездный характер договора. Исключение составляет договор суррогатного материнства, который может заключаться на возмездной основе.

Вместе с тем по большинству семейно-правовых договоров такие вопросы, как порядок заключения и исполнения договора, основания из-

менения, расторжения, признание договора недействительным и последствия таких актов, как правило, специально не урегулированы и разрешаются по правилам Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) о заключении, изменении и расторжении гражданско-правовых договоров, исполнении обязательств, признании сделок недействительными.

Более детальное закрепление специальных оснований изменения, расторжения и признания договора недействительным позволило бы устранить ряд недостатков диспозитивного регулирования семейных отношений. Таких, например, как неопределенность в случае, когда в процессе исполнения Брачного договора одна из сторон поставлена в крайне неблагоприятное положение. Здесь не ясно, признавать ли Брачный договор недействительным либо расторгать или изменять его в связи с существенно изменившимися обстоятельствами (ст. 421 ГК).

Таким образом, можно сделать вывод, что ведение договорного регулирования в брачно-семейное законодательство Республики Беларусь проводилось последовательно и постепенно. КоБС предоставляет права участникам семейных отношений заключать Брачный договор, Соглашение об уплате алиментов, договор суррогатного материнства, Соглашение о детях и об имуществе.

УДК 347.451.4 + 332.856 + 347.214.2

Н.И. Рудович, А.А. Монаков

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА РИЭЛТЕРА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В последние годы наблюдается стремительное развитие законодательства, регулирующего отношения, связанные с реализацией прав и законных интересов белорусских граждан в социально-экономической сфере. Особое место среди указанных прав занимает право на жилище, которое предусмотрено как международными универсальными документами, так и национальным законодательством и реализация которого оказывает благоприятное воздействие не только на условия жизни и здоровья граждан, но и обеспечивает устойчивое функционирование и развитие общественных и государственных институтов. Имплементация универсальных стандартов в указанной сфере деятельности в законодательство Республики Беларусь обусловила необходимость анализа положений международных договоров, заключаемых нашим государством в целях реализации международных обязательств.

Развитие рынка риэлтерских услуг, позволяющего оптимизировать экономические отношения в жилищной сфере, является одним из перспек-

тивных направлений государственной политики на современном этапе. На правомерность осуществления риэлтерской деятельности в Республике Беларусь, а также пресечения нарушений законодательства о риэлтерской деятельности существенное значение имеет точное закрепление в нормативных правовых актах таких понятий, как «риэлтер», «риэлтерская деятельность», «риэлтерская услуга». Особую значимость для Республики Беларусь приобретает унификация данных понятий в свете происходящих интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Несмотря на некоторые проблемы использования данных терминов, во всех странах СНГ без исключения и в большинстве государств мира понятия «риэлтер» и «риэлтерские услуги» непосредственно связаны с недвижимостью. Рынок риэлтерских услуг выступает неотъемлемым элементом рынка недвижимости, способствует повышению его эффективности функционирования.

Сегодня одной из значимых проблем в области государственного регулирования риэлтерской деятельности является отсутствие единства понятия «риэлтер» и закладываемого в него смысла различными актами законодательства. Правовая неопределенность указанной юридической категории порождает на практике недобросовестную конкуренцию, что, в свою очередь, снижает эффективность не только государственно-управленческого воздействия, но и деятельности предпринимательских структур на рынке недвижимости, ограничивает юридические возможности защиты прав и законных интересов добросовестных участников рынка риэлтерских услуг.

Риэлтер – профессиональный посредник, совершающий операции с недвижимостью. Белорусский законодатель разграничил понятия «риэлтер» и «риэлтерская организация», наделив их различным правовым содержанием, определив, что риэлтер может заниматься риэлтерской деятельностью только в штате коммерческой организации. Работниками риэлтерских организаций, непосредственно оказывающими риэлтерские услуги, выступают специалисты по риэлтерской деятельности, прошедшие аттестацию, – риэлтер (работник риэлтерской организации, имеющий свидетельство об аттестации риэлтера, выданное в установленном законодательством порядке, и оказывающий от имени этой риэлтерской организации все риэлтерские услуги) и агент по операциям с недвижимостью (работник риэлтерской организации, не имеющий свидетельства об аттестации риэлтера, оказывающий от имени этой риэлтерской организации отдельные риэлтерские услуги).

Несколько иная ситуация, связанная с определением «риэлтер» и его правового статуса, сложилась в странах, с которыми Республика Беларусь поддерживает традиционно близкие экономические отношения.

В отечественном законодательстве либо в проектах законов о риэлтерской деятельности большинства стран СНГ разрешено осуществлять риэлтерскую деятельность как физическим лицам – риэлтерам, зарегистрированным в установленном порядке и имеющим соответствующую квалификацию, так и юридическим лицам – риэлтерским организациям. Так, в Российской Федерации «риэлтор – субъект предпринимательской деятельности – юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие риэлторскую деятельность».

В Законе Республики Узбекистан «О риэлтерской деятельности» 2010 г. хозяйственная компетенция участника риэлтерской деятельности определяется в зависимости от организационно-правовой формы осуществления предпринимательской деятельности. Так, риэлтером является физическое лицо, осуществляющее индивидуальную предпринимательскую деятельность, имеющее квалификационный сертификат и лицензию. Лицензия выдается только на оказание информационных и консультационных услуг на рынке недвижимости.

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики «риэлтор – это физическое (индивидуальный предприниматель) или юридическое лицо (риэлторская фирма), обладающее лицензией на право осуществления риэлторской деятельности.

Что касается практики высокоразвитых европейских государств в указанной сфере, то в каждой стране работа специалиста по недвижимости имеет свою специфику. Законодатель, как правило, не рассматривает организационно-правовую форму профессионального субъекта рынка риэлтерских услуг в качестве условия возможности осуществления риэлтерской деятельности. Основанием допуска к осуществлению риэлтерской деятельности в основном выступают профессиональные качества непосредственного исполнителя риэлтерской услуги.

В заключение, определяя статус основного участника рынка риэлтерских услуг, можно сказать о неоднозначности подходов государств в определении его организационно-правовой формы и профессионального статуса. В зависимости от политической и экономической конъюнктуры, а также целей и задач соответствующего государства различают следующие формы осуществления риэлтерской деятельности: разрешается осуществлять риэлтерскую деятельность как физическим, так и юридическим лицам; разрешается осуществлять риэлтерскую деятельность только юридическим лицам (риэлтеры, аттестованные специалисты – исключительно наемные работники риэлтерской организации); разрешается осуществлять риэлтерскую деятельность как физическим, так и юридическим лицам, но имеется разграничение компетенции в за-

висимости от вида риэлтерской услуги. Как правило, физические лица ограничиваются в компетенции на совершение определенных риэлтерских услуг (например, связанных с отчуждением объекта недвижимости) в силу высокой стоимости объектов недвижимости и высоких рисков для участников сделки.

В европейских странах на допуск к осуществлению риэлтерской деятельности организационно-правовая форма субъекта предпринимательства роли не играет: главное условие – профессионализм и порядочность, а в некоторых случаях – членство в специализированной саморегулируемой организации.

С учетом проводимой в Республике Беларусь либерализации экономических отношений в сфере недвижимости, а также усилением интеграционных процессов на постсоветском пространстве, целесообразно было бы выработать единый подход к определению правового статуса риэлтера. Считаем необходимым юридически расширить возможности индивидуальных предпринимателей в осуществлении предпринимательской деятельности на белорусском рынке недвижимости.

УДК 347.63 (476)

Е.Я. Рутман, Т.Ю. Жукова

ЛИШЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ВОСПИТАНИЕ И (ИЛИ) СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СУДА БАРАНОВИЧСКОГО РАЙОНА И Г. БАРАНОВИЧИ)

Изменения, происходящие в современном обществе, сопровождаются усилением агрессивных тенденций, часто в отношении лиц ближайшего окружения и прежде всего несовершеннолетних детей. При этом длительный период, в течение которого родители жестоко обращаются с детьми, причиняя значительный вред их психическому и физическому здоровью, нарушая их права и охраняемые законом интересы, что может вызвать гибель ребенка как личности. В подобного рода ситуации возможно лишение родительских прав, которое является высшей мерой за виновное невыполнение родительского долга, предусмотренной семейным законодательством. Оно допускается только судом на основании и в порядке, установленном законодательством, тем самым осуществляется защита прав и охраняемых законом интересов ребенка.

В соответствии с положениями ст. 80 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (КоБС) родители или один из них могут быть лишены

родительских прав в отношении несовершеннолетнего ребенка, если будет установлено, что они уклоняются от выполнения своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка или злоупотребляют родительскими правами, а также жестоко обращаются с ним и т. д. В частности, в исковом заявлении Управления образования Барановичского ГИК о лишении родительских прав было указано, что ответчик, имея несовершеннолетнюю дочь, на протяжении длительного времени злоупотребляет спиртными напитками, состоит на учете в наркологическом диспансере, воспитанием и содержанием дочери не занимается, отбывает наказание за убийство жены. Изучив материалы дела, заслушав мнение сторон, прокурора, суд Барановичского района и г. Барановичи в соответствии со ст. 80 КоБС нашел иск подлежащим удовлетворению.

В целом необходимо отметить, что количество дел о лишении родительских прав остается стабильно высоким. При этом один родитель может быть лишен родительских прав в отношении двух детей и более. Решением суда Барановичского района и г. Барановичи по иску инспекции по делам несовершеннолетних Барановичского РОВД за злостное уклонение от воспитания и содержания своих несовершеннолетних детей, оставление их без присмотра, ведение аморального образа жизни ответчица была лишена родительских прав в отношении четверых детей, которые были переданы на попечение органа опеки и попечительства Барановичского райисполкома.

Лишение родительских прав является крайней мерой, применение которой не всегда целесообразно, хотя иногда и очевидно, что находиться ребенку с родителями (одним из них) опасно для его жизни и здоровья. В таких случаях в качестве меры защиты его прав и интересов в соответствии с ч. 1 ст. 85 КоБС суд может ограничить родительские права, приняв решение об отобрании ребенка у родителей (одного из них). Так, суд Барановичского района и г. Барановичи нашел иск подлежащим частичному удовлетворению в соответствии со ст. 85, 93 КоБС и, руководствуясь ч. 1 ст. 142, ст. 300–306 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь вынес решение об отобрании у ответчиков без лишения родительских прав троих несовершеннолетних детей, передаче указанных несовершеннолетних детей на попечение органу опеки и попечительства Барановичского райисполкома, взыскании расходов на содержание несовершеннолетних детей, находящихся на государственном обеспечении, в составе и размерах, установленных Правительством Республики Беларусь, до прекращения оснований взыскания, а также обязал ответчиков немедленно явиться в Управление по труду, занятости и социальной защите Барановичского райисполкома для трудоустройства на работу.

Еще одно эффективное средство защиты интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью со стороны родителей – немедленное отобрание ребенка у родителей или других лиц, на воспитании которых он находится (ч. 2 ст. 85 КоБС). Так, изучив материалы дела, заслушав представителя истца, допросив свидетелей, мнение прокурора, полагавшего необходимым иск отдела образования Барановичского райисполкома удовлетворить, суд Барановичского района и г. Барановичи нашел иск подлежащим удовлетворению в соответствии со ст. 85, 93 КоБС. Применение таких мер, как лишение родительских прав и ограничение в родительских правах требует судебного разбирательства, длящегося иногда несколько месяцев. Немедленное отобрание детей у родителей позволяет незамедлительно обеспечить защиту прав и интересов ребенка.

Практически полный разрыв правовой связи между родителем и ребенком в случае лишения родительских прав не всегда носит необратимый характер. В предусмотренных законом случаях, если этого требуют интересы ребенка, а также при условии, что родители существенно изменили в лучшую сторону свое поведение, образ жизни и отношение к воспитанию ребенка на основании ст. 84 КоБС возможно восстановление в родительских правах. Иначе говоря, акт восстановления в родительских правах связан прежде всего с защитой интересов несовершеннолетнего, суть которых в данном случае выражается в проживании совместно с кровными родителями, изменившими свое отношение к своим обязанностям и собственному ребенку. К сожалению, число восстановлений в родительских правах весьма незначительно.

Лишение родительских прав влечет наступление неблагоприятных последствий для родителей. Они теряют все права, основанные на факте родства с ребенком. Однако лишение родительских прав не освобождает таких родителей от обязанности содержать своего ребенка. Согласно ч. 1 и 2 ст. 93 КоБС родители, лишены родительских прав, родители, у которых дети отобраны без лишения родительских прав по решению суда и т. д., возмещают в полном объеме расходы, затраченные государством на содержание детей, за весь период нахождения детей на государственном обеспечении. Освобождаются от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, родители, признанные недееспособными, родители, являющиеся несовершеннолетними, родители, которые по состоянию здоровья не могут выполнять родительские обязанности и родители детей-инвалидов.

Лишение родительских прав как мера ответственности за ненадлежащее исполнение родительских прав и как способ защиты прав ребенка

представляется особенно уместной в связи с участвовавшими случаями жестокого обращения с детьми и применения насилия в отношении несовершеннолетних. Имеют место беспрецедентные события, когда подобное поведение исполняющих обязанности родителей лиц приводит к смерти ребенка. Полагаем, в подобных случаях законодательно целесообразно не только применять в отношении совершивших подобные преступления меры уголовной ответственности, но и закрепить в семейном законодательстве норму, запрещающую их восстановление в родительских правах. С этой целью предлагаем дополнить ст. 84 КоБС частью 3 в следующей редакции: «Не допускается восстановление в родительских правах лиц, которые вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию детей совершили действия, в результате которых возникла реальная угроза жизни ребенка, либо совершили покушение на жизнь своего несовершеннолетнего ребенка или в его присутствии умышленно лишили жизни члена (членов) семьи или совершили покушение на их жизнь».

Подобные меры не только будут способствовать повышению ответственности родителей за воспитание и (или) содержание своих детей, но и позволят относительно быстро вывести ребенка из ситуации, потенциально опасной для него, чем обеспечат максимальную защиту его прав и законных интересов.

УДК 347.63

И.В. Савина

О ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕКЛАРАТИВНОСТИ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО И СЕМЕЙНОГО ПРАВА О ЗАЩИТЕ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Упрочение социальных функций государства обусловило появление новых норм о поддержке семьи и детей, рост интереса к правовому статусу несовершеннолетних и личности в целом. Обеспечение благоприятных условий для полноценного физического, интеллектуального и нравственного развития подрастающего поколения, повышения качества жизни детей невозможно без эффективной защиты их прав.

Гражданские и семейные правоотношения с участием несовершеннолетних, а также соответствующее правовое регулирование обладают спецификой, связанной с их особым статусом, что указывает на необходимость четкой правовой регламентации в этой сфере.

Следует отметить также декларативность законодательства о защите прав детей, широкое распространение вместо понятия «право» термина «интересы несовершеннолетних».

Эффективная охрана прав имущественных несовершеннолетнего возможна лишь с учетом особенностей его правового статуса. Одной из таких особенностей является взаимосвязь имущественных прав несовершеннолетних с нормами семейного права, что не позволяет в полной мере применить диспозитивность, присущую гражданскому праву.

Налицо тесная связь правовой регламентации прав несовершеннолетнего, в том числе имущественных, с социальной сферой и государственными программами, взаимообусловленность усилий государства, общества, законных представителей несовершеннолетнего в процессе его социализации и формирования его правового статуса.

Защита имущественных прав несовершеннолетних, проживающих в семье, осуществляется главным образом родителями, усыновителями, опекунами, попечителями, и качественно отличается от защиты имущественных прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, в которой центральное место занимает деятельность государственных органов, прежде всего органов опеки и попечительства. Следует отметить, что в отношении гарантий прав несовершеннолетних сирот усилия государства дали большие результаты, чем в отношении прав несовершеннолетних, проживающих в семье, где уровень жизни и степень защищенности имущественных интересов несовершеннолетнего считается делом частным и действует презумпция добросовестности родителей.

В условиях рыночной экономики особого внимания требуют имущественные права несовершеннолетних. Они вступают в различные гражданские правоотношения: договорные, деликтные, жилищные, наследственные, по созданию и использованию интеллектуальной собственности. Защита имущественных прав несовершеннолетних включает обеспечение сохранности их имущества, охрану их наследственных прав, жилищных прав, интеллектуальной собственности и должна быть направлена на максимальную защиту их прав.

Необходимыми условиями эффективности государственного воздействия на соответствующие правоотношения с участием несовершеннолетних являются консолидация усилий государственных органов, высокий юридико-технический уровень нормативных правовых актов, разработка мер ответственности государственных органов и должностных лиц за их ненадлежащее исполнение.

В процессе реформирования как гражданского, так и семейного законодательства должны учитываться интересы несовершеннолетних.

Однако, как показывает анализ отраслевого законодательства и судебной практики, не исключено отнесение несовершеннолетнего к бывшим членам семьи и выселение его вместе с матерью после ее развода с мужем-собственником жилого помещения. Ввиду особой значимости для ребенка реализации его права на жилище органы опеки и попечительства целесообразно привлекать при разрешении вопросов о выселении и разделе жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние члены семьи собственника.

Отсутствие четких ограничений и императивных норм приводят к незаконному изъятию имущества несовершеннолетних, например, при разделе имущества, истребовании вещи из чужого незаконного владения, ошибочном включении имущества несовершеннолетнего в опись при конфискации.

Целесообразным представляется формирование особого подхода к правовому регулированию имущественных прав несовершеннолетнего, базирующегося на усилении императивного воздействия на соответствующие отношения в условиях реализации социальной направленности государства и для достижения максимальной защиты прав несовершеннолетнего. Однако придание несовершеннолетнему статуса самостоятельного субъекта права, необходимость защиты его имущественных прав не должна приводить к умалению роли семьи в его воспитании, бесконтрольному вмешательству государства в семейные дела.

Избежать декларативности провозглашаемых основных (статутных) прав и законодательства в сфере детства позволит и создание системы гарантий законности, в том числе юридическая ответственность, которая является показателем социальной составляющей государственной деятельности.

Исследование эффективности применения норм об ответственности несовершеннолетних на практике свидетельствует об их низкой эффективности.

Увеличение количества нормативных правовых актов, недостаточная систематизация законодательства в сфере детства, наличие бланкетных норм, декларативность прав несовершеннолетнего негативно сказываются и на правоприменительной практике, уровне правовой культуры. Повышение качества и эффективности принимаемых норм, их поэтапная систематизация на основе конституционных норм обеспечивать максимальную детализацию его прав позволит исключить возможность злоупотреблений в имущественных отношениях. Совершенствование и усиление гарантий в сфере детства невозможно без повышения правовой культуры общества, без развития законодательства, повышения его юридино-технического уровня. Неполнота, декларативность, противо-

речивость его норм, несовершенство общих гарантий законности приводит к тому, что защита прав несовершеннолетнего сводится к деятельности правоохранительных органов по борьбе с правонарушениями.

Требуется дальнейшая детализация правового регулирования имущественных прав несовершеннолетнего и терминологии, принятой в данной сфере. Совершенствованию законодательства в этой области, достижению большей правовой определенности могло бы послужить издание закона. В частности, в Законе «Об имущественных правах несовершеннолетних» должны быть урегулированы обязательства, в которых несовершеннолетние могут участвовать, конкретизированы их обязанности и ответственность.

Особое внимание следует уделить сделкам с недвижимостью, в сфере жилищных правоотношений, проблеме охраны и защиты интересов несовершеннолетних собственников и сособственников жилых помещений, осуществлению несовершеннолетними детьми права пользования жилым помещением, принадлежащим родителю на праве собственности. Необходима и регламентация на законодательном уровне порядка предоставления согласия органов опеки попечительства, в том числе и в указанных сферах.

Неоправданно большая роль судейского усмотрения в вопросах определения природы права, принадлежащего члену семьи собственника, отсутствие документального оформления такого права создает дополнительные риски при совершении сделки с недвижимостью, дает возможность злоупотреблений в имущественных отношениях, в том числе со стороны родителей. Осуществление собственником его полномочий не должно препятствовать осуществлению права на жилое помещение его несовершеннолетних детей.

УДК 347.763.4

Т.А. Сигаева

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРАВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРОВ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ТРАНСПОРТОМ

Нарушения прав на этапе организации перевозки грузов таковы, что требуют использования штрафных способов защиты, являющихся по правовой природе мерами ответственности. Исходя из п. 109 Устава железнодорожного транспорта общего пользования, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 августа 1999 г.

№ 1196 (в ред. от 10 июля 2015 г.) (УЖТ), их осуществление допустимо на основании и в пределах, предусмотренных законодательством, а также соглашением сторон. Если нормативными правовыми актами или соглашением сторон в установленных случаях, не предусмотрены меры ответственности, то для защиты нарушенных прав используются любые иные способы, не являющиеся мерами ответственности. Это обусловлено тем, что установленная УЖТ ограниченная ответственность за отдельные нарушения условий договора перевозки распространяется не только на них, а исходя из ст. 371 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), а в целом на все нарушения, которые могут следовать из договора перевозки.

Применительно к судебной форме защиты прав и охраняемых законом интересов можно выделить следующие действия по защите прав, возникающих из договора об организации перевозки грузов железнодорожным транспортом.

Право перевозчика на предъявление груза, в том числе, в согласованном объеме, обеспечивается взысканием исключительной неустойки в виде штрафа. Размер штрафа различается в зависимости от способа учета грузов и вида транспортных средств (п. 110 УЖТ).

Законодательство не содержит нормы о сроке, по истечении которого груз считается непредъявленным. Согласно ч. 12 п. 6 Правил заполнения учетной карточки выполнения заявки на перевозку грузов железнодорожным транспортом общего пользования, утвержденных постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 31 марта 2008 г. № 40 (в ред. от 13 июля 2015 г.), факт отсутствия (непредъявления) груза фиксируется в учетной карточке, которая ведется уполномоченным представителем перевозчика на железнодорожной станции. Момент, когда он должен внести данные сведения в документ, в нормативных правовых актах не определен. В соответствии с п. 4 вышеназванных правил учетно-отчетное время выполнения заявки определяется в порядке, устанавливаемом государственным объединением «Белорусская железная дорога». Полагаем, что срок, по истечении которого груз следует считать непредъявленным, (порядок его определения) целесообразно предусмотреть в нормативных правовых актах. Эта идея обусловлена, в том числе, положениями ст. 372 ГК, согласно которым основания ответственности за нарушения обязательств должны предусматриваться законодательством или договором.

Традиционно за нарушение сроков исполнения обязательства законодательством или соглашением предусматривается взыскание неустойки.

За нарушение права на соблюдение сроков предъявления груза законодательство в общей форме не предусматривает ответственности. Думается, что это обусловлено следующими причинами. Во-первых, срок предъявления грузов (срок погрузки), исходя из законодательства, определяется днями (сутками). Истечение отчетных дня, суток в отсутствие предъявления грузов в виду технологии организации и транспортировки грузов перевозчиком может квалифицироваться как их непредъявление. Косвенным подтверждением данному положению является вид неустойки, который установлен п. 110 УЖТ за непредъявление грузов (неисполнение обязательства), – штраф (при длящейся просрочке (ненадлежащем исполнении обязательства) традиционно устанавливается пеня). Во-вторых, представляется, что право на соблюдение сроков предъявления грузов обеспечивается специальными способами защиты. Согласно п. 43 УЖТ за время задержки вагонов, контейнеров перевозчика на железнодорожных станциях отправления по причинам, зависящим от грузоотправителя, они вносят перевозчику необходимую плату. За время задержки вагонов, контейнеров грузоотправителей на железнодорожных станциях отправления по причинам, зависящим от грузоотправителя, они вносят перевозчику 50 % от платы, установленной за пользование вагонами, контейнерами перевозчика. В соответствии с п. 46 УЖТ в связи с несвоевременной погрузкой и возникновением по данной причине технологических затруднений на железнодорожных станциях по причинам, зависящим от грузовладельца, грузоотправителем уплачивается плата: за хранение грузов, выгруженных в местах общего пользования и находящихся в вагонах и контейнерах, – в пятикратном размере; пользование вагонами, контейнерами – в двухкратном размере.

За нарушение права грузовладельца на представление транспортных средств, в том числе, в согласованном количестве, законодательство предусматривает взыскание штрафа. Его размер предусмотрен п. 110 УЖТ и аналогичен размеру штрафа, подлежащего уплате в случаях непредъявления грузов. Срок, по истечении которого транспортные средства можно считать непредъявленными (порядок его определения), в нормативных правовых актах отсутствует. Представляется целесообразным его предусмотреть.

Способа защиты права на соблюдение сроков предъявления транспортных средств, который мог бы быть реализован в судебной форме, законодательство не предусматривает. Действия по защите, не являющиеся мерами ответственности, не представляются востребованными ввиду правовой природы и характера нарушения данного права. Нали-

чие юридической возможности, не обеспечиваемой судебной защитой, не соответствует состоянию и тенденциям развития законодательства (ст. 60 Конституции Республики Беларусь, абз. 10 ч. 2 ст. 2 ГК); представляется целесообразным предусмотреть способ защиты права на соблюдение сроков предъявления транспортных средств. Он должен определяться, в том числе, с учетом технологических особенностей перевозок.

Пунктом 110 УЖТ предусмотрен способ защиты права перевозчика на приемку транспортных средств в виде взыскания штрафа, размер которого тождественен размеру штрафа, подлежащего уплате за неподачу перевозчиком вагонов, контейнеров, непредъявление грузов. В то же время за нарушение права грузоотправителя на приемку груза в согласованном объеме, на соблюдение сроков приемки ответственность перевозчика не предусмотрена. Согласно абз. 5 ч. 2 ст. 2 ГК субъекты гражданского права участвуют в гражданских отношениях на равных, равны перед законом, не могут пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону, и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Возложение обязанности уплатить штраф на грузоотправителя за отказ от предусмотренных заявкой вагонов, контейнеров перевозчика и отсутствие обременений в отношении перевозчика за отказ от приема предусмотренных заявкой грузов, на наш взгляд, нарушает принцип равенства в части установления равного правового режима сторон. Отмеченный дисбаланс может быть устранен либо снятием ответственности с грузоотправителя за отказ от предусмотренных заявкой вагонов, контейнеров перевозчика, либо возложением обременений на перевозчика за отказ от приема предусмотренных заявкой грузов.

Концептуально модель правового регулирования ответственности участников перевозок базируется на законодательстве, принятом во времена СССР. Здесь усматриваются, в частности, такие проблемы: не все права, входящие в юридическое содержание договора об организации перевозки грузов, обеспечены способами судебной защиты; имеет место дисбаланс, выраженный в большем обеспечении интересов в защите перевозчика, чем грузоотправителя. Правовой механизм защиты прав участников организации перевозки грузов железнодорожным транспортом нуждается в реформировании в соответствии с современными тенденциями развития экономики государства и принципами права, в том числе принципами равенства участников гражданских правоотношений и судебной защиты.

УДК 351.756

Е.О. Скрабневская

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КВОТ НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ РАЗРЕШЕНИЙ НА ПРОЕЗД ПО ТЕРРИТОРИИ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Транспорт играет очень значимую роль практически во всех международных экономических отношениях, обеспечивает развитие международных связей, создает необходимые условия для рационального и взаимовыгодного разделения труда между странами мира и является одним из важнейших дополнительных источников валютных поступлений.

В 1953 г. под эгидой ЕЭК ООН была образована Европейская конференция министров транспорта (ЕКМТ). Ее учредительный документ – Протокол, подписанный 17 октября 1953 г. в Брюсселе. Конференция стремилась к упрощению международных наземных перевозок и интеграции сопутствующих рынков и в настоящее время в ее состав входят 43 европейских государства. ЕКМТ – разрешительная система многосторонних разрешений на международные перевозки грузов автомобилями транспортных предприятий, созданных в стране – участнице ЕКМТ, на основе системы базовых квот. Количество разрешений, предоставляемое ежегодно странам – членам ЕКМТ, называется квотой.

Работа ЕКМТ построена на следующих основных принципах:

- квота должна быть символом наивысшего качества в международных автомобильных перевозках;
- квота должна содействовать повышению производительности и открытию рынков;
- квота должна усиливать и гармонизировать контроль и санкции;
- квота разрешений должна распределяться на основе реальных потребностей и ее эффективного использования.

Белорусские перевозчики работают с многосторонними разрешениями ЕКМТ, дающими право на совершение рейсов между странами – участницами ЕКМТ и транзитом по территории одной или нескольких стран-участниц грузовыми автомобилями, которые зарегистрированы в стране – участнице ЕКМТ, действующими в течение установленного периода и сопровождаемыми бортовым журналом, оформленным должным образом.

Существуют два вида многосторонних разрешений:

- годовое разрешение на бланке зеленого цвета;
- краткосрочное разрешение, действующее в течение 30 дней, на бланке желтого цвета.

Развитие разрешительной системы способствует при соблюдении определенных условий привлечению наиболее экологически чистого транспорта. Так, использование страной-участницей более совершенного подвижного состава стимулируется системой повышающих коэффициентов, применяемых при пересчете квоты на получаемые разрешения. Чем выше категория, тем большее количество итоговых разрешений получается при пересчете квоты для страны.

В настоящее время существуют десять основных критериев, которые учитываются при распределении многосторонних разрешений для стран – участниц ЕКМТ:

- объемы грузовых перевозок автомобильным транспортом;
- вклад в бюджет ЕКМТ;
- ВВП страны и его рост;
- численность населения и территория страны;
- процент использования разрешений ЕКМТ членами-участниками;
- количество двухсторонних книжек МДП, выданных в странах ЕКМТ;
- показатели торговли;
- уровень торговли между странами ЕКМТ, за исключением торговли внутри Европейского союза (ЕС) и других единых экономических пространствах;
- рейтинг страны на основе взвешенных критериев;
- доли стран-участниц в общем объеме экономической переменной для выбранных критериев.

После последнего расширения 26 стран – членов ЕС и 3 страны ЕЭП получили преимущество от либерализации торговли внутри зоны ЕС, что позволяет им работать по многосторонним разрешениям исключительно в 14 странах, не входящих в ЕС. В то же время эти 14 стран используют разрешения для перевозок во все 43 государства, участвующие в системе квот.

Следовательно, их потребность в разрешениях значительно выше по сравнению с потребностью 29 стран в ЕС, и дисбаланс, наблюдаемый до реструктуризации 2005 г., стал еще более значительным. В этой связи стоит указать, что система распределения базовых квот в современных условиях нуждается в совершенствовании. Необходимо отметить, что еще больше увеличивает дисбаланс стран, не входящих в ЕС, наличие территориальных ограничений и ограничений по количеству поездок, серьезно ограничивающее развитие торговли.

Считаем, что реальная потребность в разрешениях, отражающая долю отдельных стран в общем объеме экономики и торговли стран –

участниц ЕКМТ, должна быть обозначена более четко. По итогам работы белорусских и иностранных перевозчиков по многосторонним разрешениям за последние несколько лет выявлено, что количество перевозок, сделанных зарубежными перевозчиками, практически в три раза больше по сравнению с отечественными. Такое положение ведет к неравномерности перевозок, а также к снижению конкурентоспособности отечественных перевозчиков. В основном это связано с непаритетным распределением базовых квот многосторонних разрешений среди стран-участниц.

В обстоятельствах существующего кризиса в Европе и снижения темпов экономики в самой Республике Беларусь – вопрос выживания для отрасли в целом. Условия работы в автотранспортной отрасли тяжело назвать благоприятными. Кроме того, с текущим спадом совпала активная фаза кризиса транспортной инфраструктуры Республики Беларусь. Данный комплекс факторов ведет к значительному росту расходов автоперевозчиков – акцизы на топливо и неотмененный транспортный налог, ужесточение требований по безопасности, сборы в дорожные фонды, территориальные и весовые ограничения на движение грузового транспорта, новации по тахографам и системам навигации. В существующих условиях любая дополнительная либерализация транспортного рынка международных автомобильных перевозок объективно понижает рентабельность предпринимательской деятельности в указанном секторе экономики.

В связи со сложившейся ситуацией предлагается следующее предложение по совершенствованию имеющейся системы распределения квот. Квотировать необходимо все разрешения со странами, обмен которых не удовлетворяет потребности белорусских перевозчиков. Квоты распределять на год с поквартальной выдачей и лимитировать срок сдачи данных разрешений (60–90 дней). Это позволит по итогам квартала перераспределять невыбранные разрешения другими перевозчиками между перевозчиками, активно работающими на данном направлении.

При квотировании учитывать стаж работы перевозчика на данном направлении и объем выручки от деятельности по выполнению международных автомобильных перевозок грузов.

Вышеуказанный порядок распределения разрешений уже много лет активно работает в Российской Федерации, что позволяет более эффективно использовать специальные разрешения, а также предотвращает ситуацию, когда перевозчики в начале года без необходимости выбирают специальные разрешения и не используют их в течение года, в то время как иные перевозчики нуждаются именно в данных разрешениях (как это происходит в настоящее время в Республике Беларусь).

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ КАСАТЕЛЬНО ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

Проблема юридического языка включает разные парадигмы, являющиеся сторонами как лингвистической, так и юридической области знания. Вопросы соответствия толкования терминов в текстах права и правильное их употребление касательно семантики и нормативности грамматических форм слова всегда было в поле исследования как зарубежных ученых, так и отечественных. Актуальные проблемы, касающиеся юридической терминологии и правовых понятий, изучали А.С. Александров, С.С. Алексеев, Н.А. Артикуца, Н.Д. Голев, Г.П. Проценко, Л.А. Симоненко, Н.П. Яцишин.

Анализ конкретных научных работ (М.Е. Воробьевой, А.Л. Литвиновой, Л.А. Маршавы), связанных с юридической терминологией, показывает, что столь неоднозначно интерпретируются те или иные термины в современном законодательстве, осваиваемые юридической наукой, соответственно с лингвистической парадигмой, что, в свою очередь, ведет к определенному рода коллизиям.

В данной статье рассмотрим эту проблему на материале Закона Украины «О предотвращении и противодействии домашнему насилию». Анализ терминологии, которая используется в указанном нормативном правовом акте, позволил выявить определенные проблемные вопросы толкования терминов и понятий юридического текста, отдельные из которых требуют более тщательного рассмотрения. Так, анализ изучаемого документа показал, что конкретным формулировкам необходима определенная доработка, поэтому нами выдвинуты следующие предложения.

1. Дополнить ст. 1 вышеназванного закона п. 18, в котором привести законодательную дефиницию термина «частные отношения», поскольку он употребляется в рассматриваемом законе довольно часто и одновременно обозначает оценочное понятие, которое правоприменителями, а также гражданами Украины, лицами без гражданства, иностранцами может толковаться достаточно неоднозначно, а иногда и противоречиво.

2. Определение «угрозы совершения деяний» как одного из видов домашнего насилия выглядит не совсем оправданным ввиду того, что психологическое насилие включает в себя угрозы и запугивания.

3. Доработать п. 17 ст. 1:

17) *физическое насилие* – форма домашнего насилия, включая пощечины, пинки, толкание, щипание, порку, кусание, а также неза-

конное лишение свободы, нанесение побоев, истязание, причинение телесных повреждений различной степени тяжести, оставление в опасности, неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, причинение смерти, совершение других правонарушений насильственного характера.

Для сравнения приведем комментарий к Уголовному кодексу Украины (ст. 126. Побои и истязания): «...**Другие насильственные действия** – это другие, кроме удара и побоев, насильственные действия, которые могут заключаться, в частности, в: **щипании, выкручивании конечностей, ущемлении той или иной части тела с помощью любых устройств, удушении шеи, вырывании волос, воздействия на тело термическими факторами и тому подобное.** ...»

Стоит также учесть, что во фразе «*пощечины, пинки, толкание, щипание, порка, кусание*» пощечины, пинки выступают как существительные, обозначающие результат действия, а *толкание, щипание, порка, кусание* – отглагольные существительные, обозначающие процесс и само действие, что, в свою очередь, противоречит семантико-синтаксическому строению формулировок, т. е. более удачной в этом контексте представляется такое соединение «*нанесение пощечин, пинков, толкание, щипание, порка, откусывания*». Примечательно, *пинки и пощечины* – это просторечная лексика (в Академическом толковом словаре украинского языка употребляется с ремаркой *разговорное*), эмоционально окрашена, которую не совсем уместно использовать в законодательном тексте.

4. Следовало бы изменить также формулировку «*лишение жилья, еды, одежды, другого имущества, денежных средств и документов*» п. 4 ст. 1: 4) *экономическое насилие* – форма домашнего насилия, включая **умышленное лишение жилья, еды, одежды, другого имущества, денежных средств и документов** или возможности пользоваться ими, оставление без присмотра или попечительства, препятствование в получении необходимых услуг по лечению или реабилитации, запрет работать, принуждение к труду, запрет учиться и другие правонарушения экономического характера; поскольку пища – это не имущество, средства или документы.

Предлагаем такую формулировку: *лишение пищи, а также жилья, одежды, другого имущества, денежных средств и документов.*

5. Нужно изменить формулировку «ответственного отношения к своим поступкам и их последствиям, в том числе к воспитанию детей» в п. 10 ст. 1:

10) *программа для обидчика* – комплекс мероприятий, формируется на основе результатов оценки рисков и направленный на изменение

насильственного поведения обидчика, формирование у него новой, неагрессивной психологической модели поведения в частных отношениях, ответственного отношения к своим поступкам и их последствиям, в том числе в воспитании детей, на искоренение дискриминационных представлений о социальных ролях и обязанностях женщин и мужчин, поскольку воспитание детей нельзя считать поступком.

Предлагаем такую формулировку ... *ответственного отношения к своим поступкам и их последствиям, к воспитанию детей.* ...

Как видим, проблемные вопросы толкования законодательных текстов (в данном случае анализируемого закона) непосредственно связаны с соответственной интерпретацией терминов, поэтому изучение специальной лексики, ее значения, валентности и грамматических взаимосвязей является в настоящее время тем важным элементом в исследовании, который поможет избежать противоречивых положений в текстах права.

УДК 347.422

В.П. Сухонаров

ОТКАЗ ИСПОЛНИТЕЛЯ ОТ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ КАК ФАКТИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В Республике Беларусь вопросы гражданско-правовой ответственности при возмездном оказании услуг регулируются положениями гл. 39 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), нормами о подряде, бытовом подряде, а также общими гражданско-правовыми положениями об ответственности за нарушение обязательств. К указанному предмету правового регулирования, в частности, могут быть отнесены положения гл. 39 ГК об одностороннем отказе от исполнения договора возмездного оказания услуг.

С одной стороны, нормы ст. 736 ГК предоставляют сторонам *право* одностороннего отказа от исполнения договора возмездного оказания услуг, т. е. определенных соответствующих обязательств. С другой стороны, п. 2 ст. 736 ГК *в качестве условия* реализации этого права исполнителя *предусматривает полное возмещение убытков*, которое по общему правилу рассматривается как мера гражданско-правовой ответственности, но в данном случае имеет компенсационный характер. Выявленные аспекты реализации исполнителем одностороннего отказа от договорных обязательств указывают на проблему определения правовой природы рассматриваемого одностороннего отказа, а также про-

блему обоснованности легального предоставления исполнителю права отказаться от оказания услуг по заключенному с заказчиком договору.

Проблема определения правовой природы одностороннего отказа исполнителя. В юридической литературе односторонний отказ от исполнения договора в первую очередь рассматривается как мера оперативного воздействия в случае противоправного поведения одной из сторон. Такой подход к одностороннему отказу обусловлен коррелирующими с ним гражданско-правовыми положениями об односторонних требованиях по изменению либо расторжению договора, основанных на существенных нарушениях договора другой стороной. Гражданское право также связывает допустимость рассматриваемых односторонних требований в случае существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора (ст. 420 и 421 ГК). Таким образом, право одностороннего отказа от исполнения договора должно быть тесно связано с существенными нарушениями договора либо существенным изменением обстоятельств. В то же время отказ исполнителя от оказания услуг по п. 2 ст. 736 ГК не имеет подобных оснований (равно как и других) и допускается при правомерном поведении заказчика (другой стороны), что вызывает неясность правовой природы одностороннего отказа исполнителя в данном случае (невозможности отнесения его к мерам оперативного воздействия), а также сомнения в фактической правомерности такого отказа.

Проблема обоснованности легального предоставления исполнителю права отказа от оказания услуг. В случае оказания услуг коммерческой организацией, индивидуальным предпринимателем, соответствующая деятельность является их основной деятельностью, осуществляя которую указанные субъекты извлекают прибыль, с целями чего они были созданы либо зарегистрированы. Договор возмездного оказания услуг с такими субъектами, в первую очередь – коммерческой организацией, имеет публичный характер по правилам п. 1 ст. 396 ГК, и согласно п. 3 этой же статьи отказ от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие товары (работы, услуги) не допускается.

Односторонний отказ исполнителя от исполнения заключенного с заказчиком договора возмездного оказания услуг хоть и не является отказом от его заключения (что не нарушает требования ст. 396 ГК, предъявляемые к публичным договорам), однако сходный с ним по результативному содержанию – не оказываемым контрагенту услугам при наличии реальной возможности их оказать. Ведь п. 2 ст. 736 ГК не связывает права одностороннего отказа исполнителя с какими-либо условиями не-

возможности характерного для него оказания услуг. Подобно необоснованному отказу в заключении публичного договора возмездного оказания услуг, отказ исполнителя от исполнения обязательств, вытекающий из уже заключенного с заказчиком договора, противоречит некоторым основным началам гражданского законодательства (принцип равенства участников гражданских правоотношений перед законом, принцип добросовестности и разумности участников), а также бесосновательно препятствует обычным условиям гражданского оборота. Односторонний отказ от оказания услуг может быть обоснован лишь невозможностью их оказания по каким-либо объективным причинам. В противном случае не ясно, зачем коммерческая организация оказывает услуги и чего она хочет добиться «избирательным» оказанием этих услуг.

Безусловно, исполнение договора не должно быть категорически императивным, равно как и меры гражданско-правовой ответственности не должны быть чересчур ужесточенными, поскольку участники гражданских правоотношений равны между собой и добровольно создают для себя обязательства на договорной основе. Однако возведение отказа исполнителя от оказания услуг, которые он по характеру своей деятельности обязан оказывать обратившимся к нему лицам, в его субъективное право, пусть даже под условием полного возмещения заказчику убытков, с нашей точки зрения, необоснованно. Исполнитель может не оказывать услуги заказчику, с которым заключил договор, без всяких оснований, но это должно характеризоваться объективным правом как противоправное (а не предусмотренное им правомерное) деяние. В противном случае искажается не только реализация принципа равенства участников гражданских правоотношений, их добросовестности и разумности, но и изменяется субъективное отношение исполнителя услуг к оказываемым услугам и их неоказанию. Ведь отказ от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг признается одним из субъективных прав исполнителя, а не его негативным поведением.

Полагаем, *правовая регламентация отказа исполнителя от реализации обязательств по оказанию услуг должна быть изменена с предоставляемого ему соответствующего права при ретроспективном условии на установление противоправности исполнительского неоказания услуг с ретроспективным последствием.* Указанное изменение п. 2 ст. 736 ГК обусловлено тем, что право одностороннего отказа исполнителя от оказания услуг, не требующее объективных оснований, противоречит принципам равенства, добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений, снижает уровень социальной ответственности исполнителя перед заказчиком за реальный факт оказания услуг, препятствует обычным условиям гражданского оборота.

Гражданское законодательство Российской Федерации содержит аналогичную норму, регламентирующую право одностороннего отказа исполнителя от оказания услуг по соответствующему договору при условии полного возмещения заказчику убытков (п. 2 ст. 782 Гражданского кодекса Российской Федерации (части второй)). Подобные гражданско-правовые положения содержатся также в гражданском законодательстве других государств – участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС): Республика Армения – п. 2 ст. 780 Гражданского кодекса Республики Армения; Республика Казахстан – п. 2 ст. 686 Гражданского кодекса Республики Казахстан (Особенная часть); Кыргызская Республика – п. 2 ст. 699 Гражданского кодекса Кыргызской Республики (часть II).

Несмотря на идентичную регламентацию (на уровне гражданского законодательства государств – участников ЕАЭС) неисполнения договора возмездного оказания услуг путем отказа исполнителя от обязательств, соответствующее этой регламентации гражданско-правовое положение все же должно быть изменено через придание рассматриваемому поведению исполнителя противоправного характера. Риски заказчика, нуждающегося в определенный период в оказании ему услуги, не должны дополняться правомерным бесосновательным отказом исполнителя от выполнения соответствующих обязательств перед заказчиком, которые он должен выполнять по характеру своей деятельности. Несмотря на вытекающее из реализации права отказа исполнителя от оказания услуг полное возмещение убытков заказчику, последнему важнее оказываемая услуга.

УДК 347.454

М.В. Туровец

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗАКАЗЧИКА ПО ДОГОВОРУ НА ОКАЗАНИЕ ИНЖЕНЕРНЫХ УСЛУГ

При заключении договора стороны надеются на надлежащее исполнение его условий и в силу этого предпринимают попытки минимизировать риски неисполнения договора путем включения в него условий об ответственности либо способов обеспечения исполнения обязательств.

Надлежащее исполнение договора актуально для строительства, так как данный вид предпринимательской деятельности представляет собой сложный динамический процесс, в котором ненадлежащее исполнение обязательств одного из участников строительной деятельности негативно сказывается на деятельности иных участников строительной деятельности. Помимо этого ненадлежащее исполнение обязательств одним из

участников строительной деятельности может негативно сказаться на сроках строительства объектов.

Право заказчика привлекать инженера закреплено в п. 22 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 г. № 1450, в соответствии с которым заказчик вправе самостоятельно реализовывать свои функции либо передать их исполнению инженеру (инженерной организации) путем заключения соответствующего договора. Привлеченный заказчиком инженер не только осуществляет контроль и надзор за строительством, но и принимает все необходимые решения в этой области во взаимоотношениях с подрядчиком (от имени заказчика).

Ввиду этого Л.Н. Лисица справедливо указывает на то, что заказчикам-непрофессионалам в строительной деятельности настоятельно рекомендуется на всех стадиях строительства, начиная с предынвестиционной, привлекать для выполнения функций заказчика профессионала – инженера или инженерную организацию. Эти возникающие взаимоотношения между заказчиком и исполнителем – инженерной организацией (инженером) регламентируются договором на оказание инженерных услуг. Надлежащее исполнение обязательств инженерной организацией во многом зависит от надлежащего исполнения обязательств заказчика, так как первоначальную информацию об объекте строительства инженерная организация получает от заказчика.

При заключении договора на оказание инженерных услуг важно согласовать существенные условия договора, так как в силу п. 1 ст. 402 Гражданского кодекса Республики Беларусь договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Существенными условиями договора на оказание инженерных услуг в строительстве согласно п. 6 Инструкции о порядке оказания инженерных услуг в строительстве, утвержденной постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 10 мая 2011 г. № 18, является наименование сторон и их реквизиты, предмет договора с указанием функций инженера (инженерной организации), права и обязанности сторон, договорная цена услуг, порядок расчетов, источники финансирования, ответственность сторон, порядок сдачи-приемки оказанных услуг, условия обеспечения деятельности инженера (инженерной организации), срок действия договора. Необходимо отметить то, что каждая сторона вправе внести предложения о включении в договор других условий.

В ранее действующей Инструкции о порядке оказания инженерных услуг в строительстве, утвержденной постановлением Министерства

архитектуры и строительства Республики Беларусь от 8 декабря 2004 г. № 27, договор должен содержать следующие обязательные условия: наименование сторон и их реквизиты, предмет договора с указанием конкретного объема услуг и перечня функций, подлежащих выполнению инженерной организацией, определение функций инженера (инженерной организации), договорную цену услуг, калькуляцию затрат, определяющую договорную цену, права и обязанности сторон, ответственность сторон, порядок сдачи-приемки оказанных услуг, порядок расчетов и источники финансирования, условия обеспечения деятельности инженерной организации, срок действия договора.

Таким образом, ответственность сторон – существенное условие договора на оказание инженерных услуг как в ранее действующей Инструкции о порядке оказания инженерных услуг в строительстве, утвержденной постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 8 декабря 2004 г. № 27, так и в действующем в настоящее время нормативном правовом акте, регламентирующем оказание инженерных услуг в строительстве.

Ответственность сторон как существенное условие предполагает штрафные санкции за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора, как со стороны заказчика, так и со стороны инженерной организации. Однако в законодательстве Республики Беларусь специально не установлены основания наступления и размеры гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств, вытекающих из договора на оказание инженерных услуг как для заказчика, так и для инженерной организации.

Необходимо отметить то, что виды штрафных санкций, применяемых к заказчику и инженерной организацией, также специально не регламентируются законодательством Республики Беларусь, в отличие от иных хозяйственных договоров в строительстве. Так, в частности, ответственность заказчика и исполнителя по договору на выполнение проектных и изыскательских работ регламентируется на п. 57 и п. 58 Правил заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством, утвержденных постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 апреля 2014 г. № 297.

Заказчик и исполнитель по договору на выполнение проектных и изыскательских работ по основаниям, предусмотренным Правилами заключения и исполнения договоров подряда на выполнение проектных и изыскательских работ и (или) ведение авторского надзора за строительством, уплачивают неустойку (пеню). Ответственность заказчика и исполнителя по договору строительного подряда регламентируется п. 84 и

п. 85 Правил заключения и исполнения договоров строительного подряда, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 сентября 1998 г. № 1450 (далее – Правила № 1450). В случае ненадлежащего исполнения условий договора стороны уплачивают неустойку (пеню). Неустойка, предусмотренная Правилами № 1450, является законной и может быть только увеличена соглашением сторон. Полагаем, что в договоре на оказание инженерных услуг стороны вправе закрепить ответственность в виде неустойки по модели договора строительного подряда. На наш взгляд, основаниями для привлечения заказчика к гражданско-правовой ответственности в форме законной неустойки могут быть: непредставление инженерной организации необходимой информации, несоблюдение условий обеспечения деятельности инженера (инженерной организации).

Считаем необходимым дополнить Инструкцию о порядке оказания инженерных услуг в строительстве, утвержденную постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 10 мая 2011 г. № 18, пунктом следующего содержания: «в случае непредставления Заказчиком инженерной организации необходимой информации Заказчик уплачивает Исполнителю неустойку (пеню) в размере 0,1 % от стоимости услуг инженерной организации по договору за каждый день непредставления инженерной организации необходимой информации. При несоблюдении условий обеспечения деятельности инженера (инженерной организации) Заказчик уплачивает Исполнителю неустойку (штраф) в размере 10 % от стоимости услуг инженерной организации по договору за каждый выявленный факт несоблюдения Заказчиком условий обеспечения деятельности инженера (инженерной организации)». Стороны соглашением сторон вправе увеличить предложенный выше размер неустойки, право на уменьшение законной неустойки стороны иметь не должны.

УДК 347.6 (477)

Т.Р. Федосеева

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕСВОВРЕМЕННУЮ УПЛАТУ АЛИМЕНТОВ В УКРАИНЕ

Алиментные правоотношения за семейным законодательством Украины могут возникать между супругами, а также между женщиной и мужчиной, которые не находятся в браке между собой, но проживают одной семьей (гл. 9 Семейного кодекса (СК) Украины). Законодатель

регламентирует алиментные правоотношения родителей относительно совершеннолетних дочери и сына (гл. 16 СК Украины), совершеннолетних дочери, сына относительно родителей (гл. 17 СК Украины), а также иных членов семьи и родственников (гл. 22 СК Украины).

Особое внимание законодатель уделит алиментным правоотношениям отца и матери относительно ребенка (гл. 15 СК Украины). Ребенок должен быть обеспечен возможностью осуществления его прав, установленных Конституцией Украины, Конвенцией о правах ребенка, иными международными договорами, согласие на обязательность которых предоставлено Верховным Советом Украины (ч. 7 ст. 7 СК Украины). Особое значение имеет при этом принцип «наилучших интересов ребенка», на что неоднократно обращал внимание Европейский Суд по правам человека (например, в решении «М. С. против Украины» (заявление № 2091/13) и Верховный Суд (например, в постановлении от 6 июня 2019 г. в деле № 495/2106/17 (61-592св19)).

Специальные правила о задолженности по алиментам и об ответственности за несвоевременную уплату алиментов и дополнительных расходов на ребенка, закрепленные в ст. 194–197 СК Украины, способствуют реализации этого принципа. Впрочем, действия этих правил законодатель прямо распространил и на соответствующие отношения совершеннолетних дочери и сына (ст. 201 СК Украины), иных членов семьи и родственников (ст. 274 СК Украины). Несмотря на то что законодатель не закрепил подобные положения относительно алиментных правоотношений супругов и лиц, проживающих одной семьей, а также совершеннолетних дочери, сына относительно родителей, подобный недосмотр не следует толковать как такой, что исключает применение правил о задолженности по алиментам и об ответственности на указанные категории лиц. Так, в этом случае могут быть применимы правила об аналогии закона. Кроме того, порядок взыскания алиментов и мер, применяемых к должнику, закрепленный в законодательстве о принудительном исполнении решений, в большей мере содержит общие правила, которые могут быть применимы широко, например, и к отношениям, возникшим в связи с задолженностью по алиментам одного из супругов (в частности, нормы ст. 71 Закона Украины «Об исполнительном производстве»).

В случае возникновения задолженности по алиментам законодательством Украины предусмотрен ряд мер, применяемых к нарушителям. Например, за неуплату алиментов на содержание ребенка, одного из супругов, родителей или иных членов семьи, совокупный размер которой превышает сумму соответствующих платежей за шесть месяцев,

исчисляемых со дня предъявления исполнительного документа к принудительному исполнению, должник может быть привлечен к административной ответственности в виде выполнения общественно полезных работ. Для ряда случаев, предусмотренных ст. 183-1 Кодекса Украины об административных правонарушениях и касающихся состояния здоровья ребенка, срок такой задолженности сокращен до трех месяцев и одновременно увеличен срок привлечения к выполнению общественно полезных работ. Выполнение таких работ является оплачиваемым.

В случае наличия в действиях должника признаков указанного административного правонарушения, государственный исполнитель уполномочен на составление протокола об административном правонарушении, который отправляет для рассмотрения в суд по месту нахождения органа государственной исполнительной службы (ч. 12 ст. 71 Закона Украины «Об исполнительном производстве»).

При этом при наличии задолженности по уплате алиментов, совокупный размер которой превышает сумму соответствующих платежей за три месяца исполнитель уполномочен разъяснить взыскателю право на обращение к органам досудебного расследования с заявлением об уголовном правонарушении должника в виде уклонения от уплаты алиментов (ч. 11 ст. 71 Закона Украины «Об исполнительном производстве»). Однако следует подчеркнуть, что уголовная ответственность по законодательству Украины предусмотрена именно за злостное уклонение от оплаты алиментов и только относительно детей и неработоспособных родителей (ст. 164–165 Уголовного кодекса Украины), что повлекло за собой ряд дискуссий относительно соотношения понятий «уклонение от оплаты алиментов», «злостное уклонение от уплаты алиментов», а также применения мер административной и уголовной ответственности.

В арсенале исполнителей присутствует также такой инструмент, как применение к должнику по алиментам штрафа, размер которого увеличивается в зависимости от совокупного размера соответствующих платежей и может составлять от 20 % до 50 % суммы задолженности по алиментам.

Довольно эффективным стимулирующим выплаты задолженности по алиментам вспомогательным средством является внесение должника в Единый реестр должников, который является общедоступным, а информация о невыполненных обязательствах должников (в том числе таких, которые имеют задолженность по алиментам более трех месяцев) обнародуется в режиме реального времени.

При наличии задолженности по алиментам, совокупный размер которой превышает сумму соответствующих платежей за четыре месяца,

государственный исполнитель выносит постановления, которые направлены на ограничение ряда прав должника, а именно прав:

- выезда за пределы Украины;
- управления транспортным средством;
- пользования оружием (огнестрельным охотничьим, пневматическим и т. д.);
- охотиться.

Такие ограничения устанавливаются до погашения задолженности в уплате алиментов в полном размере. Законодательно предусмотрено взаимодействие органов и лиц, обеспечивающих принудительное исполнение решений и иных уполномоченных органов, как, например, Государственной пограничной службы Украины, Министерства внутренних дел Украины, Национальной полиции.

Следует отметить, что такое средство, как ограничение в праве выезда за пределы Украины может устанавливаться также и судом – как средство обеспечения выполнения судебного решения или если должник уклоняется от выполнения обязательств, возложенных на него соответствующим решением, на срок до выполнения обязательств по решению, исполняемому в исполнительном производстве (ст. 441 Гражданского процессуального кодекса Украины).

Законодатель предусмотрел ряд случаев, при которых указанные ограничения не применяются. Например, временное ограничение в праве управления транспортным средством не может применяться, если такое ограничение лишит должника основного законного источника средств к существованию, или он использует такое транспортное средство в связи с инвалидностью или пребыванием на его содержании лица с инвалидностью I, II группы либо ребенка с инвалидностью, прохождением должником военной службы, рассрочки или отсрочки уплаты задолженности по алиментам.

УДК 347.615

Т.М. Халецкая

О ВЗЫСКАНИИ НЕУСТОЙКИ ЗА НЕСВОЕВРЕМЕННУЮ УПЛАТУ АЛИМЕНТОВ

Нежелание надлежащим образом исполнять алиментные обязательства – явление весьма распространенное. В целях воздействия на лицо, уклоняющееся от уплаты алиментов, допускающее просрочку их уплаты, законодатель в 2008 г. дополнил Кодекс Республики Беларусь о

браке и семье (КоБС) ст. 111¹, устанавливающей ответственность за несвоевременную уплату алиментов. Меры ответственности за несвоевременную уплату алиментов законодатель поставил в зависимость от того, в каком порядке установлена обязанность должника их уплачивать. Так, если данная обязанность установлена Соглашением о детях, Соглашением об уплате алиментов или Брачным договором, то виновное лицо несет ответственность за несвоевременную уплату алиментов в порядке, предусмотренном этими соглашениями или договором. В случае, если образовалась задолженность по алиментам, обязанность уплаты которых установлена судебным постановлением, то виновное лицо должно уплатить получателю алиментов неустойку в размере 0,3 % от суммы невыплаченных алиментов за каждый день просрочки.

Как видно из содержания ч. 2 ст. 111¹ КоБС, законодатель установил имущественную ответственность за несвоевременное исполнение обязательств по уплате алиментов по судебному постановлению, избрав при этом такой способ защиты прав получателя алиментов, как взыскание неустойки. Подобное решение порождает вопрос о соотношении неустойки, установленной в качестве меры ответственности за ненадлежащее исполнение или неисполнение брачно-семейных обязательств, с неустойкой, установленной в качестве меры ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение гражданско-правовых обязательств.

Понятие неустойки сформулировано в нормах гражданского права (ст. 311 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК)), и в ст. 11 ГК взыскание неустойки отнесено к одному из способов защиты гражданских прав. Неустойка, являясь мерой гражданско-правовой ответственности, выполняет две основные функции – обеспечительную и компенсаторную. Несомненно, неустойке как мере семейно-правовой ответственности данные функции также присущи и на это обстоятельство указывают многие исследователи (например, О.Н. Низамиева, С.А. Муратова, Е.Ю. Костюченко и др.). Допустимо ли в связи с этим субсидиарное применение к семейным отношениям гражданского законодательства, а именно положений ст. 314 ГК, устанавливающих право суда снизить размер взыскиваемой неустойки, в случаях, когда подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. С одной стороны, наделение суда правом уменьшить размер неустойки, как справедливо отмечает Н.Л. Бондаренко в своей статье «Снижение неустойки судом: понятие и значение», вызвано «потребностью решения так называемого социального вопроса, стремлением установить определенное равновесие сил в договорных отношениях, защитить слабую сторону договора», цель данного права – достижение баланса между мерой ответственности, применяемой к должнику и размером

ущерба, причиненного в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств. С другой стороны, оценивая в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (РФ) за третий квартал 2012 г. практику применения судами РФ п. 2 ст. 115 Семейного кодекса (СК) Российской Федерации, устанавливающего правило, аналогичное закрепленному в ч. 2 ст. 111¹ КоБС, Президиум Верховного Суда РФ указал: «Алиментные обязательства преследуют цель предоставления содержания нуждающимся членам семьи, которые являются таковыми в силу обстоятельств, признаваемых законодательством социально уважительными. Специальной мерой семейно-правовой ответственности, гарантирующей осуществление прав указанных лиц на получение содержания, является неустойка, установленная п. 2 ст. 115 СК РФ в виде фиксированного размера взимаемых за каждый день просрочки процентов, уменьшение которой данной нормой не предусмотрено. Особенности алиментных обязательств исключают возможность применения ст. 333 ГК РФ к возникающей в соответствии с п. 2 ст. 115 СК РФ ответственности должника за их ненадлежащее исполнение. В связи с этим уменьшение на основании ст. 333 ГК РФ размера неустойки за несвоевременную уплату лицом алиментов по решению суда, установленного п. 2 ст. 115 СК РФ, не допускается». Такое же мнение было высказано Президиумом Верховного Суда РФ и в 2015 г. в Обзоре судебной практики по делам, связанным со взысканием алиментов на несовершеннолетних детей, а также на нетрудоспособных совершеннолетних детей.

Итак, очевидно, что решение вопроса о возможности субсидиарного применения положений ст. 314 ГК к семейным правоотношениям может пойти по одному из двух направлений: такое применение допускается, либо такое применение невозможно.

Интересен в этой связи опыт других государств, нормы семейного законодательства которых предусматривают взыскание неустойки в случае ненадлежащего выполнения или невыполнения алиментных обязательств.

Мы уже отмечали, что еще в 2015 г. Президиум Верховного Суда РФ отрицательно оценивал возможность субсидиарного применения норм гражданского законодательства при решении вопроса о снижении размера неустойки за несвоевременную уплату алиментов. Однако в 2018 г. п. 2 ст. 115 СК РФ был дополнен абз. 2 следующего содержания: «Размер неустойки за несвоевременную уплату алиментов может быть уменьшен судом с учетом материального и (или) семейного положения лица, обязанного уплачивать алименты, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства по уплате алимен-

тов». В ст. 196 СК Украины закреплено право суда уменьшить размер неустойки, взыскиваемой за просрочку уплаты алиментов, «с учетом материального и семейного положения плательщика алиментов».

Полагаем, что отечественному законодателю следует наделить суд правом снижения размера неустойки, взыскиваемой за несвоевременную уплату алиментов. Такой подход, на наш взгляд, будет в полной мере соответствовать, закрепленным в ст. 22 Конституции Республики Беларусь принципам равенства всех перед законом и равной защиты прав и законных интересов.

Норма ст. 111¹ КоБС не дает ответа и на иные вопросы: допустимо ли снижение неустойки по правилам ст. 314 ГК, в том случае, если неустойка в качестве меры ответственности за несвоевременную уплату алиментов предусмотрена Соглашением о детях, Соглашением об уплате алиментов или Брачным договором? Чем руководствоваться, если формы и размеры ответственности в соглашениях или договоре не определены?

В доктрине семейного права высказаны следующие точки зрения по указанным вопросам:

применение мер ответственности в описанной ситуации недопустимо (О.Ю. Косова);

к лицу, виновному в несвоевременной уплате алиментов, установленных соглашениями или договором, по аналогии следует применять меры, предусмотренные для взыскания алиментов в судебном порядке (О.В. Капитова, О.Н. Низамиева).

Полагаем, что ни правовая, ни социальная сущность алиментов не меняются в зависимости от основания, по которому они взыскиваются, поэтому в случае их несвоевременной уплаты должны применяться одинаковые меры ответственности. В связи с этим, если в Соглашениях или Брачном договоре формы или размер ответственности не предусмотрены, то по аналогии применению должна подлежать норма ч. 2 ст. 111¹ КоБС.

УДК 336.717.1 (1-67 ЕАЭС)

Ю.А. Хватик

ПЕРСПЕКТИВЫ УДАЛЕННОЙ АУТЕНТИФИКАЦИИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ В СТРАНАХ ЕАЭС

Внедрение новейших цифровых технологий в банковской сфере – общемировой тренд, который активно развивается на постсоветском пространстве. С каждым днем расширяется предоставление банковских продуктов

при помощи дистанционных каналов, и дальнейшая эволюция цифровой трансформации финансовых рынков Таможенного союза стран ЕАЭС невозможна без унификации идентификации пользователей.

Прежде всего следует определиться с понятиями. Так, под идентификацией понимают процедуру распознавания субъекта по его идентификатору (определение имени, логина или номера). Идентификатором могут быть номер телефона, номер паспорта, e-mail и т. д. После идентификации производится аутентификация. Аутентификация – процедура проверки подлинности (пользователя проверяют с помощью пароля, письмо проверяют по электронной подписи и т. д.). Чтобы определить чью-то подлинность, можно воспользоваться тремя факторами: пароль-слово, PIN-код, код для замка, графический ключ; устройство (пластиковая карта, ключ от замка); биометрика (отпечаток пальца, портрет, сетчатка глаза).

Когда пользователя идентифицировали, проверили подлинность, можно предоставить ему доступ, т. е. выполнить авторизацию. Авторизация – предоставление доступа к какому-либо ресурсу (к электронной почте). Например, разблокировка смартфона после сканирования отпечатка пальца или выдача средств в банке после проверки паспорта и данных счета. Таким образом, все три процедуры взаимосвязаны.

Подобные системы банковской идентификации и аутентификации продолжительное время используют в зарубежных правовых системах. Они позволяют аутентифицировать гражданина через интернет, используя банковские данные, а также осуществлять обмен данными между банками, учреждениями, что дает возможность клиентам пользоваться онлайн-услугами без прохождения повторной процедуры идентификации.

Например, Австрия, Канада, Эстония и Швеция активно используют подобную Межбанковскую систему идентификации (МСИ), которая именуется как Bank ID. В Швеции благодаря такой системе идентификации с помощью приложения Swish можно переслать деньги в течение десяти минут – вводится только сумма перевода и номер телефона получателя. Систему разрабатывали для клиентов крупных банков, но сейчас ей пользуются как органы власти, так и частные компании. В Украине данную систему активно используют при построении системы электронного правительства.

В силу того обстоятельства, что главным условием данных систем являются персональные данные граждан, юридических лиц, особое внимание должно уделяться правовому регулированию в указанной сфере. В Республике Беларусь начало функционированию Межбанковской системы идентификации было положено 1 октября 2016 г. в соот-

ветствии с Указом Президента Республики Беларусь от 1 декабря 2015 г. № 478 «О развитии цифровых банковских технологий» (далее – Указ № 478). Технологической базой формирования МСИ стало ОАО «Небанковская кредитно-финансовая организация „ЕРИП“». В Республике Беларусь МСИ использовали при переписи населения Республики Беларусь в 2019 г.

С 1 октября 2016 г. все банки Республики Беларусь приняли участие в создании единой национальной базы данных Национального банка Республики Беларусь, в которой хранятся электронные копии паспортов граждан, являющихся клиентами банков нашей страны (каждый паспорт привязан к номеру мобильного телефона его владельца). Идентификационные данные для этой базы данных предоставляют сами банки с согласия гражданина.

В развитие был издан Указ Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2019 г. № 148 «О цифровых банковских технологиях» (далее – Указ № 148). Он вступил в силу 21 октября 2019 г. и создал предпосылки для переноса белорусскими финансовыми организациями бизнес-процессов по взаимодействию с клиентами в онлайн. Пользователи получили возможность приобретать финансовые услуги дистанционно, были расширена сфера применения МСИ, а также регламентированы механизмы удаленной идентификации и удаленного заключения договоров, для совершения юридически значимых действий при оказании банковских и иных финансовых услуг будут использоваться смартконтракты. В соответствии с положениями Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-3 «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» (далее – Закон № 165-3) указанные в нем лица, осуществляющие финансовые операции, обязаны проводить идентификацию клиентов. Это одна из мер по предотвращении легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения. Среди лиц, обязанных проводить идентификацию, названы не только банки и небанковские кредитно-финансовые организации, но также и профессиональные участники рынка ценных бумаг, страховые организации и страховые брокеры, лизинговые организации, микрофинансовые организации, форекс-компании. Идентификация должна проводиться, помимо прочего, при заключении договоров на осуществление финансовых операций в письменной форме. Таким

образом, требование об идентификации распространяется на более широкий круг организаций. Однако Закон № 165-3 не дает однозначного ответа на вопрос, необходимо ли личное присутствие клиента или его представителя для идентификации. В отношении банков Указ № 478 установил общее правило проводить идентификацию при личном присутствии клиента, его представителя, а также предусмотрел возможность удаленной идентификации в некоторых случаях.

В 2018 г. в России вступил в действие Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», названный «Законом о биометрической идентификации». В результате которого актуализировался процесс внедрения биометрических комплексов и сбора данных для размещения в Единой биометрической системе (ЕБС). Биометрическая идентификация дает гражданам возможность получать банковские услуги дистанционно. Однако удобства дистанционной идентификации по фотографии или голосу по достоинству оценили не только клиенты банков, но и киберпреступники. Несмотря на стремление разработчиков сделать технологию безопасной, исследователи постоянно сообщают о появлении новых способов обмана таких систем.

У биометрической идентификации есть особенности, которые отличают ее от идентификации, используемой в Беларуси: биометрические данные публичны, можно найти фотографии, видео- и аудиозаписи практически любого человека и использовать их для идентификации; невозможно заменить лицо, голос, отпечатки пальцев или сетчатку с такой же легкостью, как пароль, номер телефона; биометрическая идентификация подтверждает личность с вероятностью, близкой, но не равной, 100 %. Таким образом, система допускает, что человек может в какой-то степени отличаться от своей биометрической модели, сохраненной в базе.

Другими словами, перспективы биометрической идентификации гораздо шире, чем у аутентификации. В то же время актуальны такие проблемы, как фальсификация, утечка и кража, низкое качество собранных данных, а также многократный сбор данных одного человека разными организациями. В условиях развития Таможенного союза ЕАЭС целесообразно развитие межбанковской системы идентификации стран – участниц ЕАЭС на основе биометрической информации. Для этого важно создать не только правовые условия, но и системы защиты персональной информации граждан и юридических лиц в условиях глобальной цифровой среды.

**О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Как известно, с начала 90-х гг. XX в. на всем пространстве бывшего СССР начался масштабный кодификационный процесс формирования собственного гражданского законодательства. Изменившиеся экономические и политические реалии потребовали кардинального пересмотра положений гражданско-правовых отношений и принятия кодифицированных нормативных правовых актов в республиках бывшего СССР. В 1994–96-х гг. в Российской Федерации приняли базовые две части Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), а 1998 г. в Республике Беларусь – Гражданский кодекс Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 218-3 (ГК Республики Беларусь). Безусловно, гражданское законодательство не оставалось статичным и получило свое развитие и совершенствование в дальнейшем. Рассмотрим в сравнительном аспекте систематику норм о гражданско-правовой ответственности в этих кодифицированных актах.

Принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты провозглашает возможность применения мер гражданско-правовой ответственности в случае нарушения прав и законных интересов субъектов. Данный принцип закреплен в ГК РФ (ст. 1) и ГК Республики Беларусь (ст. 2) и наряду с иными принципами гражданского законодательства создает гарантии для осуществления и защиты прав посредством применения мер гражданско-правовой защиты.

К сожалению, до настоящего времени ни ГК РФ, ни ГК Республики Беларусь не содержат отдельных глав (разделов), которые были бы посвящены общим положениям о гражданско-правовой ответственности и содержали бы статьи об основании, условиях, видах данной меры принуждения, порядку их (норм) применения в различных подотраслях и институтах гражданского права. Вместе с тем анализ обоих кодифицированных актов дает основания для вычленения общих норм о гражданско-правовой ответственности, к которым корреспондируют специальные нормы. Так, в ГК РФ (ст. 15) и в ГК Республики Беларусь (ст. 14) имеется общая статья об убытках и ее составляющих: реальном вреде и упущенной выгоде, а также отдельная статья, посвященная возмещению убытков, причиненных государственными органами, орга-

нами местного управления и самоуправления (ст. 16 ГК РФ, ст. 15 ГК Республики Беларусь). Однако следует отметить, что в ГК РФ появилась дополнительная норма, предусматривающая компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 16.1 ГК РФ), что свидетельствует о дополнительных гарантиях при восстановлении нарушенных прав.

Примечательно, что ГК Республики Беларусь, в отличие от ГК РФ, содержит общие статьи, посвященные имущественной ответственности гражданина (ст. 23 ГК Республики Беларусь) и ответственности юридического лица (ст. 52 ГК Республики Беларусь). Несмотря на их общую декларативность, они придают положениям о физических и юридических лицах завершенность и бланкетность по отношению к специальным статьям об ответственности отдельных граждан (малолетних, недееспособных, признанных несостоятельными), так и отдельных организационно-правовых форм юридических лиц. Кстати, сохранение такой организационной формы, как общество с дополнительной ответственностью в ГК Республики Беларусь (ст. 94), может свидетельствовать о востребованности в практике такого вида юридического лица, а также самой конструкции солидарной субсидиарной ответственности по обязательствам своим имуществом со стороны участников.

Модернизация в ГК РФ статей об ответственности за нарушение обязательств (гл. 25 ГК РФ) сделала их более детальными и рациональными, по сравнению с предыдущей редакцией, которая в целом корреспондировалась с соответствующей гл. 25 ГК Республики Беларусь. Так, появились статьи: о возмещении убытков при прекращении договора (ст. 393.1 ГК РФ); о возмещении потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств (ст. 406.1 ГК РФ); детализирующие правила ответственности за нарушение денежного обязательства (ст. 395 ГК РФ).

По всем иным статьям: об основании ответственности за нарушение обязательства (ст. 401 ГК РФ и ст. 372 ГК Республики Беларусь) и ограничении размера ответственности по обязательствам (ст. 400 ГК РФ и ст. 371 ГК Республики Беларусь); соотношению убытков и неустойки (ст. 394 ГК РФ и ст. 365 ГК Республики Беларусь); ответственности за неисполнение обязательства в натуре (ст. 396 ГК РФ и ст. 367 ГК Республики Беларусь); последствиям неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь (ст. 398 ГК РФ и ст. 369 ГК Республики Беларусь); субсидиарной ответственности (ст. 399 ГК РФ и ст. 370 ГК Республики Беларусь); ответственности должника за своих работников (ст. 402 ГК РФ и ст. 373 ГК Республики Беларусь); ответ-

ственности должника за действия третьих лиц (ст. 403 ГК РФ и ст. 374 ГК Республики Беларусь); вины кредитора (ст. 404 ГК РФ и ст. 375 ГК Республики Беларусь); просрочки кредитора (ст. 405 ГК РФ и ст. 376 ГК Республики Беларусь) и должника (ст. 406 ГК РФ и ст. 377 ГК Республики Беларусь) применяются сходные правила, а сами статьи практически тождественны. Эти обстоятельства подтверждают единство подходов в регулировании отношений по применению мер ответственности за нарушение обязательств.

Сфера деликтной ответственности представлена соответствующими главами об обязательствах вследствие причинения вреда (гл. 58 ГК Республики Беларусь и гл. 59 ГК РФ). Общие положения о деликтной ответственности представлены сходными статьями об общих основаниях ответственности за причинение вреда (ст. 933 ГК Республики Беларусь и ст. 1064 ГК РФ). Принцип генерального деликта, трансформировавшийся в положения данных статей, предусматривает возмещение в полном объеме вреда, а также компенсацию сверх возмещения лицом, причинившим вред, кроме случаев, установленных законом в отношении других лиц. Презумпция вины причинителя возлагает данными нормами доказывания невиновного поведения на причинителя вреда, а также указывает на случаи ответственности, независимо от вины, установленные законом. Далее имеются статьи: о предупреждении причинения вреда (ст. 934 ГК Республики Беларусь и ст. 1065 ГК РФ); об особенностях ответственности за причинение вреда в состоянии необходимой обороны (ст. 935 ГК Республики Беларусь и ст. 1066 ГК РФ) и за причинение вреда в состоянии крайней необходимости (ст. 936 ГК Республики Беларусь и ст. 1067 ГК РФ); об ответственности юридического лица или гражданина за вред, причиненный его работником (ст. 937 ГК Республики Беларусь и ст. 1068 ГК РФ).

Специальные нормы о деликтных обязательствах представлены блоками статей об ответственности за вред в сфере управления: причиненный государственными органами, органами местного управления и самоуправления, а также их должностными лицами (ст. 938 ГК Республики Беларусь и ст. 1069 ГК РФ); об причиненный при осуществлении правоохранительной деятельности (ст. 939 ГК Республики Беларусь (ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов внутренних органов уголовного преследования и суда) и ст. 1070 ГК РФ). Разница заключается в содержании мер принуждения за незаконное применение которых предусмотрена специальная деликтная ответственность. В частности, в ГК Республики Беларусь к ним, в отличие от ГК РФ, относятся применение принудительных мер безопасности и

лечения, задержания, домашний арест, временное отстранение от должности, помещение в психиатрическое (психоневрологическое) учреждение. Это свидетельствует о более широком спектре процессуальных действий, незаконное применение которых влечет применение деликтной ответственности.

По аналогии построена ответственность лиц, обладающих не полной дееспособностью и недееспособных (ст. 942–947 ГК Республики Беларусь и ст. 1071–1078 ГК РФ); за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (ст. 948 ГК Республики Беларусь и ст. 1079 ГК РФ). Принципиальным в этих статьях гражданского законодательства имеют обстоятельства ответственности лиц за виновные действия (законные представители несовершеннолетних) и независимо от вины (владелец источника повышенной опасности). Отдельными параграфами представлены статьи об ответственности за вред, причиненный жизни или здоровью гражданина; за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг; компенсации морального вреда.

Таким образом, сравнение статей гражданского законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь о гражданско-правовой ответственности свидетельствует о едином базисе правовой регламентации данного института с некоторыми особенностями учета определенных обстоятельств при реализации этих мер.

УДК 347.82

О.В. Шелков, С.Б. Матвийчук

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АВИАПЕРЕВОЗЧИКА ЗА НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ВЫПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА ВОЗДУШНОЙ ПЕРЕВОЗКИ

В Республике Беларусь авиаперевозчик несет ответственность перед пассажиром воздушного судна в порядке, установленном отечественным законодательством, международными договорами Республики Беларусь, а также договором воздушной перевозки пассажира. В нашей стране правовое регулирование ответственности перевозчика перед пассажиром имеет свои особенности в зависимости от выполняемых рейсов – внутренних или международных.

Так, в соответствии с Авиационными правилами воздушных перевозок, утвержденными постановлением Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 12 августа 2009 г. № 70, при выполнении внутренних воздушных перевозок ответственность пере-

возчика перед пассажиром воздушного судна определяется Воздушным кодексом Республики Беларусь, Гражданским кодексом Республики Беларусь (ГК), иными нормативными правовыми актами Республики Беларусь.

Что касается ответственности перевозчика при международных воздушных перевозках пассажиров и багажа, то она определяется Варшавской конвенцией либо Варшавской конвенцией, измененной Гаагским протоколом, в зависимости от того, под действие какого из этих документов подпадает соответствующая перевозка, Воздушным кодексом Республики Беларусь, если иное не вытекает из международных договоров Республики Беларусь, Авиационными правилами воздушных перевозок пассажиров, багажа, грузов, другими нормативными правовыми актами Республики Беларусь, а также договором воздушной перевозки пассажира.

Перевозчик несет ответственность за утрату, недостачу или за повреждение багажа, которые произошли во время, когда багаж находился под ответственностью перевозчика или его агента, независимо от того, имело ли это место на земле или на борту воздушного судна.

Перевозчик также несет ответственность за сохранность находящихся при пассажире вещей (незарегистрированный багаж), если не докажет, что утрата, недостача или повреждение этих вещей произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, а также умысла пассажира.

Перевозчик не несет ответственности за утрату, недостачу или повреждение при перевозке незарегистрированного багажа и другого имущества, находящегося при пассажире, за исключением случаев, когда будет доказано, что этот вред был причинен по его вине. В этом случае ответственность перевозчика за незарегистрированный багаж и другое имущество, находящееся при пассажире, ограничивается 400 долл. США.

Ответственность перевозчика за утрату, недостачу и повреждение (порчу) багажа при перевозке пассажира на воздушном транспорте определяется в соответствии с п. 1 ст. 750 ГК. Авиаперевозчик несет ответственность за утрату, недостачу и повреждение (порчу) багажа после принятия его к воздушной перевозке и до выдачи пассажиру в случае, если не докажет, что:

им были приняты все необходимые меры по предотвращению причинения вреда или такие меры невозможно было принять;

утрата, недостача или повреждение (порча) этих вещей произошли вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, либо умысла пассажира;

они не явились результатом совершенных умышленно действий (бездействия) перевозчика или произошли не во время воздушной перевозки.

Обстоятельства, являющиеся основанием для имущественной ответственности перевозчика, удостоверяются актами о неисправностях при перевозке багажа (PIR).

Заявление по факту утраты, недостачи или повреждения багажа должно быть сделано пассажиром представителю перевозчика или его агенту до выхода пассажира из зоны выдачи багажа и после этого должен быть составлен соответствующий акт. В случае получения багажа без возражений предполагается, если не доказано иное, что он доставлен в надлежащем состоянии и согласно перевозочному документу.

Ответственность за просрочку доставки багажа в пункт назначения определяется следующим образом. Авиаперевозчик при выполнении регулярных рейсов за просрочку доставки пассажира, багажа в пункт назначения уплачивает неустойку в размере 25 % базовой величины, установленной законодательством, за каждый час просрочки, но не более 50 % провозной платы, если не докажет, что просрочка имела место вследствие непреодолимой силы, устранения неисправности воздушного судна, угрожающей жизни или здоровью пассажиров, либо иных обстоятельств, не зависящих от перевозчика.

Что касается размера ответственности (причиненного ущерба) в случае утраты, недостачи и повреждения, порчи багажа или вещей, находящихся при пассажире, то он определяется по правилам, установленным в нормативных правовых актах.

Так, в соответствии с п. 2, 3 ст. 750 ГК «ущерб, причиненный при перевозке груза или багажа, возмещается перевозчиком: в случае утраты или недостачи багажа – в размере стоимости утраченного или недостающего груза или багажа; в случае повреждения (порчи) багажа – в размере суммы, на которую понизилась его стоимость, а при невозможности восстановления поврежденного груза или багажа – в размере его стоимости; в случае утраты багажа, сданного к перевозке с объявлением его ценности, – в размере объявленной стоимости груза или багажа.

Стоимость багажа определяется исходя из его цены, указанной в счете продавца или предусмотренной договором, а при отсутствии счета или указания цены в договоре – исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары.

Как правило, перевозчик наряду с возмещением установленного ущерба, вызванного утратой, недостачей или повреждением (порчей) багажа, возвращает отправителю (получателю) провозную плату, взы-

сканную за перевозку утраченного, недостающего, испорченного или поврежденного багажа.

При международной воздушной перевозке зарегистрированного багажа без объявленной ценности ответственность перевозчика за каждый килограмм массы брутто ограничивается 20 долл. США. Если вес багажа определить невозможно, считается, что полный вес зарегистрированного багажа не превышает нормы бесплатного провоза, установленной перевозчиком. Аналогичную сумму выплачивают и крупные зарубежные авиакомпании.

Ответственность перевозчика за зарегистрированный багаж с объявленной ценностью определяется в размере объявленной ценности, если перевозчик не докажет, что она превышает действительно причиненный вред.

Таким образом, проблема гражданско-правовой ответственности является одной из самых сложных и дискуссионных как в науке гражданского права, так и в правоприменительной практике. Следовательно, требуется дальнейшее развитие законодательства, регламентирующего ответственность перевозчика за ненадлежащее выполнение договора воздушной перевозки, а также ответственность пассажира за нарушение правил авиаперевозки с учетом имеющейся судебной и иной правоприменительной практики, положив в основу воспринятый мировым сообществом принцип наиболее полного возмещения убытков и причиненного вреда при авиаперевозке.

УДК 343.35

М.Н. Шимкович

ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ ПРЕДОСТАВЛЕННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Наличие у представителя полномочий – обязательное условие представительства. Отсутствие представительских полномочий, так и выход за их пределы влекут последствия, предусмотренные п. 1 ст. 184 ГК Республики Беларусь (ГК), сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица.

Кроме того ст. 175 ГК предусматривает, что, если полномочия лица на совершение сделки ограничены договором либо полномочия органа юридического лица – его учредительными документами по сравнению с тем, как они определены в доверенности, в законодательстве либо как они могут считаться очевидными из обстановки, в которой совершается сделка, и при ее совершении такое лицо или орган вышли за пределы

этих ограничений, сделка может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения.

Таким образом, правовые последствия выхода за пределы, предоставленных полномочий предусмотрены в ст. 184 и ст. 175 ГК. Последствия, предусмотренные этими статьями, принципиально разные. С учетом того, что в составе ст. 175 ГК объединены как действия представителя, так и действия органа юридического лица, необходимо четко понимать, когда применяются последствия, предусмотренные ст. 175 ГК, а когда – ст. 184 ГК.

Не совсем внятная попытка в решении данного вопроса была принята постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 28 октября 2005 г. № 26 «О некоторых вопросах применения хозяйственными судами законодательства, регулирующего недействительность сделок» (далее – постановление № 26).

Проанализировав положения законодательства, в том числе выше-названного постановления, а также правоприменительную практику и позиции цивилистов в отношении данного вопроса, считаем необходимым отметить следующее:

1. Статья 175 ГК применяется при превышении полномочий, предусмотренных учредительными документами, органом юридического лица. Последствия, определенные ст. 184 ГК, к ситуации, когда орган юридического лица выходит за полномочия, предусмотренные учредительными документами, не применяются. Это объясняется тем, что отношения представительства отсутствуют в тех случаях, когда юридические лица выступают через свои органы (волю, например, директора, выступающего в качестве органа юридического лица, нельзя отделить от воли самого юридического лица. Как следствие, директор юридического лица не является его представителем).

Тем не менее в постановлении № 26 указывается, что предусмотренные ст. 175 ГК основания признания сделок недействительными не применяются, когда лицо, в интересах которого установлены ограничения, впоследствии одобрит сделку, т. е. по аналогии Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь применяет правила, установленные п. 2 ст. 184 ГК, регулирующие сходные отношения, поскольку ст. 175 ГК не содержит положений об одобрении таких сделок.

2. Статья 184 ГК применяется, когда у представителя вообще нет никаких полномочий на представление интересов соответствующего лица. Иными словами, если лицо заключает сделку (сделки) от имени другого лица не имея никаких полномочий на совершение такой сделки (сделок), то последствия, предусмотренные ст. 175 ГК, к такой ситуации не

применяются. Статья 175 ГК в отличие от ст. 184 ГК не регламентирует правовые последствия, когда у представителя нет никаких полномочий.

Однако следует отметить, что правило, предусмотренное п. 1 ст. 184 ГК, о том, что при отсутствии представительских полномочий сделка считается заключенной от имени и в интересах совершившего ее лица, не всегда может быть реализовано на практике. Во-первых, третье лицо должно быть согласно заключить сделку не с представляемым, как оно предполагало, а с представителем; а во-вторых, представитель должен иметь способность заключить такую сделку.

В случае если третье лицо не согласно с тем, что контрагентом по сделке с ним будет представитель, сделка не может быть признана заключенной в связи с отсутствием соглашения о сторонах сделки. Однако если третье лицо узнало об отсутствии полномочий представителя уже в процессе исполнения им сделки или если представитель не способен совершить сделку (у представителя нет имущества, отчуждаемого по сделке или представитель не обладает соответствующим правовым статусом для совершения сделки), такая сделка является недействительной.

В п. 1 ст. 184 ГК также предусмотрено, что представляемый вправе одобрить сделку, совершенную представителем без полномочий. В случае последующего одобрения сделки, наступают такие же последствия, как если бы в момент совершения сделки представитель имел полномочия на ее совершение, т. е. ее одобрение создает, изменяет и прекращает для представляемого гражданские права и обязанности по данной сделке с момента ее совершения. Эти правила применяются и при отмененной доверенности, если совершаются сделки с последующим их одобрением.

3. Сложнее обстоит дело с ситуацией, когда имеет место превышение полномочий представителя по сравнению с тем, как они определены договором. Как уже говорилось ранее, в этой ситуации имеют место перекрестные предметы правового регулирования ст. 175 и ст. 184 ГК. Применительно к такой ситуации и возникает вопрос разграничения соответствующих последствий.

В силу ст. 175 ГК, когда полномочия, предусмотренные доверенностью, законодательством или очевидным из обстановки, при которой совершается сделка, превышают полномочия, предусмотренные в договоре между представителем и представляемым, сделка может быть признана судом недействительной по иску лица, в интересах которого установлены ограничения.

При этом последствия, предусмотренные ст. 175 ГК, не применяются в случае несовпадения полномочий в доверенности и договоре, поскольку в силу ст. 183 ГК доверенность является основанием возник-

новения у представителя полномочий на заключение сделки от имени представляемого, поэтому другая сторона в договоре действует правомерно и в том случае, когда она осведомлена о таком несовпадении (п. 17 постановления № 26). Таким образом, независимо от того шире или уже определены полномочия представителя в договоре по сравнению с доверенностью, последствия, предусмотренные ст. 175 ГК, не применяются.

Если рассмотреть предмет регулирования ст. 184 ГК, то он, как уже отмечено выше, связан именно с отсутствием полномочий у представителя действовать от имени представляемого или с превышением полномочий, имеющихся у представителя при совершении сделок в интересах представляемого. Статья 184 ГК не конкретизирует источник полномочий представителя. В соответствии с п. 1 ст. 183 ГК представительство может основываться не только на договоре, но и на законодательстве, либо на акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного управления и самоуправления, либо полномочия представителя могут явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец розничной торговли, кассир и т. п.).

Как отмечает Я.И. Функ, «если исходить из буквального толкования ст. 184 ГК в корреспонденции со ст. 183 ГК, то можно прийти к выводу, что превышение полномочий, о которых говорит ст. 184 ГК, не связано с превышением полномочий, основанных на договоре».

Тем не менее вышеизложенное – на уровне авторских рассуждений, а на законодательном уровне должен разрешаться данный вопрос, в том числе и Пленуму Верховного Суда Республики Беларусь, уполномоченным органам стоило бы акцентировать внимание на этой проблеме.

УДК 347.45/.47.05 (476-6 СНГ) (474.3)

О. Шкут

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО ДОГОВОРУ ФАКТОРИНГА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ И ЛАТВИИ

Экономическая ситуация, наблюдаемая в большинстве развитых и развивающихся государств, проявляющаяся в постоянном поиске мер по минимизации последствий мирового финансового кризиса, свидетельствует об уязвимости банковского сектора экономики и его неспособности в обеспечении субъектов хозяйствования доступными финансовыми ресурсами. Неспособность кредитования обеспечить современный гражданский оборот обуславливает поиск альтернативных источников

быстрого получения высоколиквидных оборотных активов, которыми являются деньги, и появление новых правовых конструкций, таких как факторинг. Привлекательность и потенциальная выгода данного вида гражданско-правового договора для фактора очевидна, однако заключение такого рода сделки влечет также для него и предпринимательские риски, обусловленные неисполнением либо ненадлежащим исполнением ее клиентом и (или) должником. В этой связи в гражданское законодательство включаются нормы, устанавливающие ответственность кредитора (клиента, адерента) перед фактором (финансовым агентом).

Большинство правоведов констатируют, что гражданско-правовая ответственность по договору факторинга носит диспозитивный характер, что дает возможность сторонам в рамках договора факторинга самостоятельно определять санкции гражданско-правовой ответственности за каждый случай неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств по рассматриваемому договору. В научной литературе имущественную ответственность по договору факторинга принято ставить в зависимость от его правовой природы. Так, если договор факторинга представляет собой реальный гражданско-правовой договор, то ответственность за его неисполнение может наступать только для клиента за несоблюдение действительности предмета рассматриваемого договора, а также за исполнимость договора. В случае если он представляет собой консенсуальный договор, то фактор призван отвечать за отказ от передачи клиенту денежных средств в счет его денежного требования. Ответственность клиента по договору факторинга может наступать в трех случаях: во-первых, если он не совершил уступку денежного требования или ненадлежаще ее оформил; во-вторых, за действительность передаваемого денежного требования; в-третьих, если это установлено в договоре, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения денежного требования третьим лицом (должником).

Анализ содержания гл. 6 Коммерческого Закона Латвийской Республики (КЗ) позволяет утверждать, что в ней регламентирована только ответственность клиента: за подлинность требования и за надежность требования (ст. 471 КЗ). Аналогичная ситуация наблюдается и в банковском законодательстве Беларуси. Так, при установлении ответственности клиента перед фактором законодателем Латвии применяется термин «подлинность» переданного либо передаваемого денежного требования. Пункт 1 ст. 471 КЗ содержит норму о том, что, если в договоре факторинга не оговорено иное, клиент несет ответственность перед фактором за подлинность переданного или передаваемого требования. Однако норма, раскрывающая содержание употребляемого понятия «подлинность», отсутствует, что затрудняет правоприменительную практику.

Не менее показательна позиция белорусского законодателя по данному вопросу. В Гражданском кодексе Республики Беларусь отсутствует регламентация рассматриваемой ситуации, однако абз. 1 ст. 162 «Ответственность кредитора перед фактором» Банковского кодекса Республики Беларусь (БК) предусматривает не только вменение кредитору ответственности за действительность передаваемого денежного требования перед фактором независимо от условий договора факторинга, но и обязывает кредитора подтвердить действительность уступленного денежного требования документами, удостоверяющими его право требования к должнику. Содержит также условие действительности денежного требования абз. 2 рассматриваемой статьи БК, согласно которому «денежное требование считается действительным, если кредитор имеет право на его уступку и в момент уступки ему неизвестны обстоятельства, вследствие которых должник вправе не исполнять такое требование». В абз. 3 ст. 162 БК законодателем предусмотрена императивная норма, согласно которой «в случае недействительности уступленного денежного требования фактор приобретает право обратного требования (регресса) к кредитору независимо от условий платежа», что, на наш взгляд, позволяет предотвратить совершение таких мошеннических действий клиентом и его должником, как замена задним числом первичных бухгалтерских документов, идентифицирующих перешедшие фактору денежные требования; умышленный возврат товара, поставленного по договору поставки, следствием чего является уменьшение размера уступленного денежного требования или его прекращение; получение кредитором от должника денежных средств, подлежащих выплате фактору, а также других противоправных действий недобросовестных клиентов и должников. В свою очередь, отсутствие вышепроанализированных правовых гарантий для фактора в Латвии может породить негативные последствия для него при заключении договора факторинга с недобросовестным клиентом либо его контрагентом.

Ситуации, когда клиент и должник изменяют договорные правоотношения по уступленным фактору денежным требованиям, вероятны и для Латвии. Например, возможно возникновение случаев, о которых фактору неизвестно, когда кредитор и должник могут изменять, например, условия договора поставки, цену поставляемого товара, осуществлять его возврат должником кредитору по договору поставки, т. е. нарушается право фактора на оплату переданного денежного требования. Глава 6 КЗ не содержит норм, регламентирующих ответственность кредитора и должника в таких случаях.

Проверка действительности (подлинности) денежного требования на практике часто включает и оценку фактором качества долговых тре-

бований по договору факторинга. Закономерно возникает вопрос об источнике такого рода информации. Полагаем, что при заключении договора между фактором и банком, например в Латвии, необходимо наличие письменного согласия клиента на предоставление такого рода деловой информации о нем. Возникновение такой ситуации в белорусском гражданском обороте почти невозможно, поскольку на стороне фактора часто выступает банк, владеющий такой информацией на основании заключенного между ним и кредитором договора об оказании банковских услуг последнему. Только в случае заключения договора факторинга кредитора с банком, клиентом которого он не является, возможно возникновение вопроса об основании и законности передачи другим банком такого рода сведений о первом.

Полагаем, что для правоприменительной практики Латвии в сфере факторинговых отношений необходимо установление императивной нормы об ответственности клиента перед фактором за подлинность переданного или передаваемого денежного требования. Считаем, что отсутствие в КЗ условий, при которых переданное или передаваемое денежное требование может быть признано подлинным, также негативно влияет на его качество. В целях обеспечения прав коммерсанта (фактора), в случае изменения правоотношений клиентом и третьим лицом (должником) по уже уступленным требованиям и предусмотрения ответственности последних, также целесообразно внести в нормы КЗ о факторинге дополнения, регулирующие правоотношения между клиентом и третьим лицом (должником) после перехода известных денежных требований фактору. Реализация этих предложений по совершенствованию гражданского законодательства в области правового регулирования договора факторинга, которые являются гарантиями для фактора, с учетом опыта Республики Беларусь, позволит повысить интерес к такой предпринимательской деятельности, как факторинговые услуги, в Латвии.

УДК 347.45/47:614.2

И.Н. Яхновец

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ДОГОВОРУ ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

В правоотношениях по оказанию медицинской помощи законодатель закрепил свойственный гражданскому праву и законодательству о защите прав потребителей принцип виновности исполнителя (продавца, изготовителя, поставщика). По общему правилу потребитель всег-

да прав, а медицинское учреждение, врачи предполагаются виновными перед пациентами, если не докажут обратное, и соответственно должны нести материальную ответственность перед потребителями медицинских услуг. По мнению А.А. Диванчикова, рынок медицинских услуг относится к рынку с так называемым «нарушенным суверенитетом покупателя (пациента)».

Учитывая договорной порядок отношений по возмездному оказанию медицинских услуг, очевидно, что медицинские учреждения несут ответственность перед потребителем за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора, несоблюдение требований, предъявляемых к методам диагностики, профилактики и лечения, разрешенным на территории Республики Беларусь, а также в случае причинения вреда здоровью и жизни потребителя. В связи с этим потребители, пользующиеся платными медицинскими услугами, вправе предъявлять требования о возмещении убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением условий договора, возмещении ущерба в случае причинения вреда здоровью и жизни, а также о компенсации за причинение морального вреда в соответствии с законодательством.

Несмотря на то что договор возмездного оказания медицинских услуг относится к гражданско-правовым, его правовое регулирование носит комплексный характер. Из этого следует, что права и обязанности сторон по данному договору должны определяться в двух аспектах – с точки зрения норм гражданского законодательства и с точки зрения норм законодательства в сфере здравоохранения. Исходя из изложенного полагаем обоснованным мнение О.П. Казаченка о целесообразности разделения прав лица, получающих услуги в рамках договора возмездного оказания медицинских услуг, на две группы: права пациента и права потребителя.

Согласно п. 3 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» при отсутствии в законодательстве или договоре условий о качестве услуги исполнитель обязан оказать услугу, соответствующую обычно предъявляемым требованиям и пригодной для целей, для которых услуга такого рода обычно используется. В связи с чем закономерно возникает вопрос о сущности «обычно предъявляемых требований» относительно качества оказываемых медицинских услуг, которые в настоящее время не имеют детальной правовой регламентации.

Сложность правовой регламентации качества медицинских услуг связана с тем, что надлежащее ее оказание напрямую связано не только с личностью врача, уровнем его знаний, профессионализмом и квали-

фикацией, но и встречным действием со стороны пациента. Например, по мнению Ю.А. Гартиной, для того, чтобы оказанная медицинская услуга принесла желаемый результат, пациент обязан предоставить персоналу медицинского учреждения полные сведения о состоянии своего здоровья, а также соблюдать предписания и рекомендации врачей. Из сказанного следует, что только совокупность совместных действий врача и пациента позволяет добиться максимального качества оказываемых услуг. Однако законодатель качество оказания медицинской услуги напрямую связывает непосредственно с ответственностью исполнителя. Так, медицинская услуга ненадлежащего качества влечет гражданско-правовую ответственность ее исполнителя (гл. 2 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей»). В данном случае возникает вопрос о правовой природе такой ответственности. Мнения авторов, изучающих содержание ответственности исполнителя медицинских услуг перед пациентом, неоднозначны. Подавляющее большинство исков, связанных с возмещением вреда, причиненного работниками медицинских учреждений жизни и здоровью пациента, рассматриваются по правилам о деликтной, а не о договорной ответственности. О.П. Казаченок указывает следующие условия наступления деликтной ответственности медицинского учреждения как исполнителя медицинских услуг: наличие вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинная связь между вредом и противоправным поведением, вина причинителя вреда, а также наличие трудовых отношений между медицинским работником, причинившим вред, и медицинским учреждением.

В случае причинения вреда жизни или здоровью при оказании медицинских услуг, независимо от урегулирования этих вопросов в договоре, причиненный вред является основанием возникновения внедоговорных обязательств между сторонами договора и регулируется гл. 58 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК). Однако в научной юридической литературе некоторые авторы отмечают, что при возникновении данных отношений необходимо применять ответственность за вред, возникающий из ненадлежащего исполнения только договорных обязательств. Представляется, что данный подход достаточно спорный и не совсем обоснованный.

В соответствии с п. 1 ст. 933 ГК вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Согласно нормам ст. 964 ГК вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина недостатками услуг, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации об услуге, подлежит возмещению лицом, оказавшим услугу (исполните-

лем), независимо от его вины и от того, состоял потерпевший с ним в договорных отношениях или нет. Данное положение дублируется законодателем в п. 1 ст. 17 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей».

Следует отметить, что недостижение эффекта от лечения, на который рассчитывал пациент, само по себе не может рассматриваться в качестве основания, влекущего обязанность медицинского учреждения по возмещению вреда. Например, в случае, если пациент до заключения договора обладал всей необходимой информацией об услуге и отсутствовали обстоятельства, прямо исключающие возможность достижения желаемого результата лечения, то медицинское учреждение не несет ответственности за его ненаступление.

В юридической литературе дискуссионной является проблема установления причинной связи между деятельностью исполнителя и возникновением вредоносного воздействия на организм при оказании медицинской помощи. На практике установление такой взаимосвязи сопряжено с определенными трудностями. Это обусловлено тем, что вредный результат может проявиться не сразу и часто является следствием нескольких вредоносных действий. В некоторых случаях действия исполнителя медицинских услуг прямо не приводят к повреждению здоровья, а следовательно, и к причинению связанного с этим имущественного вреда, но причиняют пациенту физические и нравственные страдания, т. е. лежат в основе морального вреда.

Таким образом, анализ норм права, регулирующих ответственность по договору возмездного оказания медицинских услуг, позволяет сделать вывод, что они носят комплексный характер и закреплены в различных законодательных актах без учета специфики медицинской деятельности. Сложность практического применения указанных норм обусловлена отсутствием детальной правовой регламентации требований к качеству оказываемых медицинских услуг и неопределенностью критериев установления причинной связи между действиями исполнителя и наступлением вреда (в том числе морального) при оказании платных медицинских услуг.

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

УДК 349.222.1

А.Г. Апенюк

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА

В условиях становления рыночной экономики все большее значение приобретает согласительный механизм регулирования социально-трудовых отношений. Существование социального партнерства неизбежно сопряжено с выработкой единой позиции через консенсус разрозненных точек зрения. К сожалению, даже юридическое закрепление общих, выработанных сторонами социального диалога положений не означает безусловное их исполнение. Социальное партнерство должно существовать как своего рода механизм, обеспечивающий согласованную политику в социально-трудовой сфере, не требующую принудительного рычага со стороны государства. Однако, к сожалению, существующий в настоящее время уровень функционирования социального диалога не возможен без подкрепления обязательной силой со стороны государства.

На уровне Рекомендации Международной организации труда от 6 июня 1951 г. № 91 «О коллективных договорах» был закреплен принцип «обязательности и надлежащего исполнения условий коллективных соглашений и договоров, заключенных в результате коллективных переговоров» [1]. В дальнейшем указанный принцип был имплементирован в национальное законодательство. Так, одним из основных принципов социального партнерства в ст. 353 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК) назван принцип обязательности выполнения договоренностей и ответственность за принятые обязательства [2]. Таким образом, не отрицая добровольные и равноправные начала социального партнерства, обозначим, что в случае принятия сторонами на себя обязательств, они должны быть исполнены, не допускаются односторонние действия, нарушающие договоренности сторон.

Несмотря на закрепление рассматриваемого принципа, ТК не содержит должной правовой регламентации по указанной проблематике.

Так, в ст. 376 ТК предусмотрено, что за неисполнение норм гл. 35 и обязательств, предусмотренных коллективным договором, соглашением, стороны несут ответственность в соответствии с законодательством, коллективным договором, соглашением. При этом в законодательстве, к которому отсылает бланкетная норма, предусмотрена специальная ст. 9.18 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) «Нарушение законодательства в сфере коллективных трудовых отношений» [3]. В рассматриваемой статье предусмотрены три различных объективных стороны: непредставление лицом, уполномоченным в соответствии с законодательством представлять нанимателя, информации, необходимой для ведения коллективных переговоров; неисполнение обязательного для сторон коллективного трудового спора решения трудового арбитража; действия, создающие препятствия исполнению своих трудовых обязанностей работником, не участвующим в забастовке.

Ни в одной из указанных частей не была предусмотрена ответственность за необоснованный отказ нанимателя или лица, его представляющего, от заключения коллективного договора, соглашения либо за нарушение или невыполнение нанимателем или лицом его представляющим, обязательств по коллективному договору, соглашению. При том, что в ТК закреплена и принцип обязательности исполнения условий коллективного договора, соглашения, а также предусмотрена норма, содержащая отсылку к специальному законодательству, должному закрепить ответственность за неисполнение указанных обязанностей.

Конечно, мы можем говорить о том, что возможность исполнения отдельных условий коллективного договора ставится в зависимость от наличия соответствующих финансовых средств, однако такой подход необоснованно противоречит принципу «учета реальных возможностей принятия реальных обязательств». Положения, закрепляемые в коллективном договоре, не должны носить «перспективный» или «вероятный» характер, они должны реально исполняться стороной, взявшей на себя соответствующие обязательства, следовательно и ответственность должна носить императивный характер, предусматривающий конкретную санкцию за неисполнение коллективного договора, соглашения.

В настоящее время в законодательстве Республики Беларусь предусматривается возможность привлечения одной из сторон к административной ответственности за неисполнение коллективного договора, соглашения. Однако, к сожалению, это требует проведения усложненной процедуры, т. е. только путем получения решения трудового арбитража и последующего его неисполнения возможно привлечь виновную сторону к ответственности. По нашему мнению, такой подход является невер-

ным и требует внесения соответствующих изменений со стороны законодателя. Нельзя ставить в зависимость возможность привлечения виновного субъекта к ответственности от факта наличия решения трудового арбитража. Такой подход ведет к отождествлению различных по своим характеристикам объективных сторон правонарушений. Объективной стороной ч. 3 ст. 9.18 КоАП является непосредственно факт неисполнения решения арбитражного суда, а объективной стороной неисполнения коллективного договора, соглашения – факт несоблюдения сторонами взятых коллективным договором, соглашением обязательств.

Считаем необходимым дополнить ст. 9.18 КоАП ч. 4 и 5 следующего содержания:

необоснованный отказ стороны коллективных переговоров от заключения коллективного договора, соглашения;

нарушение или невыполнение стороной коллективных переговоров обязательств по коллективному договору, соглашению.

Список использованных источников

1. Рекомендация МОТ № 91 о коллективных договорах [Электронный ресурс] : одобр. Генер. конф. МОТ, 6 июня 1951 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=540. – Дата доступа: 10.10.2019.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июня 1999 г., № 296-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.04.2014 г. № 134-З // Эталон. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

УДК 347.447

О.А. Бакиновская

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ УСЛОВИЙ ИНВЕСТИЦИОННОГО ДОГОВОРА С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ

Формирование современной экономики Республики Беларусь, направленной на обеспечение инновационного развития основных сфер общественной жизни, требует адекватного правового обеспечения, фор-

мирующего наиболее эффективные механизмы привлечения инвестиций, в том числе посредством заключения инвестиционного договора с Республикой Беларусь. Неисполнение или ненадлежащее исполнение последнего его сторонами влечет неблагоприятные последствия в виде наступления ответственности, в том числе, как правило, договорные отношения прекращаются вследствие расторжения такого договора.

Декрет Президента Республики Беларусь от 6 августа 2009 г. № 10 (в ред. от 16 июля 2019 г.) «О создании дополнительных условий для осуществления инвестиций в Республике Беларусь» (далее – Декрет № 10) к числу обязательных условий инвестиционного договора относит ответственность сторон инвестиционного договора (организации) за неисполнение либо ненадлежащее исполнение его условий, в том числе ответственность инвестора (инвесторов) и (или) организации за нарушение сроков реализации инвестиционного проекта и (или) этапов его реализации (при их наличии) и возмещение инвестору (инвесторам) убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) должностных лиц государственного органа или исполкома, заключивших от имени Республики Беларусь инвестиционный договор, и (или) иного государственного органа (организации). Если указанное положение Декрета № 10 разложить на составляющие, то мы можем в зависимости от субъектного состава выделить два аспекта ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий инвестиционного договора с Республикой Беларусь:

ответственность инвестора (инвесторов) и (или) организации;

ответственность со стороны Республики Беларусь.

На первый взгляд, данная конструкция представляется вполне логичной в силу того, что согласно подп. 1.1 п. 1 Декрета № 10 инвестиционный договор заключается именно между инвестором (инвесторами) и Республикой Беларусь. Однако возможно появление третьего субъекта – организации, реализующей инвестиционный проект. К числу таких организаций относится организация, созданная инвестором (инвесторами), либо организация, в отношении которой инвестор (инвесторы) имеет возможность определять принимаемые ею решения по основаниям, установленным законодательством. Появление такой организации обусловлено ситуациями, когда непосредственно сам инвестор не получает льготы и преференции, предусмотренные инвестиционным договором, поскольку, например, не является резидентом Республики Беларусь и для реализации инвестиционного проекта создает специальную проектную компанию, домицилированную в Республике Беларусь. Возможны так-

же ситуации, когда на стороне инвестора как стороны инвестиционного договора выступает несколько субъектов, имеющих желание совместно реализовать инвестиционный проект, и по условиям инвестиционного договора они обязуются учредить такую организацию, которая и получит необходимые льготы и преференции.

Обращаем внимание, что организация, реализующая инвестиционный проект, непосредственно не выступает стороной инвестиционного договора, но может выступать субъектом ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение его условий наряду с инвестором. При этом конструкция подп. 2.1 п. 2 Декрета № 10 позволяет субъектный состав в части ответственности построить по схеме: ответственность несет только инвестор, ответственность несет только организация, ответственность несут и инвестор и организация.

Нормы Декрета № 10 предписывают установление условиями инвестиционного договора ответственности инвестора и (или) организации за нарушение сроков реализации инвестиционного проекта и (или) этапов его реализации (при их наличии), при этом не определяются конкретные виды и размеры санкций.

Полагаем, что наиболее оптимальным вариантом здесь должно выступать взыскание неустойки, например, закрепление условиями инвестиционного договора системы штрафов и пеней. Вместе с тем наиболее оптимальным видится установление однократно взимаемого штрафа или пени в процентном соотношении от суммы невложенных инвестиций или в случае просрочки от суммы инвестиций по этапу, предлагаем на законодательном уровне закрепить максимальный размер неустойки. На практике данные суммы являются достаточно значительными и могут привести к экономической несостоятельности (банкротству) инвестора и (или) организации, так как основные причины допущения с их стороны соответствующих просрочек – это финансовые затруднения, вызванные экономическими факторами. Возможно следующее решение обозначенной проблемы. Первый вариант – установление максимально размера неустойки не более определенного процента от суммы инвестиций за каждый день просрочки, второй – установление максимального размера неустойки не более определенного процента от суммы инвестиций за каждый день просрочки, с ограничением общей суммы такой неустойки (например, в размере 0,01 % от суммы инвестиций по этапу за каждый день просрочки, но не более 10 % от суммы инвестиций по инвестиционному договору).

Несоответствующим общеправовому принципу справедливости следует признать подход одновременного установления однократного

штрафа и пени за каждый день просрочки. В данном случае цель привлечения инвестора и (или) организации к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий инвестиционного договора видится исключительно в экономическом наказании инвестора, что может повлечь экономическую несостоятельность или банкротство инвестора и, как следствие, прекращение реализации инвестиционного проекта. Республика Беларусь, заключая инвестиционный договор с инвестором и предоставляя при этом ему значительные льготы, говорит о своей заинтересованности в реализации инвестиционного проекта и потребности во вложении со стороны инвестора данных инвестиций в реализацию проекта.

Полагаем, возможно закрепление в условиях инвестиционного договора ответственности и со стороны Республики Беларусь, не ограничивающейся возмещением инвестору (инвесторам) убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) должностных лиц государственного органа или исполкома, заключивших от имени Республики Беларусь инвестиционный договор, и (или) иного государственного органа (организации).

С теоретико-правовой точки зрения представляет интерес возможность взыскания с инвестора и (или) организации процентов за пользование чужими денежными средствами по правилам ст. 366 Гражданского кодекса Республики Беларусь. По нашему мнению, на инвестиционные правоотношения, возникающие в рамках инвестиционного договора с Республикой Беларусь, норма о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами не может распространяться по следующим основаниям: во-первых, недовложение инвестиций по инвестиционному договору не означает пользование чужими денежными средствами, поскольку Республика Беларусь не становится конечным бенефициаром данных денежных средств, инвестор осуществляет инвестиции в реализацию инвестиционного проекта и, как правило, конечным бенефициаром становится субъект, с которым он экономически взаимосвязан; во-вторых, спорным предоставляется характер оценки обязательства между инвестором и Республикой Беларусь как денежного обязательства, но данный тезис нуждается в более глубокой научной проработке и обосновании.

Таким образом, полагаем обоснованным корректировку соответствующего законодательства с учетом вышеназванных предложений.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЯВКУ СТОРОН В СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПРОЦЕССАХ

В настоящее время одним из актуальных является вопрос совершенствования норм, направленных на обеспечение явки сторон гражданского и хозяйственного процесса, а также непрерывности судебных заседаний, которые содействовали бы реализации конституционного права на судебную защиту, правильному и своевременному рассмотрению дел в судах общей юрисдикции.

Вопрос о возможности разрешения спора в отсутствие кого-либо из участников процесса решается судом в подготовительной части судебного разбирательства после проверки их явки.

Согласно ст. 24.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) неуважение к суду, выразившееся в уклонении от явки в суд, т. е. неявка по вызову без уважительной причины, либо в неподчинении распоряжению председательствующего, либо в нарушении порядка во время судебного заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду, – влекут предупреждение, или наложение штрафа в размере до двадцати базовых величин, или административный арест.

В связи с этим возникает принципиальный вопрос: может ли сторона быть привлечена к ответственности за неявку в судебное заседание общего или экономического суда, особенно с учетом принципа диспозитивности и учитывая то, что соответствующие процессуальные кодексы предусматривают четкие последствия неявки как истца и ответчика, так и иных лиц?

В настоящее время в научной процессуальной литературе вопрос о юридической природе явки сторон на судебное разбирательство является дискуссионным. Ряд авторов (например, В.Д. Кайгородов, В.В. Молчанов, М.А. Митина, И.В. Уткина) считают, что стороны вправе самостоятельно решать вопрос о необходимости присутствия на рассмотрении дела. А.М. Румянцев, М.С. Шакарян, Л.Ф. Лазутина признают явку одновременно правом и обязанностью истца и ответчика. Существует также точка зрения и о том, что участие в судебном заседании является одной из основных обязанностей участников гражданского и хозяйственного судопроизводства.

Из анализа содержания Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК) следует, что в некоторых случаях суд вправе признать обязательным участие сторон в судебном разбирательстве, если это необходимо по обстоятельствам дела (ч. 2 ст. 286 ГПК), а также по отдельным категориям дел предусматривается обязательная явка данных участников судопроизводства (ч. 1 ст. 375, ч. 1 ст. 376², ч. 3 ст. 377, ч. 1 ст. 392, ч. 2 ст. 393⁷ ГПК и т. д.). Указание на обязанность присутствия на процессе должна содержаться в судебной повестке, направленной в адрес участника гражданского судопроизводства. В остальных случаях явка стороны в судебное заседание является, согласно ГПК, правом стороны.

Несколько иная ситуация сложилась в хозяйственном процессе. В Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (ХПК) отсутствуют категории дел, по которым явка сторон установлена в качестве обязанности. ХПК также не содержит норм, закрепляющих право судьи признать явку истца или ответчика обязательной. Вместе с тем согласно ч. 2 ст. 27 ХПК законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и иные судебные обращения обязательны для всех лиц, которым они адресованы. Следовательно, явка в экономический суд участников процесса является их обязанностью.

В то же время в ч. 1 ст. 143 ГПК и ч. 1 ст. 140 ХПК для обозначения процедуры уведомления используются два разных юридических понятия: «извещение» и «вызов». Термин «извещение» применяется в отношении заинтересованных участников процесса, а термин «вызов» – только в отношении лиц, оказывающих содействие осуществлению правосудия (свидетель, эксперт, специалист, переводчик). Кроме лексической разницы извещения и вызова, имеет место и существенная разница в правовых последствиях. Таким образом, буквальное толкование норм вышеуказанных кодексов позволяет сделать вывод о том, что за неявку по вызову суда административным санкциям могут быть подвергнуты только незаинтересованные участники судопроизводства. В связи с этим, по мнению В. Галич, можно говорить о невозможности привлечения к ответственности стороны за отсутствие на судебном заседании без уважительной причины.

Тем не менее санкция ст. 24.1 КоАП в виде предупреждения, наложения штрафа в размере до 20 базовых величин или административного ареста может быть применена в данном случае за неподчинение распоряжению судьи, поскольку последнее является обязанностью каждого участника процесса.

Итак, систематическое толкование норм ГПК и ХПК позволяет сделать вывод о неоднозначной процессуально-правовой природе явки сто-

роны в суд. В гражданском судопроизводстве истец и ответчик могут быть привлечены к административной ответственности только тогда, когда суд признал обязательным их участие в судебном разбирательстве либо обязательность присутствия обусловлена категорией дела. В остальных случаях присутствие на слушании дела является правом стороны, реализация которого зависит от ее усмотрения. В хозяйственном процессе явка в суд сторон является их обязанностью.

В настоящее время с целью совершенствования судебной системы Республики Беларусь, обеспечения единства судебной практики, повышения качества осуществления правосудия в Беларуси произведено объединение судов. С целью унификации норм ГПК и ХПК представляется необходимым разработать единый подход к определению последствий неявки сторон гражданского и хозяйственного судопроизводства в судебное заседание, а также правовой природы явки истца и ответчика, утвердив подход, закрепленный в хозяйственном судопроизводстве.

УДК 347.615

Е.В. Боровая

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Государство, формируя нормы о правовом положении несовершеннолетних, исходит прежде всего из учета интересов ребенка, старается максимально гарантировать реализацию его прав, обеспечить условия для здорового и нормального взросления ребенка. Одним из способов, позволяющих обеспечить материальное благополучие ребенка, является возможность взыскания алиментов в пользу несовершеннолетнего.

В соответствии с положениями ст. 91 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (КоБС) родители обязаны содержать своих несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей. Как правило, родители добровольно тратят часть своего заработка или иного дохода на удовлетворение потребностей своего ребенка: питание, одежду, досуг, получение образования, лечение, оздоровление и т. д. В том случае, когда родитель добровольно уклоняется от исполнения своей обязанности по предоставлению содержания ребенку, могут возникать алиментные обязательства на основании Соглашения о детях, решения суда или Соглашения об уплате алиментов. Следует отметить, что обязанность родителя уплачивать алименты в пользу своего несовершеннолет-

него ребенка является безоговорочной, т. е. не зависит от того, имеет ли родитель заработок, нуждается ли ребенок в содержании и т. д.

Законодательство о браке и семье Республики Беларусь предусматривает два порядка уплаты алиментов: добровольный (по заявлению лица, обязанного уплачивать алименты) или принудительный (по решению суда или на основании судебного приказа). Таким образом, в случае, если родители не предоставляют содержание своим несовершеннолетним детям добровольно, средства на их содержание (алименты) взыскиваются с родителей в судебном порядке. Важно отметить, что закон не увязывает возможность взыскания алиментов на содержание несовершеннолетних детей с состоянием или несостоянием родителей в зарегистрированном браке.

Вместе с тем на практике алиментные правоотношения в случае расторжения брака между родителями чаще всего разрешаются в судебном порядке, а не добровольно. В большинстве случаев при расторжении брака суд определяет место жительства ребенка с матерью, а отец обязывается выплачивать алименты на своего несовершеннолетнего сына или дочь. Алиментная обязанность в такой ситуации имеет глубокие моральные основания, поскольку в данном случае следует четко понимать, что алименты взыскиваются именно на содержание ребенка, а не бывшего супруга, с которым у плательщика могут сложиться неприязненные и даже конфликтные отношения.

Размер алиментов, взыскиваемых с родителей на несовершеннолетних детей, может быть определен в Соглашении о детях, Соглашении об уплате алиментов или Брачном договоре. В том случае, если данные соглашения или договор не заключались, алименты определяются судом в следующих размерах: на одного ребенка – 25 %, на двух детей – 33 %, на трех детей и более – 50 % заработка и (или) иного дохода родителей в месяц. При этом для трудоспособных родителей минимальный размер алиментов в месяц должен составлять не менее 50 % на одного ребенка, 75 % – на двух детей, 100 % – на трех детей и более бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения (ч. 1 ст. 92 КоБС). В соответствии со ст. 94 КоБС при отсутствии Соглашения о детях, Соглашения об уплате алиментов, а также если размер алиментов не определен Брачным договором, в случаях, когда родители, обязанные уплачивать алименты, имеют нерегулярный заработок и (или) доход или получают его часть в натуре (лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, члены фермерского хозяйства и т. п.), а также в других случаях, когда взыскание алиментов в установленном ст. 92 КоБС размере невозможно или затруднительно, алименты могут быть взысканы в твердой

денежной сумме или в сумме, соответствующей определенному количеству базовых величин, подлежащей выплате ежемесячно.

В соответствии с ч. 2 ст. 92 КоБС размер алиментов может быть уменьшен судом, если у родителя, обязанного уплачивать алименты, имеются другие несовершеннолетние дети, которые при взыскании алиментов в установленном законодательством размере оказались бы менее обеспеченными материально, чем дети, получающие алименты, а также в случаях, если родитель, с которого взыскиваются алименты, является инвалидом I или II группы. Таким образом, исходя из смысла указанной статьи инвалидность III группы, которая не препятствует трудоустройству, не является основанием для снижения размера алиментов. Кроме того, при разрешении таких дел суд исходит из заработка (дохода) плательщика алиментов с учетом нетрудоспособных членов семьи, которых по закону он обязан содержать. Зарботок других членов семьи плательщика, а также того родителя ребенка, который взыскивает алименты, и членов его семьи учету не подлежат. Кроме того, если в судебном заседании будет установлено, что иск предъявлен в целях необоснованного снижения размера взыскиваемых алиментов на детей от других матерей или в целях уклонения ответчика от выполнения обязательств перед другими лицами (например, по возмещению причиненного ущерба), суд отказывает в таком иске.

Одной из основных причин уклонения от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей является нежелание оказывать материальную помощь бывшему супругу. Неплательщики алиментов мотивируют свое нежелание предоставлять денежное содержание ребенку тем обстоятельством, что они не могут контролировать расходование денег, не верят, что они будут потрачены именно на ребенка. В последнее время в СМИ широко обсуждается вопрос о возможности введения обязанности лиц, получающих алименты на содержание несовершеннолетних детей, отчитываться о том, на что конкретно они израсходовали определенные денежные суммы. Вместе с тем реального механизма контроля за расходованием денег не предлагается. Разумеется, сложно предположить, что родитель, с которым проживает несовершеннолетний будет собирать все чеки на покупку, например, продуктов питания, а также высчитывать, какую их часть съел именно ребенок. Кроме того, в подобной ситуации неизбежно возникновение споров, связанных с определением количества и качества покупок, осуществляемых для ребенка. Например, один родитель может считать, что обучение ребенка иностранному языку у репетитора необходимо для его будущей жизни, а другой посчитает его излишне дорогостоящим мероприятием,

без которого можно обойтись. Возникнут также вопросы, связанные с оздоровлением и лечением ребенка, оплатой его досуга и т. д. Полагая, что введение обязанности отчитываться за потраченные алименты, приведет к возникновению большого количества конфликтов и споров, не будет способствовать налаживанию отношений бывших супругов, вряд ли позитивно скажется на психологической ситуации в семье, не будет способствовать нормальным взаимоотношениям с ребенком. Контроль за расходованием средств, безусловно, может осуществляться на добровольной основе, по взаимной договоренности между бывшими супругами. Но каким образом поступать, если родители не приходят к общему мнению, не могут согласовать расходы на содержание своего несовершеннолетнего ребенка? Полагаем, в данной ситуации следует исходить из той суммы, которая выплачивается на содержание одного несовершеннолетнего ребенка. Контроль за расходованием средств может осуществляться только в том случае, если на ребенка потрачен минимальный потребительский бюджет, а не бюджет прожиточного минимума (в совокупности средств, внесенных обоими родителями), который обеспечивает лишь удовлетворение минимальных потребностей несовершеннолетнего. Разумеется, в том случае, если сумма алиментов намного превышает указанные размеры, родитель, производящий их уплату, имеет моральное право контролировать, на что потрачены предоставленные им денежные средства.

Полагаем, отсутствие правового механизма контроля за расходованием алиментов не может послужить моральным оправданием для лиц, уклоняющихся от содержания своих несовершеннолетних детей, и не должно приниматься во внимание при привлечении их к юридической ответственности.

УДК 351.74:349.225.6

А.А. Брисюк

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О СЛУЖЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ
И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
И ДРУГИХ ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ**

В современных условиях укрепление дисциплины и правопорядка в Республике Беларусь является важнейшей основой обеспечения общественной безопасности, ускорения социально-экономического развития

страны, улучшения жизни людей. С учетом этого масштабные изменения, внесенные в Трудовой кодекс Республики Беларусь (ТК), ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов», с необходимостью затронули сферу трудовой дисциплины и дисциплинарной ответственности работников. Так, название гл. 13 и ст. 193 ТК, в которых ранее говорилось только об одном виде дисциплины – трудовой, изложены в новой редакции, где речь идет уже о трех видах дисциплины – производственно-технологической, исполнительской и трудовой. При этом производственно-технологическая дисциплина определяется как соблюдение установленных технологических регламентов и нормативов при производстве продукции (выполнении работ, оказании услуг), требований производственного процесса, технологии изготовления продукции (выполнения работ, оказания услуг), а также требований по рациональному использованию сырья, материальных и человеческих ресурсов. Исполнительская и трудовая дисциплина – обязательное для всех работников подчинение установленному трудовому распорядку и надлежащее исполнение своих обязанностей, письменных и устных приказов (распоряжений) нанимателя, не противоречащих законодательству и локальным правовым актам. В ст. 198 ТК предусмотрена такая новая мера дисциплинарного взыскания, как лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до 12 месяцев. Внесены изменения в ст. 199 ТК о порядке применения дисциплинарных взысканий и ст. 200 ТК о сроках применения дисциплинарных взысканий в части уточнения сроков при применении дисциплинарных взысканий.

По нашему мнению, некоторые изменения, внесенные в ТК, должны получить отражение в нормах законодательства о служебной дисциплине и дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел и других военизированных организаций. Это касается в первую очередь норм Дисциплинарного устава органов внутренних дел Республики Беларусь (далее – Дисциплинарный устав ОВД) как важнейшего акта законодательства, который определяет содержание служебной дисциплины в органах внутренних дел, обязанности начальников по ее поддержанию, порядок применения к сотрудникам органов внутренних дел поощрений и дисциплинарных взысканий, а также порядок обжалования ими решений о применении дисциплинарных взысканий. Актуальность правильного и своевременного решения данного вопроса всемерно возрастает в связи с разработкой в настоящее время унифицированного Дисциплинарного устава военизированных организаций, который будет распространяться на сотрудников всех военизированных организаций.

Так, полагаем, в современных условиях в первую очередь нуждаются в уточнении определения служебной дисциплины и дисциплинарного проступка (п. 2 и 3 Дисциплинарного устава ОВД).

Думается, что в определении дисциплины в органах внутренних дел и других военизированных организациях наряду со служебной дисциплиной речь должна идти и об исполнительской дисциплине; в числе актов, устанавливающих служебные обязанности сотрудников, следует указать правила внутреннего служебного распорядка; здесь целесообразны также некоторые редакционные уточнения.

Исходя из сказанного предлагаем п. 2 Дисциплинарного устава ОВД изложить в следующей редакции: «Служебная и исполнительская дисциплина в органах внутренних дел – строгое и точное исполнение сотрудниками органов внутренних дел своих служебных обязанностей, установленных актами законодательства (в том числе Дисциплинарным уставом, Присягой, Правилами профессиональной этики) и Правилами внутреннего служебного распорядка, а также безусловное соблюдение условий заключенных с ними контрактов и выполнение приказов начальников».

Считаем, что в определении дисциплинарного проступка наряду с нарушением служебной дисциплины речь должна идти и о нарушении исполнительской дисциплины; здесь целесообразны также некоторые редакционные уточнения.

На основании изложенного предлагаем п. 3 Дисциплинарного устава ОВД изложить в следующей редакции: «Нарушение служебной и исполнительской дисциплины (дисциплинарный проступок) – противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение сотрудником органов внутренних дел своих служебных обязанностей, а также несоблюдение условий заключенного с ним контракта и невыполнение или ненадлежащее выполнение приказов начальников».

С учетом изменений, внесенных в ст. 200 ТК, и принимая во внимание сложившуюся правоприменительную практику по вопросам о порядке применения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел, считаем целесообразным ч. 1 п. 46 Дисциплинарного устава ОВД изложить в следующей редакции: «Дисциплинарное взыскание применяется не позднее одного месяца со дня обнаружения дисциплинарного проступка, не считая времени болезни сотрудника органов внутренних дел или ухода за больным членом семьи, подтвержденных листком нетрудоспособности или справкой о временной нетрудоспособности, пребывания его в отпуске или командировке».

Полагаем, что предлагаемые нами меры по совершенствованию законодательства о служебной дисциплине и дисциплинарной ответствен-

ности в органах внутренних дел и других военизированных организациях позволят обеспечить более эффективную реализацию положений Дисциплинарного устава, улучшить морально-психологический климат в коллективах сотрудников, что будет способствовать успешному выполнению органами внутренних дел и другими военизированными организациями стоящих перед ними важных и ответственных задач.

УДК 349.227

С.С. Бычкова

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАДЕРЖКУ РАСЧЕТА ПРИ УВОЛЬНЕНИИ РАБОТНИКА В УКРАИНЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В Украине на уровне Основного Закона провозглашено: право на своевременное получение вознаграждения за труд защищается законом (ч. 7 ст. 43 Конституции Украины). Хотя на практике наниматели не всегда выплачивают вознаграждение работникам в установленные сроки, особенно при их увольнении. Иногда это связано с приостановлением хозяйственной деятельности нанимателя, ликвидацией соответствующего юридического лица и другими, в той или иной степени, объективными причинами. Однако в законодательстве никаких исключений из указанного правила не предусмотрено.

Общие нормативные предписания о сроках выплаты заработной платы на расчеты при увольнении работника не распространяются, поскольку законодатели и Украины, и Республики Беларусь установили специальные правила для соответствующих случаев.

Так, согласно ч. 1 ст. 116 Кодекса законов о труде Украины (далее – КЗоТ Украины) при увольнении работника выплата всех сумм, причитающихся ему от предприятия, учреждения, организации, производится в день увольнения. Если работник в день увольнения не работал, то указанные суммы должны быть выплачены не позднее следующего дня после предъявления уволенным работником требования о расчете. Даже при наличии спора о размере сумм, причитающихся работнику при увольнении, собственник или уполномоченный им орган в любом случае обязан в обозначенные сроки выплатить сумму, которая им не оспаривается (ч. 2 ст. 116 КЗоТ Украины).

Подобные нормы закреплены и в ст. 77 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь). Единственное отличие – в законодательстве Украины регламентировано производство

выплаты в день увольнения, а в Республике Беларусь установлено, что она производится не позднее дня увольнения. Таким образом подчеркивается возможность получения причитающихся работнику, который увольняется (которого увольняют), от нанимателя выплат заранее, до дня увольнения.

Для дополнительного обеспечения анализируемого права работника в законодательстве обеих стран предусмотрена ответственность за задержку расчета при увольнении работника.

В соответствии с ч. 1 ст. 117 КЗоТ Украины в случае невыплаты по вине собственника или уполномоченного им органа причитающихся уволенному работнику сумм в сроки, указанные в ст. 116 КЗоТ Украины, при отсутствии спора об их размере предприятие, учреждение, организация должны выплатить работнику его средний заработок за все время задержки по день фактического расчета.

В ст. 78 ТК Республики Беларусь закреплено следующее: в случае невыплаты по вине нанимателя в сроки, установленные ч. 1 ст. 77 ТК Республики Беларусь, причитающихся на день увольнения сумм выплат работник имеет право взыскать с нанимателя средний заработок за каждый день их задержки, а в случае невыплаты части суммы – пропорционально невыплаченным при расчете денежным суммам.

Как видим, положения достаточно сходны, хотя есть и существенные отличия в правовом регулировании соответствующих вопросов.

Выделим условия привлечения к ответственности за задержку расчета при увольнении, к которым относятся:

невыплата причитающихся уволенному работнику сумм (независимо от того, на каком основании он уволен);

наличие в этом вины собственника предприятия, учреждения, организации или уполномоченного им органа, нанимателя. Следует отметить, что наличие у собственника соответствующего юридического лица, уполномоченного им органа, нанимателя финансовых трудностей не исключают наличие вины в невыплате необходимых сумм уволенному работнику;

несоблюдение сроков расчета при увольнении, определенных в ст. 116 КЗоТ Украины, ст. 77 ТК Республики Беларусь.

В законодательстве Украины специально оговорено еще одно условие: отсутствие спора о размере причитающихся к выплате работнику сумм. При наличии спора о размерах причитающихся уволенному работнику сумм собственник или уполномоченный им орган должен выплатить указанное возмещение в том случае, если спор решен в пользу работника. Если спор решен в пользу работника частично, то размер

возмещения за время задержки определяет орган, который принимает решение по существу спора (ч. 2 ст. 117 КЗоТ Украины).

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в Украине при наличии указанных условий в совокупности работнику в любом случае должны быть выплачены не только суммы, подлежащие ему на день увольнения, но и его средний заработок за все время задержки: со дня увольнения (в случае, когда работник в этот день не работал, – со следующего дня после предъявления уволенным работником требования о расчете) по день фактического расчета.

Исходя из законодательной формулировки ст. 78 ТК Республики Беларусь работник имеет право на взыскание обозначенных сумм. Таким образом, можно сделать вывод, что в указанном нормативном правовом акте не закреплена обязанность нанимателя осуществить дополнительные выплаты, предусмотренные как ответственность за каждый день задержки расчета без предъявления соответствующего требования уволенным работником.

На наш взгляд, в этом вопросе в большей мере обеспечивается право уволенного работника на своевременные выплаты причитающихся сумм в Украине. Ведь в ее законодательстве нормативно предписано, что в любом случае виновный несет ответственность. Кроме того, усматривается, что правило, закрепленное в ст. 78 ТК Республики Беларусь, является недостаточно полно сформулированным, поскольку не устанавливает, куда необходимо обращаться уволенному работнику для предъявления требования о взыскании возмещения.

Есть определенное упущение в законодательном регулировании рассматриваемого вопроса и в Украине. Как установлено в ч. 2 ст. 117 КЗоТ Украины, при частичном решении дела о размерах причитающихся уволенному работнику сумм в пользу последнего размер возмещения за время задержки определяет орган, который принимает решение по существу спора. При этом не указано, из чего следует исходить при определении размера возмещения.

В Республике Беларусь более конкретно определено, что взыскание производится пропорционально невыплаченным при расчете денежным суммам.

Таким образом, считаем, украинскому законодателю целесообразно конкретизировать ч. 2 ст. 117 КЗоТ Украины, установив, что при решении вопроса о размере возмещения уволенному работнику необходимо применять принцип пропорциональности, т. е. присуждать сумму возмещения, рассчитанную пропорционально размеру удовлетворенных требований такого работника.

УДК 349.222

Д.В. Гапоненко

МЕДИАТИВНАЯ ОГОВОРКА В ТРУДОВОМ ДОГОВОРЕ

Содержание и условия трудового договора, являющегося базовым элементом регулирования трудовых правоотношений, возникающих между работником и нанимателем, определяются по соглашению между ними с учетом сведений и условий, выделенных законодателем Республики Беларусь в качестве обязательных (ч. 2 ст. 19 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК)).

Наряду с этим стороны полномочны предусмотреть дополнительные не противоречащие законодательству условия трудового договора (ч. 3 ст. 19 ТК), среди которых возможно закрепление положения о медиативной оговорке.

В рамках проекта Центра медиации и переговоров термин «медиативная оговорка» трактуется как письменное соглашение сторон, заключенное до возникновения правового конфликта (спора), о применении медиации в отношении правовых конфликтов (споров), которые могут возникнуть в будущем.

Для уяснения сущности данного правового феномена считаем обоснованным обратиться к анализу зарубежного законодательства, которое позволяет констатировать двойственный характер соглашения о применении медиации как базового элемента процедуры медиации. Данное утверждение обусловлено тем, что соглашение о применении медиации включает в себя два самостоятельных соглашения, именуемых по-разному:

ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» – соглашение о применении медиации (медиативная оговорка) и соглашение о проведении процедуры медиации;

ст. 2 Закона Республики Молдова от 3 июля 2015 г. № 137 «О медиации» – соглашение о медиации и договор о медиации, содержание которых свидетельствует о том, что соглашение о медиации выступает медиативной оговоркой.

При этом законодателем Республики Беларусь в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон о медиации) отражен единый подход (соглашение о применении медиации не делится на самостоятельные виды).

Следует также подчеркнуть, что весьма актуальным выступает вопрос соотношения категорий «соглашение о применении медиации» и «медиативная оговорка». На наш взгляд, медиативная оговорка выступает одним из элементов соглашения о применении медиации, о чем свидетельствуют положения законов «О медиации» Российской Федерации и Республики Молдова. Однако медиативная оговорка, согласно положениям законодательства Республики Беларусь, не влечет тех правовых последствий, которые возникают в связи с заключением соглашения о применении медиации (например, приостановление сроков обращения за разрешением трудовых споров (ст. 242 ТК), при этом данный вопрос требует проведения отдельного исследования ввиду его законодательной недоработки).

Базовым принципом проведения медиации в Республике Беларусь выступает принцип добровольности (ст. 3 Закона о медиации). При этом справедлива позиция Е.В. Чичиной, которая на основании анализа процессуального законодательства отмечает, что применение медиативной оговорки не препятствует дальнейшему возникновению гражданского или арбитражного процесса, не является основанием для отказа в принятии или возврата искового заявления. Данный подход в полной мере согласуется с Директивой 2008/52/ЕС относительно некоторых аспектов медиации в гражданских и коммерческих делах, согласно которой добровольность медиации трактуется прежде всего как право добровольного отказа от ее проведения (в том числе при наличии медиативной оговорки). Таким образом, проводя параллель между гражданским и арбитражным процессом, а также трудовым правом, использование медиативной оговорки в тексте трудового договора (контракта) не лишает стороны в случае неразрешения имеющегося между ними правового конфликта (спора) права на обращение в суд для защиты своих прав и законных интересов, и не обязывает стороны использовать медиацию для разрешения имеющегося между ними правового конфликта (спора), однако служит явной альтернативой судебному разбирательству.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что включение условия о медиативной оговорке в текст трудового договора (контракта) способствует внедрению медиации в процесс разрешения правовых конфликтов (споров) в сфере труда неюрисдикционным способом, не нарушая при этом принципа добровольности применения медиации. Считаем также целесообразным положение о медиативной оговорке включать в пункт «Дополнительные условия» трудового договора (контракта).

УДК 351.74 + 342.56

А.В. Гоев

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Республика Беларусь, являясь правовым государством, декларирует обязанность каждого, кто находится на ее территории соблюдать законодательство. При этом в соответствии со ст. 59 Конституции Республики Беларусь государственные органы и их должностные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны принимать меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Во исполнение этих положений на территории нашего государства существует определенная система правоохранительных органов, задачей которых является защита прав и законных интересов граждан, организаций, защита государственных и общественных интересов, соблюдение законности и т. п., и система органов принудительного исполнения, основной задачей которых является соблюдение и охрана интересов государства, прав и законных интересов юридических и физических лиц путем своевременного и полного исполнения судебных постановлений и иных исполнительных документов. Несмотря на то что основной задачей правоохранительных органов является защита государственных и общественных интересов, а органов принудительного исполнения – осуществление исполнительного производства, деятельность данных органов в отдельных аспектах связана между собой (например, исполнительное производство по обвинительному приговору суда; уголовное преследование за уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении, и др.). В связи с этим возникает множество вопросов, затрагивающих взаимодействие правоохранительных органов и органов принудительного исполнения, которые в настоящее время остаются нерешенными.

Как известно, в исполнительном производстве могут применяться меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, которые, в отличие от исполнительных действий и мер принудительного исполнения, направлены на создание условий для обеспечения исполнения судебных постановлений и иных актов как в процессе исполнительного производства, так и до него. При этом меры по обеспечению исполнительного производства могут применяться не только судебными исполнителями, но и органами, ведущими процесс. В случае соверше-

ния преступления, за которое предусмотрена конфискация имущества, следователь в соответствии со ст. 156 УПК обязан принять меры по обеспечению гражданского иска и исполнению приговора в части конфискации имущества. Для того чтобы выявить имущество, на которое может быть наложен арест, следователь уполномочен на осуществление следующих следственных и иных процессуальных действий: осмотры жилища и иного законного владения; обыска; выемки; допросы; запросы в организации, владеющие информацией об имущественном положении подозреваемого (обвиняемого). При этом уголовное процессуальное законодательство предусматривает возможность применения средств фото- и видеofиксации при проведении следственных действий. После выявления имущества, которое подлежит конфискации, а также имущества, за счет которого возможно возмещение ущерба, причиненного преступлением, следователь выносит постановление о наложении ареста на данное имущество. После чего составляется протокол описи арестованного имущества, в котором указываются признаки данного предмета, позволяющие его отличить от других предметов (размер, цвет, форма, марка, номер (если таковой имеется) и иные признаки). В отдельных случаях для наложения ареста на имущество необходимо получить санкцию прокурора (имущество, принадлежащее подозреваемому (обвиняемому), но находящееся у других лиц; денежные средства, находящиеся на счетах в банках либо небанковских кредитно-финансовых организациях, и др.).

Заключительным этапом обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением, является обеспечение сохранности арестованного имущества. Данное имущество может как изыматься у собственника, так и оставаться при нем. В случае если имущество остается у собственника, у него берется подписка о предупреждении об ответственности за сохранность имущества. В случае если имеются опасения, что собственник может скрыться с данным имуществом либо его уничтожить, арестованное имущество изымается и передается на хранение представителю местного исполнительного и распорядительного органа либо организации, осуществляющей эксплуатацию жилищного фонда. Так, для привлечения должника к уголовной ответственности судебный исполнитель направляет в органы уголовного преследования представление о том, что в действиях должника усматриваются признаки соответствующего преступления. Таким образом, в рамках данной формы осуществляется решение следующих задач: охрана прав и свобод участников исполнительного производства, общая и частная превенция преступлений в сфере исполнительного производства, быстрое и полное раскрытие указанных выше групп преступлений.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что правоохранительные органы наравне с другими государственными органами и организациями являются юридическим лицом, из чего следует, что они вправе вступать в гражданские, и как следствие, гражданско-процессуальные правоотношения.

На основании изложенного можно констатировать, что в Республике Беларусь взаимодействие между правоохранительными органами и органами принудительного исполнения в настоящее время осуществляется на стадии совершения следователем процессуальных действий по уголовным делам, по которым в дальнейшем может быть возбуждено исполнительное производство и на стадии предварительного расследования уголовных дел, выявленных в процессе исполнительного производства. В рамках первой формы взаимодействия следователь с целью принятия мер по обеспечению гражданского иска и исполнению приговора осуществляет ряд следственных и иных процессуальных действий, таких как осмотры жилища и иного законного владения; обыск; выемки; допросы; запросы в организации, владеющие информацией об имущественном положении подозреваемого (обвиняемого); наложение ареста на имущество. В рамках второй формы взаимодействия осуществляется предварительное расследование следователем трех групп преступлений: совершенных судебными исполнителями, совершенных в отношении судебных исполнителей, выявленных судебными исполнителями.

В целях повышения эффективности исполнительного производства считаем целесообразным наделить органы принудительного исполнения полномочиями по ведению административного процесса, а также полномочиями органов дознания по принятию решений о возбуждении уголовных дел, выявленных судебными исполнителями в ходе осуществления ими своих полномочий, и дальнейшему производству по ним предварительного дознания.

УДК 349.223

А.А. Греченков

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ ТРУДОВОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ

В современных условиях особое значение приобретает задача активизации научных исследований и на их основе повышения эффективности правового регулирования дисциплины и ответственности в сфере

труда. Это в полной мере касается необходимости дальнейшего научного анализа и совершенствования ряда норм гл. 37 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК), регулирующей материальную ответственность работников.

На ряд проблемных положений данной главы нами обращалось внимание при работе в составе рабочей группы по подготовке проекта Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь» (принят 18 июля 2019 г. как Закон Республики Беларусь № 219-З «Об изменении законов») (далее – Закон № 219-З). Рассмотрим подробнее те из них, которые касаются установленных ст. 400 порядка и условий привлечения работника к материальной ответственности.

Так, необходимо учитывать, что привлечение работников к материальной ответственности представляет собой достаточно сложный процесс (порядок), состоящий из ряда постоянных этапов (стадий). К сожалению, указанные этапы системного закрепления в ТК не получили. В результате на практике нередко возникают ситуации «перепутанности» этапов и как следствие этого – ошибки в правоприменении. С учетом сказанного считаем целесообразным:

дополнить ст. 400 новой частью 1 следующего содержания:

«Порядок привлечения работников к материальной ответственности включает в себя:

1) определение условий, при одновременном наличии которых может иметь место привлечение работников к материальной ответственности (ст. 400 настоящего Кодекса);

2) определение размера материальной ответственности работника: полная или ограниченная (ст. 402 настоящего Кодекса), индивидуальная или коллективная (бригадная) (ст. 406 настоящего Кодекса);

3) определение размера причиненного работником ущерба (ст. 407 настоящего Кодекса);

4) определение порядка возмещения ущерба: добровольный (ст. 401 настоящего Кодекса) или принудительный (ст. 408 настоящего Кодекса).»;

название статьи изложить в следующей редакции:

«Статья 400. Порядок и условия привлечения работников к материальной ответственности».

Материальная ответственность работников возможна только при наличии определенных условий. В соответствии с ч. 1 ст. 400 условиями, при одновременном наличии которых работник может быть привлечен к материальной ответственности, являются:

ущерб, причиненный нанимателю;

противоправность деяния (действия или бездействия) работника; прямая причинная связь между противоправным деянием работника и наступившим ущербом;

вина работника в причинении ущерба.

Согласно ч. 2 данной статьи работник обязан возместить нанимателю только реальный ущерб. Упущенную выгоду в отличие от гражданского законодательства, которое предусматривает полное возмещение убытков (ст. 14 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК)), работник возмещать не должен. Исключением из данного правила является случай причинения ущерба не при исполнении трудовых обязанностей (п. 6 ст. 404 ТК).

Важной новеллой ч. 2, внесенной Законом № 219-З, является то, что в ней раскрывается понятие реального ущерба. К сожалению, понятие упущенной выгоды законодатель до сих пор не сформулировал. В данной ситуации (и в иных ситуациях подобного рода) целесообразно использовать соответствующие положения других кодексов Республики Беларусь. Так, исходя из понятия упущенной выгоды (сформулированного в ч. 1 п. 2 ст. 14 ГК) и сложившейся практики под упущенной выгодой следует понимать неполученные доходы нанимателя, связанные с утратой, ухудшением или понижением ценности его имущества (например, убытки, вызванные простоем оборудования в течение времени его ремонта).

С учетом сказанного считаем целесообразным дополнить ч. 2 ст. 400 следующими словами: «Под упущенной выгодой понимаются неполученные доходы нанимателя, связанные с утратой, ухудшением или понижением ценности его имущества».

Отметим, что по нашей инициативе Законом № 219-З были внесены коррективы в ч. 3 ст. 400, определяющую понятие противоправного поведения работника. В настоящее время она сформулирована следующим образом: «Противоправным признается такое поведение (действие или бездействие) работника, при котором он не исполняет или ненадлежащим образом исполняет обязанности, возложенные на него настоящим Кодексом, иными актами законодательства о труде, коллективным договором, иными локальными правовыми актами, трудовым договором».

Для привлечения работников к материальной ответственности необходимо, чтобы между противоправным поведением работника и возникшим у нанимателя ущербом имела место прямая причинная связь. При этом понятие прямой причинной связи в рассматриваемой статье не раскрывается. Не определяется данное понятие и в других кодексах Республики Беларусь.

Полагаем, что прямая причинная связь между противоправным поведением работника и возникшим у нанимателя ущербом означает, что непосредственной причиной возникшего у нанимателя ущерба явилось именно противоправное поведение работника, а не какие-либо другие события или действия.

С учетом сказанного считаем целесообразным дополнить ст. 400 новой частью следующего содержания: «Причинная связь между противоправным поведением работника и возникшим у нанимателя ущербом означает, что непосредственной причиной возникшего у нанимателя ущерба явилось именно противоправное поведение работника, а не какие-либо другие события или действия».

Необходимым условием для привлечения работника к материальной ответственности является также наличие его вины в причинении ущерба. При этом рассматриваемая статья не раскрывает понятия вины и ее формы. Указанные положения определяются, в частности, в ст. 21–23 Уголовного кодекса Республики Беларусь и ст. 3.1–3.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Под виной понимается психическое отношение физического лица к совершенному им противоправному деянию. Формы вины – умысел (прямой или косвенный) либо неосторожность (в виде легкомыслия или небрежности). В большинстве случаев причинение работниками ущерба нанимателю имеет место по неосторожности (как по легкомыслию, так и по небрежности).

Презумпция невиновности работника в причинении ущерба нанимателю предусмотрена ТК, поскольку согласно ч. 4 ст. 400 обязанность доказать факт причинения ущерба, а также наличие других условий материальной ответственности (в том числе вину работника) возложена на нанимателя. Исключения из данного правила установлены ч. 5 данной статьи для работников, несущих полную материальную ответственность на основании конкретных пунктов (1, 2, 4 и 6) ст. 404 ТК, поскольку эти работники обязаны доказать отсутствие своей вины в причинении ущерба.

С учетом сказанного считаем целесообразным: дополнить ст. 400 новыми частями следующего содержания: «Вина состоит в психическом отношении работника к совершенному им противоправному деянию и выражается в форме умысла или неосторожности.

Обязанность доказать вину работника лежит на нанимателе.»; в п. 1 ст. 403 слово «небрежности» заменить словом «неосторожности» с учетом того, что по смыслу данной нормы речь в ней должна идти о двух видах неосторожности – как о небрежности, так и о легкомыслии.

ПРОЦЕДУРНЫЕ ПРОБЕЛЫ В ПРАКТИКЕ УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКА-СОВМЕСТИТЕЛЯ

Прекращение трудового договора с работником, работающим по совместительству ст. 350 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК), оформляется письменным приказом (распоряжением) нанимателя. Работник должен быть ознакомлен с приказом об увольнении под подпись. При увольнении совместителя в случае приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной, ссылка в приказе (распоряжении) делается на ст. 350 ТК, формулировка увольнения представляется в следующем виде: «Уволен в связи с приемом на работу работника, для которого данная работа является основной». В соответствии с этим ст. 350 ТК позволяет сделать вывод о том, что дата увольнения в приказе должна быть определена днем, предшествующим дню приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной.

Увольнение по ст. 350 ТК не требует от нанимателя соблюдения условий и процедур, требуемых при использовании других оснований увольнения, в частности предупреждения работника о предстоящем увольнении. Не применяются нормы ст. 46 ТК об уведомлении (получении предварительного согласия) профсоюза, ст. 43 ТК о недопустимости увольнения работника в период временной нетрудоспособности либо пребывания его в отпуске. Согласие работника, работающего по совместительству, на увольнение по ст. 350 ТК также не требуется. Это дополнительное основание распространяется не только на совместителей, работающих по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок, но и на совместителей, работающих по срочному трудовому договору (контракту). Работник-совместитель может быть уволен по основанию только в силу приема на работу работника, для которого эта работа будет являться основной, т. е. недопустимо увольнение по данному основанию одного совместителя для приема на работу другого совместителя.

Статья 350 ТК ставит работника-совместителя в несколько жесткие рамки. Он может быть уволен в любое время при любых обстоятельствах и лишится заработка, на который рассчитывал. С другой стороны, совместитель – это не основной работник. Наниматель, вступая в трудовые отношения с работником-совместителем, тоже рискует, так как такой сотрудник может в любое время подать заявление об увольнении и даже, не получив положительной резолюции, просто оставить работу.

На практике это встречается достаточно часто. В этом случае увольнять работника приходится за прогул, соблюдая процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности, ознакомить в пятидневный срок и т. д. В то время как для работника это увольнение никаких негативных правовых последствий не несет. Поскольку запись о работе по совместительству вносится в трудовую книжку по желанию работника, поэтому для нанимателя предпочтительнее работник, для которого это место работы основное. По крайней мере, законодатель дает нанимателю право выбора. Как поступить, если совместитель становится основным работником? Самое простое решение при трансформации совместителя в основного работника – это применить процедуру увольнения и дальнейшего приема на работу. Для этого необходимо: расторгнуть трудовой договор о работе по основному месту работы: по соглашению сторон или по желанию работника; расторгнуть трудовой договор о работе по совместительству: по соглашению сторон или по желанию работника; заключить новый трудовой договор по месту основной работы.

Процедура увольнения работника обычная: от работника потребуется написать заявление об увольнении, а от нанимателя – издать соответствующий приказ, ознакомить с ним работника и произвести полный расчет при увольнении. Как правило, вопросы возникают при внесении записи в трудовую книжку. Это зависит от того, была первоначально внесена запись о приеме совместителя или нет.

Рассмотрим следующие случаи. Запись в трудовую книжку сведений о работе по совместительству вносится нанимателем по месту его основной работы на основании документа, подтверждающего работу по совместительству (справка о месте работы, службы и занимаемой должности в соответствии с п. 14 постановления Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь от 16 июня 2014 г. № 40, в ред. 19 марта 2018 г. № 34 (далее – постановление № 40)). При прекращении трудового договора (контракта) по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 35 ТК, за исключением случаев расторжения (прекращения) трудового договора (контракта) по инициативе нанимателя и по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, в трудовую книжку вносится запись об увольнении работника со ссылкой на пункт ч. 2 ст. 35 ТК (п. 37 постановления № 40).

Если в трудовой книжке не было записи о приеме на работу по совместительству, то и запись об увольнении обычно не вносится, а делается запись о приеме на основную работу. Здесь на практике возникает ряд вопросов. Нужно ли увольнять работника? Правильно ли это? По сути, трудовые отношения никуда не исчезают, а изменяются только их

условия. Кроме того, во многих организациях в локальных правовых актах предусмотрен непрерывный стаж работы в организации, который влияет на какие-либо льготы, например на постановку на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий, предоставление трудового отпуска за первый рабочий год и т. д. Получается так, что, увольняя работника, наниматель нарушает его социально-трудовые права. Трудовое законодательство не содержит правовой регламентации положений о том, как внешний совместитель может стать основным работником. Значит, заключение дополнительного соглашения без процедуры увольнения вполне приемлемо.

Внимания заслуживает вопрос увольнения работника-совместителя, когда он принят на руководящую должность. С 1 января 2015 г. вступил в силу Декрет Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций» (далее – Декрет № 5), который ввел ряд ограничений по назначению на руководящие должности. Не допускается назначение на должности, включенные в кадровые реестры Главы государства Республики Беларусь, Совета Министров Республики Беларусь, облисполкомов и Минского горисполкома, райисполкомов, горисполкомов (городов областного подчинения), местных администраций районов в городах, лиц, уволенных по дискредитирующим обстоятельствам, в течение пяти лет после увольнения, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь. Согласно п. 9 Декрета № 5 назначение лиц, уволенных по дискредитирующим обстоятельствам, на руководящие должности в организации государственной и частной форм собственности в течение пяти лет после такого увольнения осуществляется только при условии согласования этого назначения с председателем районного, городского (города областного подчинения) исполкома, главой администрации района г. Минска (города областного подчинения), на территории которого расположена данная организация либо ее структурное подразделение. Поскольку работники могут приниматься на руководящие должности и по совместительству, то в рамках законодательства соблюсти исполнение данной нормы нанимателем является практически невозможным.

Во-первых, при трудоустройстве совместителя наниматель не вправе требовать предоставления трудовой книжки, в которой в соответствии с п. 36 Инструкции о порядке ведения трудовых книжек отражаются основания прекращения (расторжения) трудовых договоров (контрактов). Это означает, что при приеме внешнего совместителя на руководящую должность наниматель не может знать, имело место увольнение по дискредитирующим обстоятельствам в течение пяти предшествующих

щих лет. *Во-вторых*, наниматель имеет право расторгнуть трудовой договор, в том числе и с совместителем, до истечения срока его действия по основаниям, признаваемым дискредитирующими обстоятельствами увольнения в соответствии с п. 6 Декрета № 5. В связи с этим в ТК нет четко прописанных правоприменительных процедур перехода внешнего совмещителя на основное место работы к тому же нанимателю.

УДК 349.225.65

М.В. Карнычев

СУДЕБНЫЕ ШТРАФЫ КАК МЕРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Российское процессуальное законодательство, регламентирующее судопроизводство по гражданским и административным делам, в настоящее время представлено тремя кодифицированными законами – Гражданским процессуальным кодексом (ГПК РФ) и Кодексом административного судопроизводства (КАС РФ), распространяющими действие на суды общей юрисдикции, и Арбитражным процессуальным кодексом (АПК РФ), регулирующим процесс в арбитражных судах.

Все три указанных нормативных правовых акта содержат положения, устанавливающие ответственность граждан и юридических лиц за ненадлежащее исполнение процессуальных обязанностей в форме штрафа.

АПК РФ и ГПК РФ в своей структуре содержат отдельные главы «Судебные штрафы» (11 и 8 соответственно), КАС РФ содержит нормы о судебных штрафах в ст. 122 и 123 в рамках гл. 11 «Меры процессуального принуждения».

Несмотря на традиционный характер института судебных штрафов как меры ответственности к лицам, не исполняющим процессуальные обязанности и требования суда, существует ряд проблем теоретического и практического характера, не разрешенных до настоящего времени.

Вопрос о правовой природе судебных штрафов является одной из таких проблем. Традиционно в рамках классификации юридической ответственности выделяют уголовную, административно-правовую, гражданско-правовую, дисциплинарную и материальную ответственность.

Однако наряду с нормами уголовного, гражданского, трудового законодательства и законодательства об административных правонарушениях, санкции за неправомерное поведение устанавливаются и иными нормативными правовыми актами, в частности, Налоговым кодексом, процессуальными кодексами. В связи с чем существует достаточно

распространенное мнение об иных видах ответственности – налоговой, гражданско-процессуальной и т. п. При этом сам характер санкций в рамках данных видов ответственности максимально приближен к административно-правовой ответственности (носит штрафной характер, взыскивается в доход государства). Об их самостоятельности можно говорить в связи с особенностями процедуры привлечения виновных лиц к ответственности.

Второй вопрос – разграничение судебных штрафов как меры ответственности, установленной процессуальными кодексами, и мер ответственности, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), в частности, ст. 17.3 КоАП РФ «Неисполнение распоряжения судьи или судебного пристава по обеспечению установленного порядка деятельности судов».

Фактически наличие двух конкурирующих норм, устанавливающих ответственность за нарушение порядка в судебном заседании, повлекло необходимость разъяснений со стороны Пленума Верховного Суда РФ. В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 июня 2017 г. № 21 «О применении судами мер процессуального принуждения при рассмотрении административных дел» дано разъяснение, что лица, в том числе граждане, присутствующие в зале судебного заседания, но не являющиеся лицами, участвующими в деле, не исполняющие связанное с рассмотрением и разрешением конкретного административного дела, законное распоряжение судьи о прекращении действий, нарушающих установленные в суде правила, не подлежат привлечению к административной ответственности на основании ч. 1 ст. 17.3 КоАП РФ, поскольку ответственность за совершение соответствующих действий (бездействия) установлена специальными нормами гл. 11 КАС РФ. Данное разъяснение может быть корреспондировано и на нарушителей порядка в судебном заседании применительно к гражданскому и арбитражному процессу.

Третий вопрос – сфера действий, за которые виновные лица могут быть подвергнуты судебным штрафам. Сам по себе круг оснований для привлечения к ответственности в форме судебного штрафа четко очерчен законом, и суды могут их назначать лишь в тех случаях, когда это предусмотрено соответствующими нормами процессуальных кодексов (например, в АПК РФ – ст. 55, 66, 96, 154, 156, 157, 194, 200, 205, 210, 215, 222.8, 225.4, 225.6, 331, 333.2).

Вместе с тем в арбитражной практике отсутствует однозначный подход о применении штрафа в соответствии с ч. 4 ст. 156 АПК РФ.

В соответствии с данной нормой в случае, если в судебное заседание не явились лица, участвующие в деле, а их явка в соответствии с

АПК РФ была признана обязательной арбитражным судом, суд может наложить на указанных лиц судебный штраф в порядке и в размерах, которые предусмотрены в гл. 11 АПК РФ.

Сама по себе данная норма не вызывает нареканий, но возникает такой вопрос – а в каких случаях арбитражный суд может обязать явкой лиц, участвующих в деле? АПК РФ прямо предусматривает такую возможность по отдельным категориям дел (для представителей административного органа и заявителей – по делам об оспаривании решений административных органов, для представителей административного органа и лиц, в отношении которых составлен протокол об административном правонарушении, – по делам об административных правонарушениях, и некоторых др.).

Но нет однозначного ответа на вопрос, может ли суд по делам искового производства обязать сторон явкой, применив ч. 5 ст. 3 АПК РФ (аналогия закона), хотя это прямо не предусмотрено АПК РФ. Как следствие, встает вопрос и о правомерности применения штрафа к лицам, не исполнившим требование суда о явке по делам искового производства.

Несмотря на планомерно ведущийся процесс унификации процессуального законодательства РФ, ряд нормативных положений остается отличающимися, в том числе и нормы о судебных штрафах.

Так, определение арбитражного суда о наложении судебного штрафа может быть обжаловано в десятидневный срок со дня получения лицом, на которое наложен судебный штраф, копии определения (ч. 6 ст. 120 АПК РФ) путем подачи апелляционной жалобы, тогда как на определение о наложении судебного штрафа в рамках административного судопроизводства может быть подана частная жалоба в течение месяца со дня получения копии данного определения (ч. 3 ст. 123 КАС РФ).

ГПК РФ вообще не предусматривает возможность обжалования определения о наложении судебного штрафа. Однако ч. 1 ст. 106 ГПК РФ допускает возможность лица, на которое наложен штраф, в течение десяти дней со дня получения копии соответствующего определения, обратиться в суд, наложивший штраф, с заявлением о сложении или об уменьшении штрафа. Это заявление рассматривается в судебном заседании в течение десяти дней. Лицо, на которое наложен штраф, извещается о времени и месте судебного заседания, однако его неявка не является препятствием к рассмотрению заявления.

Определение суда об отказе сложить судебный штраф или уменьшить его может быть обжаловано путем подачи частной жалобы (ч. 2 ст. 106 ГПК РФ).

Полагаем, различие в терминологии, порядке обжалования ничем не обусловленным и не оправданным.

УДК 347.4:004.9

В.Ю. Карнычев

СМАРТ-КОНТРАКТ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОМУ ПОВЕДЕНИЮ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ

Институциональная экономическая теория рассматривает *контракт* (договор) как совокупность правил, регулирующих взаимоотношения между экономическими агентами посредством определения обменываемых прав и взятых обязательств и определения механизма их соблюдения. В целом экономическая теория контрактов тесно связана с правом.

С гражданско-правовой точки зрения *контракт* является синонимом договора, т. е. соглашения двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей (ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)). Гражданское законодательство устанавливает правила ведения договорной деятельности:

договор подлежит обязательному исполнению (ст. 425 ГК РФ);

одностороннее изменение его условий допускается только в определенных случаях и лишь по решению суда (ст. 450 ГК РФ);

нарушение принятых по договору обязательств влечет обязанность возместить причиненные этим убытки (ст. 15, 393 ГК РФ).

Эти правила хорошо корреспондируют понятию *полного (классического, совершенного) контракта*, под которым понимается контракт, основанный на законодательстве, четко фиксирующий условия сделки и предполагающий санкции за их нарушение. Классический контракт предполагает, что отношения сторон четко определены (определены все значимые условия сделки). При этом отсутствуют какие-либо устные договоренности сторон.

Поведенческой предпосылкой полного контракта является неограниченная рациональность экономических агентов (действие их оптимальным для достижения наилучшего ожидаемого результата образом). Иначе говоря, полный контракт представляет собой модель идеальной договорной деятельности, в которой доминируют типовые договорные отношения и формальные юридические нормы.

Кроме рационального поведения контрагентов договора полнота контрактации (описания взаимных условий, прав и обязанностей сторон в возможных ситуациях) зависит от возможности зафиксировать в контракте все последствия заключаемой сделки, вероятные разногласия и конфликты интересов и может существенно варьироваться.

В реальных экономических отношениях классические контракты достаточно редки, поскольку контрагенты сталкиваются с неполнотой

контрактации – существующей невозможностью предвидеть все вышеуказанные обстоятельства заключаемой сделки. В результате обязательства сторон описываются в контракте формально, не полностью.

Неполнота контрактации приводит к понятиям неоклассического и имплицитного контракта. *Неоклассический (неполный) контракт* – контракт в условиях неопределенности, когда невозможно формализовать все условия и предвидеть все последствия заключаемой сделки. *Имплицитный (отношенческий) контракт или самоподдерживающиеся соглашения* (self-enforcing agreements) – долгосрочный взаимовыгодный контракт, в котором неформальные условия преобладают над формальными. Его выполнение гарантируется взаимной заинтересованностью контрагентов.

В этом случае с правовой точки зрения стороны могут предусмотреть в неполном договоре кроме перечисленных ряд иных правовых средств обеспечения его исполнения: условие о неустойке, поручительство, гарантию. Сопутствующий договору механизм имущественной ответственности дополняется правом расторгнуть договор при его существенном нарушении контрагентом (ст. 450 ГК РФ).

Неполнота контракта и ограниченная рациональность агентов также предпосылки для *злоупотребления правом*, под которым ст. 10 ГК РФ понимает осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав.

Как отмечают исследователи, легальные формулировки ст. 10 ГК РФ представляются неудачными, поскольку не позволяют определить конкретные признаки злоупотребления гражданским правом. Не уточняются и не разъясняются характерные черты злоупотребления правом и в актах судебного толкования.

Более предметно вопросы злоупотребления правом разработаны в экономической теории, теории которой утверждают, что для участников договорных отношений характерно оппортунистическое поведение, выражающееся, в частности в неполной или искаженной передаче информации с предумышленным намерением ввести в заблуждение, обмануть, запутать или помешать, а также иные формы лжи, воровства и нечестного поведения. Оппортунизм представляет собой ситуацию, в которой «одна сторона принимает решение добиться достижения собственных интересов за счет других».

Оппортунистическое поведение может существовать в предконтрактный и послеконтрактный периоды, а также иметь множество форм и проявлений.

Обязательства сторон описываются в контракте формально, не полностью, что создает условия для оппортунистического поведения контрагентов по отношению друг к другу. Кроме того, контрагенты попытаются минимизировать свои затраты в постконтрактный период, например, пренебречь ненаблюдаемыми аспектами своих обязанностей и сконцентрировать усилия на точном выполнении измеряемых (или вознаграждаемых) параметров контракта.

Практически всегда существует также ограниченность возможностей постконтрактного мониторинга, вызванная затратностью этой процедуры.

Вышеизложенное определяет актуальность сокращения издержек оппортунистического поведения всех агентов договорных отношений. Для решения этой задачи современные теория и практика выработали различные подходы к противодействию оппортунистического поведения контрагентов. В частности, на предконтрактной стадии можно максимально подробно прописывать условия договора, стремясь реализовать полный контракт. На постконтрактной стадии для противодействия оппортунизму контрагентов достаточно часто акцент делается на контроле и измерении результатов работы. Однако в любом случае меры противодействия снижают, но не исключают оппортунистического поведения контрагентов. При этом добросовестная сторона несет значительные издержки.

Одним из возможных путей преодоления трудностей борьбы с оппортунистическим поведением (злоупотреблением правом) может оказаться применение в контрактных отношениях новой информационной технологии, известной под названием смарт-контракт (smart-contract, S-контракт). Отметим, что в специальной литературе предлагается большое количество определений S-контракта. Мы рассматриваем это понятие как двуединое.

С технической точки зрения S-контракт – компьютерный код, хранящийся в специально организованном реестре данных (блокчейне, БЧ).

С правовой точки зрения *смарт-контракт* – договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств, по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

Эта позиция позволяет предложить свою интерпретацию: S-договором может именоваться специализированное программное обеспечение (программа ЭВМ в значении ст. 1261 ГК РФ, ПО), содержащее элементы

искусственного интеллекта (смарт) и предназначенное для поддержки экономической деятельности в части фиксации условий договора, автоматического их исполнения при реализации набора детерминированных условий и хранения данных по исполненным договорам.

В данном определении отражены основные особенности S-контракта:

фиксация в программном коде условий договора (предконтрактная стадия);

автоматическое их исполнение при реализации набора детерминированных условий (постконтрактная стадия);

хранение данных по исполненным договорам.

Таким образом, *S-контракт* – всего лишь инструмент (программное обеспечение, код), поддерживающий или полностью реализующий цепочку экономических взаимодействий (транзакций) в автоматическом или автоматизированном режимах. При этом S-контракт должен нести в себе логику и семантику *классического* договора, в том числе предотвращения оппортунизма в контрактных отношениях; механизма принуждения к выполнению S-контрактов.

Технология блокчейна позволяет реализовать приведенные характеристики S-контрактов.

Экономической моделью S-контракта является совершенный, самоисполнимый договор (self-fulfilling contracts). Технологической основой такого контракта могут быть программные шаблоны типовых договоров, обеспечивающие минимальные транзакционные издержки.

Однако в настоящее время S-контракты могут иметь ограниченное применение, например, для поддержки традиционной договорной деятельности в качестве вспомогательного инструмента автоматизированного выполнения условий договора (ancillary smart contracts). Ограничения определяются особенностями технологии блокчейна, рассмотрение которых выходит за рамки настоящей статьи.

Перспектива широкого применения S-контрактов в сложных договорных отношениях представляется пока не вполне определенной и будет зависеть от разрешения комплекса вопросов в правовой, технической, экономической и, может быть, даже ментальной областях.

Так, технические решения должны позволять автоматизировать неполные, отношенческие и имплицитные договоры. В экономической части необходимы разносторонние исследования по постановке и решению оптимизационных задач, в том числе минимизирующих транзакционные издержки. Для введения S-контракта в правовое поле требуется серьезное совершенствование действующего законодательства и принятие новых нормативных правовых актов.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ В ГОСУДАРСТВАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ЕАЭС

Начавший функционирование с 1 января 2015 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), сменивший Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), в настоящее время активно формирует свою правовую базу (евразийское право, или право ЕАЭС). При этом национальное трудовое, гражданское законодательство государств – членов ЕАЭС (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России), параллельно формировавшееся после распада СССР на протяжении более 25 лет, к настоящему моменту существенно отличается как по системе и видам действующих нормативных правовых актов, так и по содержанию норм, построению трудовых, гражданских и семейных кодексов.

Важнейшим регулятором общественных отношений является право. В правовой науке проблема ответственности до сих пор остается одной из самых главных и актуальных. Законность и правопорядок являются неотъемлемыми элементами общественных отношений. Для существования государства и права необходимо принуждение по отношению к тем, кто не подчиняется закону. Важнейшим инструментом такого принуждения является прежде всего юридическая ответственность.

В настоящее время в рамках Союза в целом сформирован и функционирует внутренний рынок труда. Договор о Союзе закрепил ряд существенных преференций гражданам государств-членов при осуществлении ими трудовой деятельности и пребывании на территории государства трудоустройства в период работы.

Источники правового регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений получили более детальное урегулирование с принятием Трудового кодекса (ТК) Республики Армения (ст. 4, 5 и 6), ТК Республики Беларусь (ст. 7 и 8), ТК Республики Казахстан (ст. 2 и 11), ТК Кыргызской Республики (ст. 3, 4 и 5) и ТК Российской Федерации (ст. 5, 8). Вместе с тем действующие редакции вышеуказанных статей ТК государств – членов ЕАЭС имеют существенные расхождения (как терминологические, так и содержательные) и в полной мере не позволяют выстроить стройную, непротиворечивую научно обоснованную систему источников регулирования трудовых и непосредственно связанных с ними отношений, охватывающую национальные, между-

народные и наднациональные акты. В большинстве названных ТК отсутствуют статьи, посвященные коллизионным нормам и применению норм трудового права по аналогии. Отмеченные и некоторые иные проблемы, и противоречия в трудовом законодательстве создают трудности у судей и иных правоприменителей, приводят к судебным ошибкам при разрешении трудовых споров, снижают эффективность действия норм трудового права, ведут к ущемлению трудовых прав работников, а в отдельных случаях и работодателей (нанимателей).

Еще не завершена работа над проектом Соглашения о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов ЕАЭС, вступление в силу которого обеспечит формирование, сохранение и реализацию пенсионных прав трудящихся, а также экспорт пенсий. Не в полной мере государствами-членами реализуются нормы Договора о Союзе в части обязательного медицинского страхования трудящихся и членов их семей. Экспорт пенсий предполагает, что трудящийся (член семьи) государства-члена имеет право на получение пенсии на территории государства проживания либо государства-члена, назначившего пенсию. Для семей на тех же условиях и в том же порядке, что и граждан государства трудоустройства, что создает не зеркальные условия доступа к медицинской помощи в государствах-членах и требует решения, в первую очередь, проблемы определения источников финансирования для оказания такой помощи.

С целью дальнейшего углубления интеграции в сфере трудовой миграции необходимо уделять более пристальное внимание мерам контроля по соблюдению законности предписанных норм в рамках Союза. Таким образом, необходимо выработать единую систему мер ответственности на основании законодательств стран – участниц ЕАЭС и при разрешении возникших споров сделать данную норму главенствующей.

Несмотря на то, что в рамках обеспечения свободы движения рабочей силы осуществляется активная работа, направленная на углубление интеграции, для выполнения целей Союза необходимо не только форсировать реализацию имеющихся договоренностей, но и концептуально решать имеющиеся проблемные вопросы, ответственности за несоблюдение предписанных норм, а также сделать ощутимыми эффекты интеграции и повысить благосостояние всех граждан, а не только осуществляющих трудовую деятельность.

УДК 331.483.7

О.С. Курылёва

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЕ РАБОТНИКА ПРИ ЕГО ПОЯВЛЕНИИ НА РАБОТЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ: ТРУДОПРАВОВОЙ, АДМИНИСТРАТИВНОЙ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

По общему правилу одно правонарушение влечет ответственность по нормам одной отрасли законодательства, за исключением случаев причинения этим деянием также материального и морального вреда. В пределах соответствующего вида ответственности используется и процессуальная форма, применение мер принуждения, предусмотренных законом. Спорную область составляют вопросы и ответы, связанные с возможностью наступления за одно и то же деяние разных видов юридической ответственности. В частности, вопросы совмещения дисциплинарной и административной ответственности, которые изучаются в рамках общей теории права и, особенно, применительно к видам юридической ответственности сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих. Указанная проблематика актуальна и для общей дисциплинарной ответственности работника, наступающей, в том числе, за его появление на работе в состоянии опьянения.

С точки зрения теории юридической ответственности представляется, что одно и то же правонарушение не должно влечь общую дисциплинарную и административную ответственность. Для вышеуказанных штрафных видов ответственности действует принцип, согласно которому никто не должен дважды нести ответственность за одно и то же правонарушение. Однако Трудовой кодекс Республики Беларусь (ТК) такого принципа не содержит. Норма ч. 3 ст. 199 ТК предусматривает, что за каждый дисциплинарный проступок может быть применено только одно дисциплинарное взыскание. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (КоАП) в ст. 4.2 указывает на принципы административной ответственности: законности, равенства перед законом, неотвратимости ответственности, виновной ответственности, справедливости и гуманизма. КоАП не содержит запрета привлечения к административной ответственности лиц, понесших за то же деяние дисциплинарную ответственность. Некоторые особенности предусмотрены для военнослужащих и иных лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов или специальных положений о дисциплине. Таким образом, применение двух видов штрафной ответственности за одно и то же деяние, если характеристика его объективной и

субъективной стороны подпадает под признаки дисциплинарного и административного проступка не исключается.

В частности, однократный грубый дисциплинарный проступок, заключающийся в появлении на работе в состоянии опьянения, может повлечь дисциплинарное взыскание в виде увольнения в соответствии с абз. 2 п. 7 ст. 42 ТК (в ред. от 18 июля 2019 г.). Распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива, потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте либо появление в общественном месте или на работе в состоянии опьянения влечет административную ответственность согласно ст. 17.3 КоАП. Указанная норма КоАП предусматривает и такой административный проступок как нахождение на рабочем месте в рабочее время в состоянии алкогольного и других видов опьянения. Следовательно, в этой части характеристика объективной стороны дисциплинарного и административного проступка совпадает, и привлечение за одно и то же деяние к двум видам штрафной ответственности не запрещено. Полагаем, такая ситуация имеет ряд негативных последствий. Кроме нарушения вышеуказанного принципа юридической ответственности, создаются условия для изменения подходов к общей дисциплинарной ответственности. С точки зрения теории трудового права, этот вид ответственности носит внутренний характер, т. е. работника перед нанимателем, а не перед государством. Дисциплинарный проступок, как основание ответственности, посягает на отношения внутреннего трудового распорядка, который сложился у данного нанимателя. К компетенции последнего относятся вопросы выбора меры дисциплинарного взыскания, его применения или неприменения (ст. 198 ТК). Объектом административного проступка являются отношения в сфере государственного управления, в том числе правопорядка, поэтому ответственность за его совершение носит внешний характер, а ее правовое регулирование существенно отличается от дисциплинарной ответственности. Применение административной ответственности за дисциплинарный проступок в виде нахождения на рабочем месте в рабочее время в состоянии опьянения может повлечь, в том числе неадекватные меры принуждения, средства доказывания, нарушения прав работника.

Рассмотрим негативные последствия, которые могут возникнуть при освидетельствовании работника в связи с его появлением на работе в состоянии опьянения. В рамках производства при общей дисциплинарной ответственности факт наличия или отсутствия состояния опьянения может быть подтвержден такими средствами доказывания, как свидетельские показания, акт, составленный нанимателем, результаты

экспресс-теста и другие доказательства, полученные в рамках закона. Принудительное освидетельствование и применение к работнику физической силы, специальных средств для доставления его в организацию здравоохранения не допускается. Но принудительное освидетельствование может быть применено к лицу, в отношении которого ведется административный процесс, в частности, для выявления состояния опьянения, имеющего значение для дела об административном правонарушении (ст. 10.14 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях). В соответствии с нормами гл. 5 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З (ред. от 23 июля 2019 г.) «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» сотрудники органов внутренних дел наделены правом применения физической силы и специальных средств, в том числе для задержания лиц, совершивших административные правонарушения, преодоления их противодействия законным требованиям сотрудников. Порядок действий должностного лица по доставлению физического лица на освидетельствование в организацию здравоохранения установлен соответствующей инструкцией, утвержденной постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 15 июля 2011 г. № 256. Согласно п. 3 данной инструкции в случае отказа физического лица от освидетельствования, оно может быть доставлено в организацию здравоохранения для проведения освидетельствования в принудительном порядке. В необходимых случаях к такому физическому лицу могут быть применены физическая сила, специальные средства в соответствии с вышеуказанным законом. Содержание приведенных норм позволяет сделать вывод о том, что дисциплинарный проступок в виде нахождения на рабочем месте в рабочее время в состоянии опьянения в виду наличия признаков административного проступка и ведением административного процесса может повлечь неадекватные меры принуждения к работнику. Считаем, возможность применения указанных принудительных мер в связи с совершением дисциплинарного проступка противоречит ст. 1, 2, 7, 23 Конституции Республики Беларусь. В частности, ограничение прав личности, к которым относятся, полагаем, принудительные меры, допускаются только в случаях, предусмотренных законом и в конституционно значимых интересах. Право социального государства, в котором человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью, не должно содержать норм, ограничивающих права личности несоразмерно защищаемым интересам. На наш взгляд, одним из вариантов решения возникшего противоречия в правовом регулировании является исключение из названия и содержания ст. 17.3 КоАП формули-

ровок, которые относятся к дисциплинарным проступкам, связанным с состоянием опьянения. Изменения в этой части не позволят привлекать за такие дисциплинарные проступки к административной ответственности и применять вышеуказанные принудительные меры.

УДК 343.278

А.А. Ларченко

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТАКОГО ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ, КАК ЛИШЕНИЕ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ ДО РУБЕЖА СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

История наказаний берет свое начало из обычаев, которые со временем превращались в нормативные правовые акты.

Историей развития наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в разные периоды занимались многие ученые, причем рассматривали они не только с юридической стороны, но и с исторической.

Данный вид наказания также имеет многовековую историю. Высшей формой ограничения прав личности была фиксация юридической смерти преступника, встречавшаяся и в римском, и в германском, и в древнеславянском праве.

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью является одним из наиболее древних видов наказаний, который прошел в своем развитии несколько этапов. По древнегерманскому праву преступлением объявляется «лишение мира». Преступника исключали из общества, лишали имущества и приравнивали его положение к диким зверям [1, с.13].

На территории Беларуси вместе с формированием древнебелорусского государства было сформировано уголовное право, первоначально в виде обычаев. После чего непрерывно дополнялось законодательно привилегиями господствующего класса, при этом систематизировалось и было унифицировано. Наиболее древним из дошедших до нас письменных памятников уголовного права является Договор Витебской, Полоцкой и Смоленской земель с Ригой и Готским берегом 1229 г. В данном договоре имели место товарно-денежные отношения. Основными видами наказания были имущественные взимания, выдача преступника потерпевшему, а за наиболее тяжкие преступления преступник и его семья подвергались расправе либо рабству. Из данно-

го договора можно сделать вывод о том, что в нем впервые зародился фундамент, для выделения такого вида наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, так как преступник, совершающий наиболее тяжкое преступление, мог быть подвергнут рабству, а это, в свою очередь, и влекло автоматическое снятие его с определенной должности, если он такую занимал, или ограничивало право заниматься определенной деятельностью, так как ему приходилось выполнять другие работы до момента выхода из рабства.

Далее был первый кодифицированный уголовный закон – Судебник Казимира 1468 г. (далее – Судебник), который развил идею индивидуализации наказания, сделав попытку ограничить возраст уголовной ответственности, установил единые для всего государства виды наказаний за имущественные преступления, выдвинул главной целью наказания устрашение, хотя не исключал и имущественную компенсацию. Основное внимание в Судебнике обращено на защиту прав феодальной собственности, регламентацию репрессивных мер против проявлений классовой борьбы. Судебник также развил роль рабства как наказания более обширнее, т. е. если преступник не мог заплатить штраф, то в рабство отдавались помимо его самого, жена и дети старше семи лет. Отдельно выделялось также наказание за захват чужих земель «феодалами» (наезды), за них «феодал» мог лишиться своих наделов, теряя при этом «феод» в земельных спорах, что является также выделением такого современного вида наказания, как лишение права занимать определенную должность («феодала») [2, с. 21].

Далее свое распространение на территории современной Беларуси получил Статут Великого княжества Литовского 1588 г., который разработал новые положения уголовного права. Субъектом преступления признавались физические лица старше 16 лет (ранее – 14 лет) и группы лиц, которые отвечали за преступления других в порядке круговой поруки. Система наказаний предусматривала следующие их виды: штраф и конфискация; смертная казнь; телесные наказания (отсечение руки, уха, носа, губы, избивание плетью); выдача преступника потерпевшему (для отработки долга или для казни); тюремное заключение (как правило, не более, чем на один год и шесть недель); изгнание и объявление вне закона; лишение чести; покаяние; лишение должности. Можно выделить такие наказания, как изгнание и объявления вне закона, данные наказания автоматически лишали преступника права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Наказание в виде лишения чести применялось к шляхте и означало утрату

шляхетства и усадьбы, что, в свою очередь, также лишало права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Обозначается в Статуте Великого княжества Литовского 1588 г. в независимой форме как самостоятельный вид наказания в виде лишения должности, следует отметить, что данное наказание уже могло применяться как пожизненно, так и на какой-либо неуставленный законом промежуток времени, если осужденный оправдает доверие на занятие должности перед шляхтой, но такое происходило крайне редко [3, с. 93].

После включения восточных земель Беларуси в состав Российской империи первоначально судопроизводство велось по существовавшим до этого законам и обычаям, если это не противоречило императорской власти. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. был отменен в Витебской и Могилевской губерниях в 1831 г., в Виленской, Минской, Гродненской губерниях – в 1840 г.

С 1 мая 1846 г. на всей территории Российской империи было введено в действие Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, можно отметить, что в данный период законодательство Российской империи распространялось полностью на территорию современной Беларуси. Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1846 г. занимало заметное место и наказание выражалось в следующих формах: лишение прав состояния; лишение всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ; лишение некоторых особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ. Кроме того, действовали Воинский устав о наказаниях 1875 г., в котором также было отражено лишение различных прав и должностей в связи с совершением преступления военнослужащими.

Далее можно выделить уже совместный, как на территории современной Беларуси и Российской империи принятый нормативный правовой акт – Уголовное уложение 1903 г., в котором указывалось на лишение прав состояния. Особенности в Уголовном уложении 1903 г. является следующее: преступник, совершивший религиозное или политическое преступление, мог реабилитироваться и восстановиться в правоспособности. Лишение прав обязательно следовало за главным наказанием, факультативное применение было невозможно [4, с. 75].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на территории современной Беларуси имеет довольно длительную историю становления. В настоящее время данный вид наказания становится все более актуальным, так как в каждую эпоху

список преступлений, к которым оно применяется, все больше и больше расширяется, что, в свою очередь, вызывает интерес к данному виду наказания.

Список использованных источников

1. Колосов, А.С. Ответственность за уклонение от отбывания наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Колосов. – Москва, 2005. – 68 с.
2. Данилович, И.Н. Взгляд на литовское законодательство и Литовские Статуты / И.Н. Данилович, П.П. Редькин ; под. ред. П.П. Редькина. – Москва : Моск. ун-т. Тип., 1841. – Т. 1. – 46 с.
3. Демченко, Г.В. Наказание по литовскому Статуту / Г.В. Демченко. – Киев : Тип. император. ун-та святого Владимира, 1894. – 273 с.
4. Чистяков, О.И. Российское законодательство X–XX веков : учеб. пособие / О.И. Чистяков. – Москва : Изд-во Наука, 1985. – 180 с.

УДК 331.108.5 (1-67 ЕАЭС)

Е.В. Мотина

ПОощРЕНИЯ ЗА ТРУД КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ГОСУДАРСТВАХ ЕАЭС

В науке трудового права сложились два основных подхода к пониманию правовой природы поощрений за труд. Первый связывает меры поощрения с целями дисциплины труда, со способами ее поддержания. Второй рассматривает такие меры, как средство обеспечения эффективного труда. При этом нормы, регулирующие поощрения за труд, чаще всего располагаются в главе Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК), посвященной дисциплинарной ответственности (гл. 13 ТК, гл. 21 ТК Республики Армения, гл. 12 ТК Кыргызской Республики, гл. 30 ТК РФ). Исключение составляет только ТК Республики Казахстан, в котором больше не конкретизируются поощрения как самостоятельное правовое явление, за исключением дополнительных отпусков поощрительного характера и поощрения работников за содействие в создании благоприятных условий труда на рабочих местах, рационализаторские предложения по созданию безопасных условий труда (ст. 182). Указанный подход, с одной стороны, может быть обусловлен децентрализацией правового регулирования правомочия работодателя по поощрению работников. С другой стороны, полагаем, что он отражает общее изменение отношения к ценности труда, к наемному работнику в целом.

Поощрения за труд являются разновидностью стимулов в трудовом праве. Последние включают в себя иные позитивные правовые средства: льготы, надбавки, доплаты, компенсации. Наряду с устоявшейся классификацией норм права (предписание, дозволение, запрет) учеными было предложено выделять и поощрительные нормы, основной смысл которых состоит в том, что поощрение есть не только реакция на определенное поведение, но и стимул на будущее, призыв к определенному поведению (В.Н. Смирнов). Социальное назначение поощрительных норм шире цели поддержания трудовой дисциплины, поскольку такие нормы могут воздействовать на поведение работников в целом.

В Республике Беларусь повышенное внимание уделяется обеспечению трудовой дисциплины, о чем свидетельствует ряд актов главы государства и реформирование трудового законодательства в целях усиления дисциплинарной ответственности. Именно соблюдение трудовой дисциплины признается условием высокопроизводительного труда. Первостепенное значение придается мерам дисциплинарных взысканий и дисциплинарного воздействия (ч. 1, 4 ст. 198 ТК). Меры поощрений занимают место, не учитывающее их значение для мотивации работников. Известно, что реализуя право на труд, работник стремится повысить и подтвердить свою компетентность; получить высокую оценку как профессионала; быть уверенным в том, что его работа востребована и приносит пользу. Как показывает изучение научной, экономической и юридической литературы, корреляция между соблюдением дисциплины труда и его эффективностью не так велика, как принято считать. Во многих источниках утверждается, что меры убеждения и поощрения значительно эффективнее, чем меры принуждения.

Меры поощрения делятся на материальные (премии, награждение подарком, дополнительный поощрительный отпуск (ТК Республики Армения, ТК Республики Казахстан) и нематериальные (объявление благодарности, награждение грамотой, размещение на Доске почета, представление к званию лучшего по профессии (ТК РФ, ТК Кыргызской Республики). Отдельно следует отметить такой вид поощрения, как снятие дисциплинарного взыскания (ТК Республики Армения). В Беларуси данный вид поощрения предусматривается в рамках правового регулирования специальной дисциплинарной ответственности.

Примерный перечень мер поощрения в ТК отсутствует. По общему правилу виды поощрений работников за труд определяются коллективным договором, соглашением или правилами внутреннего трудового распорядка (ПВТР), а также уставами и положениями о дисциплине (ст. 196 ТК). Деление мер поощрения за труд на общие, применяемые ко

всем работникам, и специальные, относящиеся к определенному кругу граждан, по-прежнему актуально. В частности, сотрудники милитаризованной государственной службы могут быть поощрены награждением нагрудным знаком, присвоением очередного специального звания досрочно, награждением холодным оружием.

Важно различать правовые средства поощрений за труд и так называемые меры морального стимулирования. Последние не могут быть внесены в трудовую книжку работника, никак не отражаются в его личном деле. К числу таковых относятся следующие меры: компенсация поездки на профессиональную конференцию; благоприятные отзывы о работе сотрудника; обозначенные перспективы карьерного роста; оплата абонементов в спортзал; зоны отдыха в офисе; «кофе от шефа» и др. Хорошо известны также профессиональные конкурсы и корпоративные награды. Приведем интересный пример поощрений из российской практики: экспатов, работавших в российской компании, обязали ежемесячно учить не менее 100 русских слов и включили число выученных слов в расчет вознаграждения за труд.

Примечательно, что в западных государствах важнейшей формой поощрения за труд является повышение квалификации, предоставление возможности обучения за счет нанимателя, гарантии карьерного роста.

Подчеркнем, что в трудовую книжку работника вносятся только некоторые сведения о награждениях и поощрениях за успехи в работе (о награждении почетными грамотами, нагрудными знаками); о поощрениях, определенных социально-партнерскими соглашениями или ПВТР, а также уставами и положениями о дисциплине (объявление благодарности, награждение ценным подарком и др.). Записи о выплатах премий, предусмотренных локальными правовыми актами, в трудовые книжки не вносятся. Стоит обратить внимание на то, что в п. 29 Типовых ПВТР закреплена диспозитивная норма: «Поощрения могут объявляться приказом нанимателя». Однако основанием для внесения в трудовую книжку записей о награждениях и поощрениях является именно приказ (распоряжение) нанимателя. Иные меры, имеющие стимулирующий (поощрительный) характер, не отражаются в документах о трудовой деятельности работника.

Проведенный анализ некоторых коллективных договоров и ПВТР свидетельствует о недостаточном внимании нанимателя к правовым средствам поощрения за труд. Характерно, что и в Генеральном соглашении между Правительством Республики Беларусь, республиканскими объединениями нанимателей и профсоюзов на 2019–2021 гг. меры поощрения упоминаются в контексте укрепления трудовой дисциплины

и повышения ответственности работников в части соблюдения требований по охране труда; а также по отношению к участию работников в культурно-массовых и спортивных мероприятиях. Очевидно, что охрана труда – преимущественно ответственность нанимателя, а культурно-массовые и спортивные мероприятия не относятся к процессу труда.

Неформальная практика моральных мер стимулирования, безусловно, важна. Однако поскольку сфера нематериальных поощрений работников фактически перенесена на локальный уровень (или вообще исключена из внимания законодателя, как в Казахстане), то необходимо устанавливать единые правила поощрений для всех работников конкретного нанимателя, для этого и разработаны локальные правовые нормы. Поощрения за труд блокируют нарушения трудовой дисциплины косвенным образом. Главное их предназначение – повысить эффективность труда, создать благоприятную рабочую обстановку, способствовать реализации работником права на трудовую честь и трудовую репутацию. Решить обе задачи призвано правовое регулирование поощрений за труд, основанное на принципах справедливости, запрета дискриминации, учета интересов участников коллективного труда.

УДК 347.15/18

М.А. Папкеев, Д.А. Тарасенко

О СООТНОШЕНИИ ПРАВОВЫХ СОСТАВОВ ДЕЛ ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ГРАЖДАНИНА УМЕРШИМ И О ПРИЗНАНИИ ЕГО БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ

Дела о признании гражданина безвестно отсутствующим имеют много общего в своем фактическом составе с делами о признании гражданина умершим, однако последние более сложны по своей правовой характеристике.

Ранее существовала практика рассмотрения дел об объявлении гражданина умершим в двух стадиях: требовалось, чтобы вначале было вынесено решение о признании гражданина безвестно отсутствующим, а затем, уже в другом процессе, это лицо могло быть объявлено умершим. После принятия нового законодательства судебная практика отказалась от двух стадий, и теперь дела об объявлении гражданина умершим решаются в одном процессе. Однако более глубокий анализ правовой характеристики этих дел убеждает в том, что изменилась лишь форма, однако сущность осталась той же, поскольку в основе судебного объявления

гражданина умершим лежат в первую очередь фактические основания признания судом его безвестного отсутствия. Безвестное отсутствие означает отсутствие сведений о гражданине в течение одного года, а объявление умершим означает безвестное отсутствие свыше трех лет и при определенных условиях эти сроки сокращены до шести месяцев, но при этом необходимо установить обстоятельства, дающие основания предполагать, что гражданина уже нет в живых (несчастный случай, авария, стихийное бедствие, военные действия и т. п.). Тесная взаимосвязь признания безвестно отсутствующим гражданина и объявления его умершим обнаруживается также и в том, что в обоих случаях суду необходимо установить дату (день, месяц, год), когда о гражданине были получены последние сведения. Правила исчисления начала безвестного отсутствия изложены лишь в ст. 38 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), однако суды руководствуются ими и при решении дел об объявлении гражданина умершим в соответствии со ст. 41 ГК.

Так, судом Центрального района г. Минска было отказано в удовлетворении заявления И. об объявлении умершим В. по тем основаниям, что не истек трехлетний срок, предусмотренный ст. 41 ГК.

Несмотря на сходство правового состава этих дел (об объявлении умершим и о признании безвестно отсутствующим), они имеют и известное различие. Если безвестное отсутствие означает неполучение сведений о гражданине живом или мертвом в течение года, то объявление гражданина умершим, поглощая безвестное отсутствие, является вместе с тем самостоятельным сложным правовым явлением, включающим несколько фактических составов. В литературе общепризнано, что объявление умершим в отличие от признания безвестно отсутствующим основано на презумпции смерти гражданина.

Анализ законодательства и судебной практики позволяет говорить о том, что общий фактический состав – объявление гражданина умершим – включает в себя как фактический состав безвестного отсутствия, так и обстоятельства, дающие основание предполагать смерть безвестно отсутствующего.

Кроме того, объявление гражданина умершим имеет специфическую характеристику, которая заключается в следующем. Статья 41 ГК называет несколько сроков, по истечении которых безвестно отсутствующий гражданин может быть в судебном порядке объявлен умершим. В литературе эти сроки называют общими и сокращенными.

Объявление гражданина умершим производится в суде общей юрисдикции в порядке особого производства (как и признание его безвестно отсутствующим). В качестве цели объявления гражданина умершим

заявители чаще всего указывают: для получения пенсии по случаю потери кормильца – около 45 %, для получения наследства – 28 %, для прекращения брака – 23 %, прочие – 4 %.

Можно дать следующую классификацию заявителей и заинтересованных лиц по исследуемой категории дел:

гражданин, в отношении которого заявлено требование о признании его безвестно отсутствующим или об объявлении умершим;

физические лица, состоящие с пропавшим без вести гражданином в родственных отношениях, имеющие личный, субъективный интерес к исходу дела;

физические лица, состоящие с пропавшим гражданином в обязательственных отношениях, имеющие личный субъективный интерес в исходе дела;

юридические лица и организации, не имеющие статуса юридического лица, с которыми пропавший без вести гражданин состоял в каких-либо обязательственных правоотношениях;

субъекты гражданских правоотношений, находящиеся с пропавшим без вести гражданином в отношениях гражданско-правового характера (например, в отношениях собственности);

прокурор и органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации или граждане, обращающиеся в суд от своего имени в защиту интереса других лиц, общественных интересов, имеющие государственный интерес в исходе дела.

Правильное определение правового статуса того, кто из участников процесса относится к заинтересованным лицам, служит необходимой предпосылкой использования ими процессуальных прав в целях защиты своих законных интересов.

Суд рассматривает данную категорию дел с обязательным участием прокурора, который в процессе всегда выступает в защиту интересов закона, выполняя правоохранительную функцию и не являясь стороной в деле, занимает особое положение в судопроизводстве. Дела о признании гражданина безвестно отсутствующим рассматриваются с участием прокурора для дачи заключения по делу.

Таким образом, институт объявления гражданина умершим и институт объявления гражданина безвестно отсутствующим направлены на защиту прав субъектов гражданского оборота и на стабилизацию гражданских правоотношений.

УДК 349.225.6

Н.А. Солянкина

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ЗАКОННАЯ ФОРМА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НАРУШИТЕЛЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Общественные отношения в сфере труда строятся таким образом, что всегда должно присутствовать лицо, руководящее процессом труда, лицо, которое может направить в нужном русле трудовую деятельность целой группы людей, определить общую цель и задачу для каждого. В сфере труда данная роль наиболее ярко выражена у руководителя организации как у лица, обладающего полномочиями по управлению наиболее обособленным, самостоятельным и независимым образованием в современном обществе – организацией. Ключевой категорией при понимании сущности руководителя является категория управления, поскольку именно реальные действия по управлению организацией превращают человека в руководителя, чья роль связана с повышенной ответственностью за принимаемые решения и вверенных в подчинение людей. Трудовая дисциплина – необходимое условие всякого совместного труда, поддержание правопорядка в трудовых правоотношениях.

Специфика функциональной роли руководителя организации заключается в его близости к собственнику организации, с которым руководитель нередко и ассоциируется. В этом проявляется противоречивость положения руководителя организации, который, будучи по существу и по своему юридическому статусу наемным работником, представляет в то же время интересы собственника организации. Двойственность такого положения обуславливает проблемы в привлечении руководителя организации к дисциплинарной ответственности.

Несмотря на очевидную специфику трудовых отношений руководителя, специального законодательного акта, непосредственно посвященного регулированию его труда, до настоящего времени не принято. Нормы, устанавливающие отдельные особенности его трудовых отношений, находятся в различных законодательных актах и нередко по-разному регулируют тождественные ситуации.

В юридической литературе справедливо отмечается, что руководитель, являясь работником организации, обязан соблюдать трудовой распорядок... Законодатель не делает исключения для руководителей организации в части привлечения их к дисциплинарной ответственности: как и других работников, руководителей можно увольнять за нарушения трудовой дисциплины и ненадлежащее исполнение трудовых обязанно-

стей, объявлять им замечания и выговоры. Однако на практике возникает проблема с субъектом привлечения руководителя к ответственности.

Двойственность природы дисциплинарной ответственности руководителя, являющаяся прямым следствием сложности его правового статуса, находит отражение также в отношении законодателя к обязательности применения дисциплинарной ответственности. По общему правилу в случае совершения работником дисциплинарного проступка, наниматель может применить (имеет право) дисциплинарное взыскание, а может и не применить его.

В то же время в настоящее время в трудовом законодательстве нет специального порядка привлечения руководителей организации к дисциплинарной ответственности, хотя, на наш взгляд, такая необходимость существует.

Имеют место быть процедурные проблемы привлечения руководителей организаций к дисциплинарной ответственности. Реализация положений ст. 199, 200 Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК) к руководителям организаций на практике вызывает серьезные вопросы: порядок применения дисциплинарных взысканий, закрепленный в ст. 199 ТК, в случае, когда нарушителем дисциплины труда является сам руководитель организации, достаточно сложно соблюсти. Несоблюдение этого порядка может привести к признанию дисциплинарного взыскания несоответствующим закону, его отмене (отмене приказа об объявлении замечания или выговора) или отмене и восстановлению руководителя на работе (если было применено дисциплинарное взыскание в виде увольнения).

В случае, когда нарушителем является сам руководитель организации, в порядке применения дисциплинарных взысканий, предусмотренном ст. 199 ТК, обнаруживаются явные недостатки, фактически блокирующие возможность его применения к данной категории работников. Возникают практические вопросы: кто в данном случае будет являться уполномоченным от имени нанимателя лицом, чтобы: во-первых, установить факт совершения руководителем действий (бездействия), имеющих признаки дисциплинарного проступка, и инициировать применение дисциплинарного взыскания к руководителю; во-вторых, истребовать у руководителя объяснения по факту нарушения и составить в необходимых случаях акты (об отказе от ознакомления с документами под подпись; о непредставлении объяснений в установленный срок); в-третьих, оформить и подписать от имени нанимателя приказ (распоряжение) о применении дисциплинарного взыскания?

Эти вопросы непосредственно связаны с вопросом о том, кто еще, кроме руководителя организации, вправе представлять нанимателя в

трудовых отношениях и наделять других работников (например, начальника и/или сотрудников отдела кадров и т. п.) полномочиями по применению дисциплинарных взысканий к работникам (включая руководителя); в каком порядке такое наделение полномочиями должно быть осуществлено.

По общему правилу права и обязанности организации-нанимателя в трудовых отношениях осуществляются: органами управления юридического лица или уполномоченными ими лицами в порядке, установленном ТК, другими законами и иными нормативными правовыми актами.

Соответственно, функции по применению мер ответственности к руководителю юридического лица выполняют те органы или лица, которые принимали решение о назначении (избрании) руководителя на должность. Для того чтобы на практике избежать сложностей с определением конкретного лица или органа, который уполномочен осуществлять такие полномочия по отношению к руководителю, следует точно указывать их в уставе организации и в трудовом договоре с руководителем, а также уточнять объем их прав, в том числе в сфере дисциплинарной и материальной ответственности.

В существующей ситуации для привлечения руководителя организации к дисциплинарной ответственности предлагается при принятии решения о назначении руководителя в данном решении (или в отдельном решении учредителей) определять, кто по поручению и от имени организации будет осуществлять такие функции в отношении самого руководителя-работника.

Такие меры направлены на обеспечение прав и законных интересов организации-нанимателя, которая заключает трудовой договор с руководителем в целях наиболее эффективного управления организацией; на обеспечение возможности привлечения руководителя к дисциплинарной ответственности за неисполнение (ненадлежащее исполнение) порученных руководителю обязательств. Кроме того, на обеспечение соблюдения руководителем законодательства (в том числе трудового); на обеспечение соблюдения интересов других работников организации, которые находятся в трудовом отношении от руководителя.

Цель дисциплинарной ответственности как средства обеспечения трудовой дисциплины состоит не только в наказании руководителя-работника, но и в предупреждении правонарушений в дальнейшем, в том числе и другими работниками. Во всех случаях, когда руководителем организации является наемный работник, необходимость в определенности, четкости, однозначности регулирования именно в ТК порядка применения к нему дисциплинарных взысканий реализуется для защи-

ты прав и законных интересов собственников имущества, так и работников организации.

Резюмируя рассуждения, следует отметить, дисциплинарная ответственность в силу своей природы может и должна быть действенным механизмом охраны трудовых прав работников от злоупотреблений руководителем своей организационной самостоятельностью.

УДК 351.74:349.225.6

Д.А. Толстенков

ПРИНЦИПЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В целях выявления путей совершенствования правовых норм о дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел представляется необходимым проследить отражение правовых принципов в процессе правового регулирования дисциплинарной ответственности.

В толковом словаре, определяя понятие «принцип», как правило, выделяют два его начала (свойства) – объективное и субъективное. В объективном смысле принцип есть «основное, исходное положение какой-нибудь теории, учения, науки и т. п.», субъективное свойство принципа заключается в том, что он может выступать в форме убеждения, взгляда на вещи. В этом смысле нередко утверждают, что человек придерживается твердых принципов или отказывается от чего-либо из принципа.

Для осмысления сущностных свойств правовых принципов необходимо учитывать положение, согласно которому принципы, как и право в целом обладают свойствами системности, образуют единую упорядоченную систему нормативных регуляторов.

В теории права выделяют общеправовые принципы, присущие всем без исключения отраслям права (институтам) и представляющие категорию всеобщего, отражающего то решающее, основное и главное в социальных отношениях, что определяет их сущность, стержень, типовую устойчивость и одновременно закономерности их развития; межотраслевые – присущие сразу нескольким отраслям права; отраслевые – присущие определенной отрасли.

В научных кругах нет единого мнения о понятии принципов юридической ответственности, к тому же отсутствует единство теоретических взглядов на систему этих принципов. Это, в свою очередь, еще раз под-

тверждает необходимость законодательного закрепления структурированной системы принципов ответственности.

Считаем целесообразным представить систему принципов дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел следующим образом: общеправовые принципы юридической ответственности; принципы, обусловленные спецификой дисциплинарной ответственности.

По нашему мнению, к общеправовым принципам юридической ответственности следует отнести следующие принципы: законность, справедливость, неотвратимость, целесообразность и своевременность; а к принципам, обусловленным спецификой дисциплинарной ответственности, – принцип виновной ответственности и недопустимость удвоения ответственности.

Необходимо отметить прежде всего, что в специальной юридической литературе существуют различные взгляды на принцип законности. Одни ученые выводят его из системы принципов, относя законность к правовой оболочке, характеризующей эту систему. Другие считают данный принцип «суперпринципом», конкретизирующимся в требованиях (идеях, гарантиях законности) неотвратимости, обеспечения права на защиту, соблюдения установленной формы осуществления ответственности.

Относительно содержания принципа справедливости юридической ответственности существуют две основные позиции. Большинство ученых выделяют данный принцип в качестве самостоятельного принципа юридической ответственности. На наш взгляд, принцип справедливости дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел заключается в следующем: необходимость соответствия взыскания степени вины и тяжести совершенного дисциплинарного проступка; индивидуализация дисциплинарного взыскания.

Принцип неотвратимости дисциплинарной ответственности заключается в нормативном закреплении права начальника применять в отношении недисциплинированного сотрудника дисциплинарные взыскания.

Принцип целесообразности состоит в том, что дисциплинарная ответственность должна достигать целей, ради которых она установлена. Здесь возможен конфликт (противоречие) целей, и тогда возникает вопрос о предпочтении одной цели другой или избрании компромиссного варианта ответственности. Например, в конкретной ситуации для общего предупреждения целесообразен вариант наложения максимально строгого дисциплинарного взыскания, а для частного предупреждения достаточно и минимального или даже символического (условного) привлечения к дисциплинарной ответственности в виде замечания.

Принцип своевременности дисциплинарной ответственности тесно связан с принципом целесообразности. Некоторые ученые даже не выделяют его в качестве самостоятельного принципа ответственности, а рассматривают как составляющий элемент принципа целесообразности.

Принцип виновной ответственности означает, что лицо может быть привлечено к ответственности только при установлении его вины. Принцип виновной ответственности традиционен для «карательных» видов юридической ответственности.

Еще одним принципом привлечения к дисциплинарной ответственности выступает принцип недопустимости удвоения ответственности. В научной литературе вопрос о возможности совмещения дисциплинарной и других видов ответственности решается противоречиво. Одни ученые придерживаются мнения о неприемлемости сочетания разных видов ответственности за одно правонарушение. Однако существует и другая точка зрения по данному вопросу. Так, например, Д.Н. Бахрах совмещение дисциплинарной и административной ответственности оценивает положительно, усматривая в нем тенденцию повышения роли административной ответственности в охране правопорядка. Вместе с тем считаем, реализацию данного положения в юридической практике необоснованным, полагая, что недопустимо за одно правонарушение привлекать к нескольким видам юридической ответственности.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что принципы дисциплинарной ответственности находят свое отражение в нормативных правовых актах преимущественно в «скрытом виде», при котором их обнаружение возможно только путем анализа законодательства, регламентирующего то или иное правовое явление. Такое «скрытое» закрепление правовых принципов создает сложности как для законодателя, так и для правоприменителя. Считаем, что необходимо дополнить п. 1 Дисциплинарного устава сотрудников органов внутренних дел нормой, содержащей перечень принципов, в соответствии с которыми возможно привлечение сотрудников органов внутренних дел к дисциплинарной ответственности. Полагаем, что данный пункт может быть изложен в следующей редакции: «Система принципов дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел: 1) общеправовые принципы юридической ответственности; 2) принципы, обусловленные спецификой дисциплинарной ответственности. К общеправовым принципам юридической ответственности относятся следующие принципы: законность, справедливость, неотвратимость, целесообразность и своевременность; к принципам, обусловленным спецификой дисциплинарной ответственности, – принцип виновной ответственности и недопустимость удвоения ответственности.».

УДК 349.2

К.Л. Томашевский

ТЕНДЕНЦИЯ УСИЛЕНИЯ МЕР ТРУДОПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ РАБОТНИКОВ В БЕЛАРУСИ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ ЕАЭС: ПУТЬ К СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ?

Недавно принятый Закон Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-3 «Об изменении законов» (далее – Закон № 219-3), внесший существенные изменения и дополнения в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь), затронул и нормы о дисциплинарной и материальной ответственности. В науке трудового права эти два вида ответственности по нормам трудового права принято именовать трудовую ответственностью. Представляется актуальным проанализировать и оценить, насколько произошедшие в ТК Республики Беларусь изменения и дополнения в части трудовой ответственности отвечают цели гармонизации трудового законодательства с другими государствами – членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и продекларированному в ст. 1 Конституции Республики Беларусь стремлению к построению в Беларуси социального государства.

Пунктом 101 Закона № 219-3 предусмотрено введение в ч. 1 ст. 198 ТК Республики Беларусь нового вида дисциплинарного взыскания (лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до двенадцати месяцев), а также расширение перечня дисциплинарных оснований увольнения работников «(пункты 6–11 статьи 42, пункты 1, 1², 5¹ и 9 части первой статьи 47)». Новый вид дисциплинарного взыскания был почти дословно перенесен в ТК Республики Беларусь из подп. 3.3 п. 3 Декрета Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2014 г. № 5 «Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций». Поскольку лишение премий в ч. 4 ст. 198 ТК Республики Беларусь в качестве иных мер воздействия сохранены, следовательно, не исключается ситуация, когда за один дисциплинарный проступок работник будет одновременно лишаться полностью или частично как стимулирующих выплат на срок до 12 месяцев, так и премий. Представляется такой подход достаточно жестким по отношению к работникам, не имеющим аналогов в других странах ЕАЭС.

Относительно расширения перечня дисциплинарных оснований увольнения в п. 4 ст. 198 ТК Республики Беларусь (в редакции Закона № 219-3) следует отметить, что вместо прежних семи таких оснований (п. 4, 5, 7–9 ст. 42, п. 1 и 5¹ ст. 47) их стало 14, т. е. в два раза больше. Последнее обстоятельство явно указывает на тенденцию усиления мер

дисциплинарной ответственности (в форме дисциплинарных увольнений) в новейшем трудовом законодательстве Беларуси.

Для сравнения: в ч. 3 ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ) к дисциплинарным взысканиям отнесены также 14 оснований увольнения работников: по основаниям, предусмотренным п. 5, 6, 9 или 10 ч. 1 ст. 81, п. 1 ст. 336 или ст. 348.11 ТК РФ, а также п. 7, 7.1 или 8 ч. 1 ст. 81 ТК РФ в случаях, когда виновные действия, дающие основания для утраты доверия, либо соответственно аморальный проступок совершены работником по месту работы и в связи с исполнением им трудовых обязанностей.

В Трудовом кодексе Кыргызской Республики (далее – ТК Кыргызстана) закреплено 11 оснований увольнения работников по инициативе нанимателя, которые связаны с виновным поведением работника (п. 5, 6, включая пять оснований подп. «а» – «д», п. 7–11 ст. 83), которые могут быть квалифицированы как дисциплинарные, хотя четкого законодательного перечня таких оснований ст. 146 ТК Кыргызстана не закрепляет.

В Трудовом кодексе Республики Казахстан (далее – ТК Казахстана) к дисциплинарным увольнениям подп. 4 п. 1 ст. 64 относит 11 оснований расторжения трудового договора по инициативе нанимателя (подп. 8–18 п. 1 ст. 52 того же кодекса).

Трудовой кодекс Республики Армения (далее – ТК Армении) в подп. 3 п. 1 ст. 223 к дисциплинарным взысканиям причисляет расторжение трудового договора по основаниям, предусмотренным в ст. 121 и ст. 122 того же кодекса, которые охватывают собой шесть оснований.

Итак, сравнение трудовых кодексов всех пяти государств – членов ЕАЭС показывает, что максимальное количество дисциплинарных оснований увольнения закрепляют в настоящее время ТК Республики Беларусь (после реформы 2019 г.) и ТК РФ, относящие к дисциплинарным увольнениям по 14 оснований. Второе место занимают ТК Казахстана и ТК Кыргызстана, в которых к таковым относятся по 11 оснований. Третье, замыкающее место, занимает ТК Армении, которое содержит всего шесть таких оснований, т. е. столько же, сколько закреплялось в ТК Республики Беларусь до середины 2015 г.

Из проведенного краткого сравнительного анализа следует вывод, что с точки зрения оценки состояния норм института трудовой дисциплины в Беларуси наблюдается тенденция усиления мер трудовой ответственности работников. При этом меры дисциплинарного взыскания в Беларуси даже жестче, чем в России, где не предусмотрено такого взыскания, как лишение полностью или частично стимулирующих выплат на срок до 12 месяцев. Кроме того, ТК РФ не предусматривает

и возможности применения к работнику, совершившему дисциплинарный проступок, иных мер воздействия в дополнение к дисциплинарным взысканиям, как в Беларуси.

Применительно к институту материальной ответственности следует напомнить, что на момент распада СССР все пять сравниваемых государств (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Российская Федерация) имели очень сходное законодательство о труде и аналогичную модель материальной ответственности работников за ущерб, причиненный работником имуществу нанимателя. Общим правилом была ограниченная материальная ответственность, а полная материальная ответственность могла применяться как исключение из общего правила. В последующем Республика Беларусь реформировала Кодекс законов о труде 1972 г. и Законом от 15 декабря 1992 г. концептуально изменила подход к виду материальной ответственности, являющимся общим правилом: заменила ограниченную материальную ответственность полной, что, по мнению разработчиков того закона (В.И. Кривого и др.), отвечало рыночным реформам.

Полагаем, что увлечение рыночными реформами привело к нарушению баланса интересов работников и нанимателей в трудовом праве Беларуси: работник, как более слабая сторона в трудовых отношениях, отчужденный от средств производства, оказался под угрозой отвечать в полном объеме за причиненный им ущерб имуществу нанимателя всего за двумя исключениями (п. 1 и 2 ст. 403 ТК Республики Беларусь), причем в случае причинения ущерба дорогостоящему имуществу нанимателя (автомобиль, трактор, комбайн, локомотив и иные сложные механизмы), работник всегда отвечает в полном размере по ст. 402 ТК Республики Беларусь. Суммы такого ущерба могут в сотни раз превышать заработок работника, ставя последнего в положение, близкое к кабальной зависимости от нанимателя, что рассматривается Международной организацией труда в качестве проявления принудительного труда.

На наш взгляд, белорусскому законодателю стоит вернуться к концепции общего правила об ограниченной материальной ответственности путем изменения ст. 402 ТК, как это реализовано в трудовом законодательстве Армении, Казахстана, Кыргызстана и Российской Федерации. Беларусь остается единственной страной из пяти государств – членов ЕАЭС, где действует общее правило о полной материальной ответственности работника, что не отвечает социальной политике государства, провозглашающего себя социальным.

В заключение доклада отметим, что проведенный краткий анализ нововведений и современного состояния трудового законодательства

Беларуси показал, что в ракурсе норм о трудовправовой ответственности оно является наиболее жестким в сравнении с законодательством других государств – членов ЕАЭС, в большей степени защищая и обслуживая интересы нанимателей. Эта тенденция, полагаем, должна измениться в противоположном направлении, учитывая международные обязательства Беларуси по гармонизации трудового законодательства в рамках ЕАЭС и Союзном государстве с Россией.

УДК 347.454 (477) (1-6ТС)

А.В. Ходырева

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА В УКРАИНЕ
И СТРАНАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА**

Действующее украинское законодательство регулирует деятельность управляющего как субъекта правоотношений доверительного управления имуществом и доверительной собственности, которая, в свою очередь, используется в качестве аналога траста в понимании континентальной системы права. В соответствии с ч. 1 ст. 1029 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) по договору управления имуществом одна сторона (установщик управления) передает другой стороне (управляющему) на определенный срок имущество в управление, а другая сторона обязуется за плату осуществлять от своего имени управление этим имуществом в интересах установщика управления или указанного им лица (выгодоприобретателя). Кроме того, ч. 2 ст. 1029 ГК Украины предусматривает, что договор управления имуществом может удостоверить возникновение у управляющего права доверительной собственности на полученное в управление имущество.

Гражданское законодательство Украины определяет ответственность управляющего за ненадлежащее исполнение условий договора управления имуществом. В соответствии с ч. 1 ст. 1043 ГК Украины управляющий, который не обнаружил при управлении имуществом надлежащей заботливости об интересах установщика управления или выгодоприобретателя, обязан возместить установщику управления причиненные убытки, а выгодоприобретателю – упущенную выгоду. Управляющий отвечает за причиненные убытки, если не докажет, что они возникли вследствие непреодолимой силы, виновных действий установщика управления или выгодоприобретателя. В ч. 2 ст. 1043 ГК Украины ука-

зано, что управляющий несет субсидиарную ответственность по долгам, которые возникли в связи с осуществлением им управления, если стоимости имущества, переданного в управление, недостаточно для удовлетворения требований кредиторов. Кроме того, ч. 3 ст. 1043 ГК Украины предусматривает, что субсидиарная ответственность управляющего, установленная ч. 2 этой статьи, наступает также в случае совершения сделок с превышением предоставленных ему полномочий или установленных ограничений, при условии, что третьи лица, которые принимают участие в сделке, докажут, что они не знали и не могли знать о превышении управляющим полномочий или установленных ограничений. В этом случае установщик управления может требовать от управляющего возмещения причиненных им убытков.

Важно подчеркнуть, что правоотношения доверительного управления имуществом и доверительной собственности по своей сути являются доверительными правоотношениями, которые основываются на особой степени доверия. В связи с этим поддерживаем позицию А.В. Онищенко, которая утверждает, что совершение доверительным собственником определенного действия, которое привело к потере доверия к нему, может быть основанием для привлечения его к ответственности.

Как справедливо отмечает Н.В. Фунтикова, обязанность личного исполнения доверительным собственником своих обязанностей не лишает последнего права привлекать к управлению имуществом квалифицированных специалистов, например, аудиторов, брокеров, солиситоров и других лиц. При таких условиях он не будет нести ответственность за их действия. Для привлечения доверительного собственника к ответственности в случае причинения убытков вышеназванными лицами бенефициару придется доказать, что доверительный собственник поступил глупо и неразумно, наняв их.

Гражданское законодательство стран таможенного союза Евразийского экономического союза (ТС ЕАЭС) также регулирует правоотношения доверительного управления имуществом. При этом следует отметить, что в странах ТС ЕАЭС, в отличие от Украины, у доверительного управляющего не возникает право доверительной собственности на полученное в управление имущество.

Детальнее остановимся на положениях гражданского законодательства Республики Беларусь в качестве примера правового регулирования правоотношений доверительного управления имуществом. В соответствии с ч. 1 ст. 895 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) по договору доверительного управления имуществом одна сторона (вверитель) передает другой стороне

(доверительному управляющему) на определенный срок имущество в доверительное управление, а доверительный управляющий обязуется за вознаграждение осуществлять управление этим имуществом в интересах вверителя или указанного им лица (выгодоприобретателя). Исходя из вышеизложенного обращаем внимание, что для обозначения субъекта, осуществляющего управление имуществом в чужих интересах, используется правовая категория «доверительный управляющий». В то же время для обозначения установщика управления законодателем используется понятие «вверитель». На наш взгляд, термин «доверитель» в данном случае можно считать более приемлемым.

В ч. 1 ст. 895 ГК Республики Беларусь указано, что передача имущества в доверительное управление не влечет перехода права собственности на него к доверительному управляющему. Аналогичные положения закреплены в ч. 1 ст. 1012 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК Российской Федерации) и ч. 1 ст. 954 Гражданского кодекса Республики Армения (далее – ГК Республики Армения). Однако можно отметить, что Гражданский кодекс Республики Казахстан аналогично предостережения о переходе права собственности к доверительному управляющему не имеет.

Стоит акцентировать внимание на том, что гражданское законодательство Республики Беларусь осуществляет сходное с Украиной правовое регулирование ответственности доверительного управляющего за ненадлежащее исполнение договора доверительного управления имуществом. При этом особое внимание заслуживает ч. 4 ст. 905 ГК Республики Беларусь, которая устанавливает, что договор доверительного управления имуществом может предусматривать предоставление доверительным управляющим залога в обеспечение возмещения убытков, которые могут быть причинены вверителю или выгодоприобретателю ненадлежащим исполнением договора доверительного управления. Аналогичные положения закреплены в ч. 4 ст. 1022 ГК Российской Федерации и ч. 4 ст. 964 ГК Республики Армения. Считаем, что это предостережение может быть закреплено и в украинском гражданском законодательстве во избежание в будущем возможных негативных последствий для установщика управления в случае необходимости обращения взыскания на имущество доверительного управляющего.

Кроме того, следует выделить законодательство Киргизской Республики, которое устанавливает необходимость страхования риска ответственности доверительного управляющего. В соответствии с п. 8 ч. 3 ст. 13 Закона Киргизской Республики «О доверительном управлении государственным имуществом» от 22 мая 2018 г. доверительный управ-

ляющий обязан застраховать риск гражданской ответственности – риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц. Представляется необходимым предусмотреть такую обязанность доверительного управляющего в ГК Украины, поскольку это поможет предотвратить вероятные неблагоприятные последствия как для доверительного управляющего, так и для самого установщика управления.

Таким образом, можем констатировать, что правовое регулирование правоотношений доверительного управления имуществом, в том числе ответственности доверительного управляющего по договору доверительного управления имуществом, в странах ТС ЕАЭС осуществляется практически одинаково, гражданские кодексы которых предусматривают сходные положения.

В связи с вышеизложенным считаем возможным закрепить в гражданском законодательстве Украины норму о предоставлении доверительным управляющим залога в обеспечение возмещения убытков вследствие ненадлежащего исполнения договора доверительного управления имуществом. Более того, в ГК Украины необходимо предусмотреть обязанность доверительного управляющего страховать свою ответственность при выполнении договора доверительного управления имуществом.

УДК 349.23/24

А.В. Чигилейчик

О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ГРАЖДАНАМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ИМИ ТРУДОВЫХ (СЛУЖЕБНЫХ) ОБЯЗАННОСТЕЙ

Современный рост промышленности, развитие и совершенствование производственных отношений обуславливают потребность в рабочей силе. Негативные последствия интенсивного развития сфер производства связаны с причинением вреда жизни или здоровью граждан. По оценкам Международной организации труда, ежегодно в мире примерно 2,3 млн мужчин и женщин погибают в результате несчастных случаев на рабочем месте или профессиональных заболеваний, регистрируется около 340 млн несчастных случаев на производстве и 160 млн жертв профессиональных заболеваний. В этой связи важное значение имеет реализация комплексных программ профилактического и защищающего характера, эффективная государственная политика, направленная на предупреждение и минимизацию последствий вреда, причиненного

гражданам при исполнении ими трудовых (служебных) обязанностей. Особое значение придается поиску оптимального правового регулирования эффективной защиты граждан, которым причинен вред вследствие несчастного случая на производстве или профессиональных заболеваний, а также при исполнении служебных обязанностей.

С 1 января 2004 г. Декретом Президента Республики Беларусь от 30 июля 2003 г. № 18 в нашей стране введено обязательное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Декретом были созданы дополнительные правовые гарантии потерпевшим от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, повышен уровень их правовой защищенности, а также созданы условия для оперативной минимизации неблагоприятных последствий причинения вреда.

В настоящее время работники подлежат обязательному страхованию нанимателем от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в соответствии с законодательством (ст. 224 ТК). Возмещение вреда лицам, потерпевшим при несчастных случаях на производстве и (или) получившим профессиональные заболевания, – одно из направлений государственной политики в области охраны труда (ст. 5 Закона Республики Беларусь от 23 июня 2008 г. № 356-З «Об охране труда»). Порядок и условия осуществления обязательного страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний нормативно определены в гл. 16 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530. При наступлении страхового случая работнику выплачивается пособие по временной нетрудоспособности; предусмотрены доплаты до среднего заработка застрахованного, временно переведенного в связи с повреждением здоровья на более легкую нижеоплачиваемую работу, ежемесячная страховая выплата застрахованному либо лицам, имеющим право на получение такой выплаты в случае смерти застрахованного, дополнительные расходы, расходы на погребение.

Страховым покрытием помимо вреда, причиненного работникам, работающим по трудовым договорам, обеспечиваются факты причинения вреда иным категориям граждан, работающим на основании гражданско-правовых договоров, другим лицам, участвующим в производственной деятельности, например, находящимся в местах лишения свободы, и т. п. Изложенное свидетельствует об оперативной социальной защите не только лиц наемного труда, но и иных категорий граждан, участвующих в процессе производства, выполняющих работы, оказывающие услуги, и др.

В отношении сотрудников военизированных организаций предусмотрен иной порядок возмещения вреда, причиненного им при осуществлении служебной деятельности. Обязательному государственному страхованию за счет средств республиканского бюджета, иных источников, предусмотренных законодательством Республики Беларусь подлежат сотрудники органов внутренних дел (ст. 40 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь»), прокурорские работники (ст. 66 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»), сотрудники Следственного комитета Республики Беларусь (ст. 29 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 403-З «О Следственном комитете Республики Беларусь»), сотрудники иных военизированных организаций. Обязательному государственному страхованию подлежат также судьи (ст. 113 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей), военнослужащие, военнообязанные на время прохождения военных и специальных сборов, резервисты при нахождении на занятиях и учебных сборах (ст. 15 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 100-З «О статусе военнослужащих»).

Порядок и условия выплаты страховых сумм по обязательному государственному страхованию осуществляется в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 февраля 2008 г. № 308, иными нормативными правовыми актами, определяющими организационные и правовые основы деятельности соответствующих государственных органов. Например, согласно ст. 40 Закона «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» при наступлении страхового случая выплачивается единовременная страховая сумма в зависимости от тяжести последствий и определяется окладом денежного содержания за определенный период с учетом надбавки за выслугу лет погибшего (умершего) либо базовыми величинами. Аналогичный подход реализуется в отношении сотрудников всех военизированных организаций, военнослужащих, военнообязанных, резервистов. В отношении судей предусмотрен иной порядок страхового обеспечения, а именно единовременная выплата ставится в зависимость от тяжести последствий причиненного вреда, заработной платы за определенный период, без страховых выплат, привязанных к базовым величинам.

Таким образом, современной модели возмещения вреда, причиненного гражданам при исполнении ими трудовых (служебных) обязанностей, свойственен широкий объем страхового покрытия. Вне сферы страхового покрытия при страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний – возмещение морального вреда, причиненного застрахованному или его семье в связи со стра-

ховым случаем, возмещение застрахованному утраченного заработка в части оплаты труда по гражданско-правовому договору, а также в части выплаты авторского вознаграждения. Возмещение вреда в данном случае осуществляется причинителем вреда в порядке, установленном гражданским законодательством. В отношении сотрудников военизированных организаций, военнослужащих и прокурорских работников страховое покрытие вреда, причиненного им при исполнении служебных обязанностей обеспечивается обязательным государственным страхованием, размер страхового возмещения дифференцируется в зависимости от обстоятельств причинения вреда, степени тяжести телесных повреждений, оклада денежного содержания (заработной платы) либо базовых величин. Вне сферы страхового покрытия – компенсация морального вреда, расходы на погребение и т. д.

В целях совершенствования правового регулирования возмещения вреда, причиненного гражданам при исполнении ими трудовых (служебных) обязанностей, представляется целесообразным: оптимизировать порядок выплаты страхового возмещения, обеспечив как минимум единообразный подход к правовой защите как лиц наемного труда, так и иных граждан – сотрудников военизированных организаций, иных правоохранительных органов. С учетом оценки правовых последствий и дополнительной доктринальной проработки целесообразно также переход к выплате страхового возмещения в зависимости от степени тяжести телесных повреждений в пределах лимита ответственности страховщика, исключив учет оклада денежного содержания (заработной платы) сотрудника (работника). Предложенный подход позволит обеспечить равную имущественную защиту граждан, которым причинен вред при исполнении трудовых (служебных) обязанностей.

УДК 349.22

А.В. Ясинская-Казаченко

ПРИНЦИПЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН В СВЕТЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Посредством сравнительного исследования проанализированы международные документы: конвенции Международной организации труда (МОТ) – № 87 «О свободе объединений и защите права объединяться в профсоюзы» и № 144 «О трехсторонних консультациях для содействия применению международных трудовых норм»; законы – «О свободе

объединений и трудовых отношениях», в Северной Америке и Европе; а также протокол Административного Совета МОТ к Конвенции об инспекции труда. Предложения о внесении изменений и дополнений Трудового кодекса Республики Беларусь (ТК) изложены с учетом рекомендаций об организации и проведении забастовок, в публикациях – «Коллективные переговоры: нормы МОТ и принципы деятельности контрольных органов», «Коллективные переговоры в промышленно-развитых странах с рыночной экономикой», «Коллективное трудовое право в Европе. Право на забастовку», «Свобода объединения: руководство пользователя», «Примирение и арбитраж в трудовых спорах», «Процедуры примирения и арбитража в трудовых конфликтах», «Европейские суды по трудовым делам: средства правовой защиты и санкции в забастовках. Незаконные забастовки – деликт правовой защиты».

Принцип соблюдения полного равенства сторон в деле означает, что каждая сторона коллективных трудовых отношений имеет право направлять другой стороне письменное требование о проведении коллективных переговоров, выступать с инициативой по заключению, изменению или дополнению коллективного договора (соглашения). Вместе с тем исходя из положений Конвенции МОТ № 144 «О трехсторонних консультациях для содействия применению международных трудовых норм» (1976 г.), а также обучающих работ о ведении коллективных переговоров в странах с развитой рыночной экономикой, правильнее вести речь не о соблюдении полного равенства сторон в деле, а об их *равноправии в процессе*, поскольку коллектив работников и наниматель обладают формально равными правами в процессе, равно как и в выборе способа урегулирования коллективного трудового спора, и ответственности за его выполнение.

Контрольными органами МОТ с целью соотнесения требований работников и забастовочных потерь нанимателя с *принципом социальной соразмерности и пропорциональности* периодически даются разъяснения этого принципа. Так, согласно одному из разъяснений принцип следует рассматривать как посягательство на основополагающие права и свободы других лиц, если нет надлежащей договоренности сторон, согласно второму, данному с учетом итогов работы контрольных органов, – как общеправовой запрет злоупотреблений права на забастовку. Злоупотребления могут принимать самые различные формы: от осуществления этого права группами трудящихся, не имеющими разрешения на проведение забастовок, несоблюдения разумных требований при объявлении забастовки до нанесения ущерба помещениям, собственности организации или их разрушения в случае насилия, применяемого в отношении физических лиц. Речь о защите социально-трудовых прав

может идти в свете развития и становления института альтернативных способов урегулирования коллективных трудовых споров, а равно ответственности за реализацию достигнутых договоренностей.

Принцип реальности обеспечения обязательств может быть реализован только с помощью специального механизма принудительного влияния в случае, если наниматель добровольно не выполняет обещаний, достигнутых в результате разрешения коллективного трудового спора. Вопрос об ответственности нанимателя за отказ от добросовестного ведения переговоров и уклонение от примирительно-посреднических и третейских процедур можно решить путем детальной регламентации принципа добросовестного ведения переговоров, сотрудничества в примирительно-посреднических и третейских процедурах.

Так, с учетом ст. 2 и 3 Конвенции МОТ 1948 г. № 87 было бы правильным дополнить ТК ст. 378¹, предусматривающей запрет нанимателю препятствовать организации собраний и конференций в случае возникновения разногласий и оформления требований. Ответственность нанимателя в виде штрафа за неисполнение принципа добросовестного ведения переговоров, уклонение от примирительно-посреднических и третейских процедур можно применять, если он исчерпал установленные законодательством возможные альтернативные способы урегулирования.

Принцип свободы усмотрения выбор форм и способов урегулирования коллективных трудовых споров направлен на положения о защите социально-трудовых прав работников. Данный принцип предполагает возможность работников выбирать способы урегулирования разногласий, широкого использования примирительно-посреднических, третейских и альтернативных процедур. Введение данного принципа может способствовать предоставлению работникам права на международные правовые специфические альтернативные способы разрешения, имеющие психологический механизм переговорного процесса, известные иным правовым системам, которые могут быть *пригодны для включения в национальное законодательство*, к таким способам можно отнести: медиативный арбитраж, арбитраж-посредничество, примирение (урегулирование) спора с помощью омбудсмена, независимое установление спорных фактов, фасилитация, комиссии по рассмотрению споров. При внесении предложения о введении альтернативных процедур урегулирования коллективных трудовых споров в законодательство Республики Беларусь принимались во внимание идеи, изложенные в статьях Захид Иса оглы Джафарова «Примирительно-третейские процедуры (способы) урегулирования коллективных трудовых споров».

Возникшие разногласия, связанные с трудовыми отношениями, можно урегулировать путем *непосредственных переговоров*, через *образование органа примирения*, *посредством иных альтернативных комбинированных способов*. В последние десятилетия в мировой практике прослеживается тенденция расширения спектра иных способов урегулирования коллективных трудовых споров, на которые может быть обращено внимание законодателя, не сдерживая их развитие и становление.

Такого рода способы могут рассматриваться как альтернативные уже по отношению к традиционным. Опираясь на зарубежный опыт использования различных способов урегулирования коллективных трудовых споров, могут быть обозначены такие подходы, как медиативный арбитраж, арбитраж-посредничество, примирение (урегулирование) спора с помощью омбудсмена, независимое установление спорных фактов, фасилитация, комиссии по рассмотрению споров. Названные способы относятся к способам согласования интересов, не предполагающим по общему правилу вынесения обязательного решения.

Если соглашение является достигнутым, то меры ответственности за его нарушение должны быть установлены, причем обоснованным представляется введение системы принципов альтернативных способов урегулирования коллективных трудовых споров. Взаимосвязанная система принципов включает в себя соблюдение полного равенства сторон в процессе; социальную соразмерность и пропорциональность; реальность обеспечения обязательств; свободу усмотрения выбора альтернативных способов урегулирования. Обзор дел по урегулированию коллективных трудовых споров свидетельствует, что разрешение достигает цели только в том случае, если стороны понимают правовую природу конвенций и рекомендаций МОТ, актов законодательства о труде, относящихся к комбинированию и многообразию способов их разрешения.

Закрепление принципов альтернативных способов урегулирования коллективных трудовых споров имеет важное прикладное значение, так как служит основой для расширения возможности защиты социально-трудовых прав работников.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Татьяна Владимировна – старший преподаватель кафедры гражданского права Белорусского государственного университета.

Акимов Николай Николаевич – доцент кафедры правового обеспечения правоохранительной деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат технических наук, доцент.

Амельчя Юлия Александровна – доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Апенюк Анастасия Григорьевна – младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического, социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, магистр юридических наук.

Бакиновская Ольга Александровна – кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Бодакова Ольга Витальевна – доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Бодяк Наталия Евгеньевна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Бондаренко Наталья Леонидовна – проректор по научно-методической работе Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Боровая Елена Владимировна – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Брисюк Александр Антонович – заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по идеологической работе и кадровому обеспечению.

Бычкова Светлана Сергеевна – заведующая кафедрой гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел Украины, г. Киев, доктор юридических наук, профессор.

Василевский Андрей Витальевич – младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Витушко Владимир Александрович – профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор.

Вишневский Алексей Александрович – курсант факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Войтюль Александр Викторович – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Гапоненко Дарья Владимировна – магистрант Белорусского государственного экономического университета.

Гашишкова Тамара Владимировна – докторант Белорусского государственного университета, начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности научно-практического центра проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Гоев Александр Владимирович – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат сельскохозяйственных наук.

Греченков Аркадий Анатольевич – профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Грицкевич Татьяна Ромуальдовна – начальник отдела кадров Белорусского государственного экономического университета.

Грицко Александр Петрович – магистрант факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь.

Ермоленко Евгения Валерьевна – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Ефременко Елена Михайловна – заведующий кафедрой гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Жалнерович Ирина Сергеевна – магистрант факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь.

Жукова Татьяна Юрьевна – судья суда Барановичского района и г. Барановичи.

Иванова Елена Витальевна – декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, кандидат юридических наук, доцент.

Капитанова Анастасия Александровна – старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

Карпычев Владимир Юрьевич – ведущий научный сотрудник Приволжского филиала ФКУ НПО Специальная техника и связь МВД, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Приволжского филиала Российского госу-

дарственного университета правосудия, доктор технических наук, профессор, академик РАЕН.

Карпычев Михаил Владимирович – начальник кафедры гражданского права и процесса Нижегородской Академии МВД России, доцент кафедры гражданского процессуального права Приволжского филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Клименто Сергей Вячеславович – магистрант факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь.

Ковалевский Евгений Сергеевич – курсант 3 курса факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Колбасин Дмитрий Ануфриевич – профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор.

Конаневич Юрий Григорьевич – магистрант Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Короткевич Мария Павловна – доцент кафедры гражданского права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Красовский Станислав Иосифович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь, магистр юридических наук.

Курылёва Ольга Сергеевна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Кусмерик Александр Антонович – начальник 1-го городского отделения милиции ОВД администрации Советского района г. Гомеля, магистрант факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь.

Ларченко Александр Анатольевич – аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Ляшко Анастасия Алексеевна – младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, магистр юридических наук.

Мартыненко Игорь Эдуардович – заведующий кафедрой гражданского права и процесса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор юридических наук, профессор.

Матвийчук Сергей Борисович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси Международный университет «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент.

Машаров Руслан Николаевич – старший преподаватель Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Мещанова Мария Валентиновна – заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук, доцент.

Мисаревич Наталия Валентиновна – заведующая кафедрой специальных юридических дисциплин частного учреждения образования «БИП-Институт правоведения» Гродненский филиал, кандидат юридических наук, доцент.

Монаков Артем Андреевич – студент 2 курса факультета коммерции и туристической индустрии Белорусского государственного экономического университета.

Мотина Евгения Владимировна – доцент кафедры гражданского процесса и трудового права «Белорусского государственного университета», кандидат юридических наук, доцент.

Новик Александр Васильевич – милиционер группы задержания роты милиции Речицкого отдела ДО МВД Республики Беларусь, слушатель факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров Академии МВД Республики Беларусь.

Паращенко Виктор Владимирович – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Пашикев Михаил Александрович – заместитель начальника кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Пенкрат Валентин Ильич – профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Протасовицкий Сергей Петрович – доцент кафедры гражданского права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

Проценко Галина Петровна – старший преподаватель кафедры юридического документооборота Национальной академии внутренних дел Украины, г. Киев.

Пунько Татьяна Николаевна – доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Рудович Николай Иванович – доцент кафедры международного экономического права Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук.

Рутман Елена Яковлевна – старший преподаватель кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин Барановичского государственного университета.

Савина Инга Викторовна – профессор кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Семенова Надежда Владиславовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, кандидат биологических наук, доцент.

Сигаева Татьяна Адамовна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Скрабневская Екатерина Олеговна – магистрант Белорусского государственного экономического университета.

Солянкина Надежда Алексеевна – старший преподаватель кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

Стратулат Наталья Викторовна – заведующий кафедрой юридического документооборота Национальной академии внутренних дел Украины, г. Киев, кандидат филологических наук, доцент.

Сухонаров Виктор Павлович – младший научный сотрудник Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, магистр юридических наук.

Тарасенко Денис Александрович – курсант факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь.

Толстенков Денис Анатольевич – заместитель начальника исправительно-го учреждения по идеологической работе и кадровому обеспечению «ИК № 17» УДИН МВД по Могилевской области.

Томашевский Кирилл Леонидович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси Международный университет «МИТСО», доктор юридических наук, доцент.

Туровец Маргарита Вадимовна – соискатель Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

Федосеева Татьяна Романовна – доцент кафедры частного права Национального университета «Киево-Могилянская академия», кандидат юридических наук, доцент.

Халецкая Татьяна Михайловна – доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Хватик Юлия Александровна – доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Ходырева Ангелина Вячеславовна – аспирант кафедры гражданского права и процесса Национальной академии внутренних дел Украины, г. Киев.

Хужин Альфир Мисхатович – профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородской Академии МВД России, профессор кафедры гражданского права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, доцент.

Чигилейчик Андрей Викторович – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Шелков Олег Васильевич – доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Шимкович Марина Николаевна – доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Шкут Оскар – адвокат, кандидат юридических наук.

Ясинская-Казаченко Анжелика Васильевна – доцент кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, кандидат юридических наук, доцент.

Яхновец Ирина Николаевна – доцент кафедры гражданского и трудового права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ И СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

<i>Авдеева Т.В.</i> О функциях гражданско-правовой ответственности	3
<i>Акимов Н.Н.</i> Правовое регулирование международных морских перевозок грузов в линейном сообщении	6
<i>Амельченя Ю.А.</i> Некоторые аспекты солидарной ответственности при осуществлении государственных закупок	9
<i>Бодяк Н.Е.</i> Ответственность за нарушение антимонопольного законодательства	14
<i>Бондаренко Н.Л., Конаневич Ю.Г.</i> Ответственность в сфере осуществления хозяйственной деятельности и ее специфические черты	18
<i>Василевский А.В.</i> Теоретические аспекты ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в Республике Беларусь и государствах – членах ЕАЭС	21
<i>Витушко В.А.</i> О понятии гражданско-правовой ответственности	24
<i>Войтюль А.В., Грицко А.П.</i> Защита личных неимущественных прав: отечественный и зарубежный опыт правовой регламентации	27
<i>Гашишкова Т.В.</i> О возмещении вреда, причиненного в связи с негативным воздействием на окружающую среду	31
<i>Ермоленко Е.В.</i> О формах, объеме и способах возмещения вреда в деликтных обязательствах	33
<i>Ефременко Е.М.</i> О непоименованных в законодательстве Республики Беларусь принципах гражданско-правовой ответственности	36
<i>Жалнерович И.С.</i> Юридическая ответственность в процессе лицензионных правоотношений в сфере охранной деятельности	38
<i>Иванова Е.В., Семенова Н.В.</i> Проблемы ответственности сторон по договору перевозки грузов автомобильным транспортом	41
<i>Капитанова А.А.</i> О защите преимущественных прав в гражданском законодательстве Республики Беларусь	46
<i>Колбасин Д.А., Вишневский А.А.</i> Инвестиции в Республике Беларусь: современное состояние и проблемы правового регулирования	49
<i>Колбасин Д.А., Ковалевский Е.С.</i> Об ответственности в гражданском праве при неосновательном обогащении	51
<i>Короткевич М.П.</i> Недействительный и незаключенный договор: о взыскании убытков и неустойки	54
<i>Красовский С.И.</i> О компенсации морального вреда за незаконный сбор, обработку, хранение и пользование информацией о частной жизни физического лица	57

<i>Кусмерик А.А.</i> Гражданско-правовая природа института возмещения вреда жизни и здоровью сотрудника органов внутренних дел	60
<i>Ляшко А.А.</i> Ответственность несовершеннолетних в гражданском и уголовном праве в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительная характеристика	63
<i>Мартыненко И.Э.</i> Гражданско-правовая ответственность за бесхозяйственное использование культурных ценностей	66
<i>Машаров Р.Н.</i> Договор создания объекта долевого строительства как способ улучшения жилищных условий в системе жилищных строительных сбережений	70
<i>Мещанова М.В.</i> Перспективы изменения коллизионного регулирования в рамках Гражданского кодекса Республики Беларусь	73
<i>Мисаревич Н.В.</i> Семейно-правовые санкции в отношении родителей как мера ответственности и как способ защиты прав несовершеннолетних детей	76
<i>Новик А.В.</i> Департамент охраны Министерства внутренних дел как специальный субъект осуществления охранной деятельности	78
<i>Паращенко В.В.</i> Возмещение инвестором Республике Беларусь сумм льгот и (или) преференций как мера ответственности стороны инвестиционного договора за неисполнение либо ненадлежащее исполнение его условий	81
<i>Пенкрат В.И.</i> Меры ответственности в семейном законодательстве Республики Беларусь	84
<i>Протасовицкий С.П.</i> Гражданско-правовая ответственность как обязанность претерпевания	88
<i>Пуцько Т.Н.</i> Договорное регулирование семейных правоотношений	90
<i>Рудович Н.И., Монаков А.А.</i> Особенности определения статуса риэлтера: сравнительно-правовой анализ	92
<i>Рутман Е.Я., Жукова Т.Ю.</i> Лишение родительских прав как мера ответственности за ненадлежащее воспитание и (или) содержание ребенка (на примере практики суда Барановичского района и г. Барановичи)	95
<i>Савина И.В.</i> О преодолении декларативности норм гражданского и семейного права о защите прав несовершеннолетнего	98
<i>Сигаева Т.А.</i> Ответственность за нарушения прав, возникающих из договоров об организации перевозки грузов железнодорожным транспортом	101
<i>Скрабневская Е.О.</i> Распределение квот на получение иностранных разрешений на проезд по территории иностранных государств в Республике Беларусь	105
<i>Стратулат Н.В., Проценко Г.П.</i> Юридическая терминология в нормативных правовых актах касательно ответственности за насилие в семье ...	108
<i>Сухопаров В.П.</i> Отказ исполнителя от оказания услуг как фактическое условие гражданско-правовой ответственности	110
<i>Туровец М.В.</i> Ответственность заказчика по договору на оказание инженерных услуг	113

<i>Федосеева Т.Р.</i> Отдельные вопросы ответственности за несвоевременную уплату алиментов в Украине	116
<i>Халецкая Т.М.</i> О взыскании неустойки за несвоевременную уплату алиментов	119
<i>Хватик Ю.А.</i> Перспективы удаленной аутентификации и идентификации потребителей финансовых услуг в странах ЕАЭС	122
<i>Хужин А.М.</i> О гражданско-правовой ответственности в законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь: сравнительно-правовой аспект	126
<i>Шелков О.В., Матвийчук С.Б.</i> Ответственность авиаперевозчика за ненадлежащее выполнение договора воздушной перевозки	129
<i>Шимкович М.Н.</i> Выход за пределы предоставленных полномочий	132
<i>Шкут О.</i> Ответственность по договору факторинга в законодательстве Беларуси и Латвии	135
<i>Яхновец И.Н.</i> Правовое регулирование ответственности по договору возмездного оказания медицинских услуг	138

Раздел II

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ

<i>Апенюк А.Г.</i> Ответственность сторон социального партнерства за неисполнение коллективного договора	142
<i>Бакиновская О.А.</i> Актуальные аспекты ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий инвестиционного договора с Республикой Беларусь	144
<i>Бодакова О.В.</i> Административная ответственность за неявку сторон в судебное заседание в гражданском и хозяйственном процессах	148
<i>Боровая Е.В.</i> Моральные основания ответственности за уклонение от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей	150
<i>Брисюк А.А.</i> Совершенствование законодательства о служебной дисциплине и дисциплинарной ответственности в органах внутренних дел и других военизированных организациях	153
<i>Бычкова С.С.</i> Ответственность за задержку расчета при увольнении работника в Украине и Республике Беларусь: сравнительно-правовое исследование	156
<i>Гапоненко Д.В.</i> Медиативная оговорка в трудовом договоре	159
<i>Гоев А.В.</i> Взаимодействие правоохранительных органов и органов принудительного исполнения при исполнении судебных решений	161
<i>Греченков А.А.</i> Совершенствование норм Трудового кодекса Республики Беларусь о материальной ответственности работников	163
<i>Грицкевич Т.Р.</i> Процедурные пробелы в практике увольнения работника-совместителя	167
<i>Карнычев М.В.</i> Судебные штрафы как мера юридической ответственности	170

<i>Карнычев В.Ю.</i> Смарт-контракт как средство противодействия оппортунистическому поведению и злоупотреблению правом	173
<i>Клименто С.В.</i> Проблемы реализации мер ответственности в трудовом праве в государствах Таможенного союза ЕАЭС	177
<i>Курьлёва О.С.</i> Принудительное освидетельствование работника при его появлении на работе в состоянии опьянения: трудовая, административный и конституционный аспекты	179
<i>Ларченко А.А.</i> Исторический аспект такого вида уголовного наказания, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на территории современной Беларуси до рубежа Советского времени	182
<i>Мотина Е.В.</i> Поощрения за труд как средство обеспечения трудовой дисциплины в государствах ЕАЭС	185
<i>Папкеев М.А., Тарасенко Д.А.</i> О соотношении правовых составов дел об объявлении гражданина умершим и о признании его безвестно отсутствующим	188
<i>Солянкина Н.А.</i> Дисциплинарная ответственность руководителя как законная форма воздействия на нарушителя трудовой дисциплины	191
<i>Толстенков Д.А.</i> Принципы специальной дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел	194
<i>Томашевский К.Л.</i> Тенденция усиления мер трудовой ответственности работников в Беларуси в сравнении с другими странами ЕАЭС: путь к социальному государству?	197
<i>Ходырева А.В.</i> Правовое регулирование ответственности доверительного управляющего: сравнительная характеристика в Украине и странах Таможенного союза	200
<i>Чигилейчик А.В.</i> О возмещении вреда, причиненного гражданам при исполнении ими трудовых (служебных) обязанностей	203
<i>Ясинская-Казаченко А.В.</i> Принципы ответственности сторон в свете альтернативных способов урегулирования коллективных трудовых споров	206
<i>Сведения об авторах</i>	210

Научное издание

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В ГРАЖДАНСКОМ, ТРУДОВОМ, СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ
В ГОСУДАРСТВАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА ЕАЭС**

Материалы
Международной научно-практической конференции
(Минск, 17 декабря 2019 г.)

Технический редактор *А.В. Мозалевская*
Корректор *М.С. Прушак*

Подписано в печать 19.06.2020. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 12,78. Уч.-изд. л. 12,85.
Тираж 40 экз. Заказ 166.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск